

история / география / этнография

Трубадуры, труверы,
миннезингеры

Константин Иванович

Трубадуры, труверы, миннезингеры

Константин Иванович

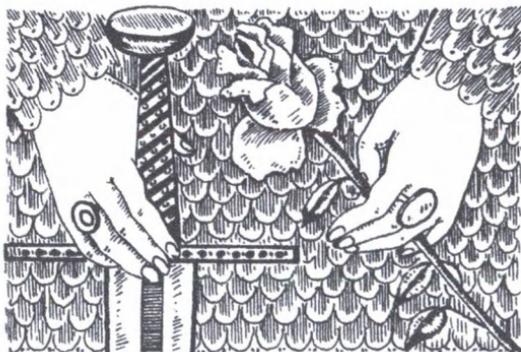

Ломоносов
издательство

Константин Иванов

Трубадуры, труверы,
миннезингеры

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94.4
ББК 83.3(0)4
И20

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Предисловие

Эпоха трубадуров, труверов и миннезанга является одною из важнейших эпох в истории культурного развития человечества. Она — необходимое звено в этом развитии, как необходимым звеном в нем являются Средние века вообще. Извлечь это звено нельзя, не нарушив при этом единства всей цепи. У нас до последнего времени раздаются иногда отголоски другого, уже осужденного наукой мнения. Взгляд этот возник, развился и поддерживался совершенно естественно, благодаря различным влияниям: здесь действовали и эпоха гуманизма, и эпоха реформационная, и эпоха просветительной литературы XVIII века и другие факторы. Тем более делает чести иное отношение к Средним векам тем лицам, которые обнаруживали его еще в ту пору, когда царил иной, ненаучный взгляд на Средние века.

Вот в каких выражениях коснулся этого взгляда один из почтенных французских

прелатов в речи, произнесенной им несколько десятков лет тому назад в одной из ученых корпораций. «В нашей истории, — говорил он, — есть эпоха, которой особенно не посчастливилось в восемнадцатом столетии. А между тем эпоха эта — одна из важнейших в истории, так как именно она и сформировала нас самих... Ее принято называть Средними веками... Ею возмущаются, потому что находят в ней пороки. Нетрудно было бы доказать, что во всей совокупности эти пороки, наличность которых неопровержима и во всяком случае вызывает чувство сокрушения, не были продуктом самих Средних веков, но перешли к ним от предшествующих поколений, языческих или варварских. Продуктом Средних веков следует считать только то, что они произвели из своей собственной основы и сами по себе; установив же такую точку зрения, я без всякого опасения стану утверждать, что Средние века — одна из величайших и прекраснейших эпох в истории человечества»*.

«Период Средних веков, — говорит немецкий ученый и поэт Уланд¹, — называли иногда тысячетлетней ночью. Но во всяком случае, ночь эта сияла звездами. В эту ночь восходили и заходили созвездия, невидимые нами в ту пору, когда на головы людей отвесно падают яркие лучи полуденного солнца.

Средние века — неизбежный, необходимый период в истории человеческого развития. Они сохранили для нас античную цивилизацию и создали свою, которая стоит не ниже античной. В Средние века создались современные нам народности и государства, заложены начала современной нам поэзии, развилась живопись, достигшая необыкновенно пышного расцвета в эпоху Ренессанса, отлилась в особые, осмысленные и одухотворенные формы архитектура, образовались те понятия и отношения, которыми и в которых мы живем в настоящее время. В этом именно смысле и говорит Леопольд Ранке в своем введении в историю XII и XIII ве-

* Большой отрывок из этой речи приводит Collin de Plancy в своей книге «Légendes du moyen Âge», с. 2 и сл. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, постранично — прим. авт.* Жак Огюст Симон Коллен де Планси (1794—1887) — французский писатель, автор сочинений по оккультизму и демонологии. — *Прим. ред.*

ков, что люди XIX столетия, обратившиеся к тщательному изучению Средневековья, открыли в нем не один из лучших корней своей собственной природы. «Мы глубоко убеждены в том, — продолжает знаменитый историк, — что современный нам мир не может быть понят без исследования тех времен»*.

Своими очерками мы и стремимся распространить в популярном изложении более близкие к истине представления о Средних веках как в кругу учащегося юношества, так и в более широкой сфере нашего образованного общества.

Стихотворные переводы различных произведений средневековой поэзии сделаны нами для настоящей книги в огромном большинстве случаев с их оригиналов. Это обстоятельство, сложность задачи, необходимость ближе ознакомиться с трудно понимаемым провансальским наречием и были теми причинами, которые замедлили появление в свет предлагаемой теперь книги о трубадурах, труверах и миннезингерах.

Многочисленные запросы и требования, поступавшие почти непрерывно по поводу предлагаемого труда к его автору в продолжение последних трех лет, еще раз убедили его в существовании известной духовной связи между ним и его читателями. В этом сознании автор почерпал силы для настоящей работы, под его же влиянием зарождались идеи новых работ и собирался материал для их выполнения.

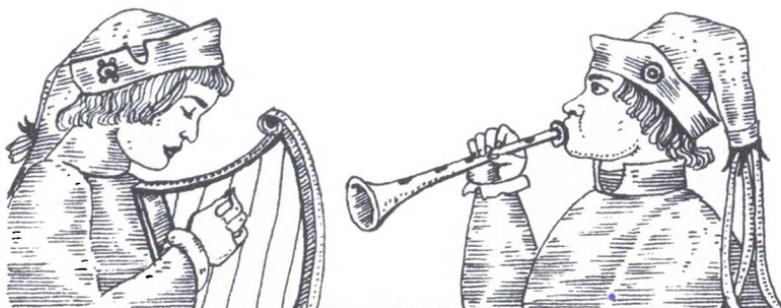
СПб., 29 марта 1901 г.

* Leopold von Ranke. Weltgeschichte, VIII Theil, Leipzig, 1887, с. 3.

Трубадуры

Трубадуры и жонглеры

Кто не слышал о трубадурах? Кому из образованных людей при этом слове не представляется в воображении рыцарский замок с зубчатыми стенами и башнями, с подъемными мостами и рвом? Кому из них не представляется при этом обширная замковая зала со стенами, увешанными различными рыцарскими доспехами, с огромным камином, с резными скамьями, столами и креслами? Кто в воображении своем не заполнял эту залу живым обществом рыцарей и дам в живописных, ярких цветах своими поэтических костюмах поэтической эпохи? Кто из людей, одаренных живым воображением и способностью переживать поэтические настроения, не рисовал себе этого общества жадно внимающим вдохновенному певцу, который поет перед ним о любви, о любви счастливой и несчастной, о любви земной, о любви возвышенной? Большинство и представляет себе трубадуров певцами любви. Во взгляде этом есть большая доля правды, но любовь далеко не исчерпывает содержания тех песен, которые слагались трубадурами.

И прежде всего, что значит само слово «трубадур», которое приобрело себе такую широкую известность, та-

кой поэтический колорит? Оно произошло от провансальского глагола «trobar» (*фр.* trouver), что значит «находить», «изобретать». Таким образом, слово «трубадур» (*прованс.* trobair, trobador) обозначает в буквальном переводе изобретателя, сочинителя песен.

Под названием трубадуrows разумеют тех поэтов XII и XIII столетий, которые слагали свои песни на провансальском наречии. Поэтическая деятельность трубадуrows противоплагалась народному творчеству и называлась самими трубадурами «искусством находить, изобретать» (*art de trobar*). При этом имелось в виду исключительно искусство слагать стихи, петь рифмованной речью. Словом «trobar» называлось и само стихотворение в смысле изобретения или выдумки отдельного лица. Другое название искусства трубадуrows — «веселое знание» или «веселая наука» (*прованс.* gai saber, *фр.* le gai savoir или la gaie science) — возникло значительно позже. Что касается столь распространенного слова «трубадур», то оно вошло в оборот очень быстро. Впервые его употребил Рембо (Раймбаут) Оранский (Raimbaut d'Aurenga), умерший в 1173 году, но мы встречаем его вскоре у Бертрана де Борна; впрочем, и у Рембо Оранского это слово применяется, если не ошибаемся, не более одного раза, а именно в стихотворении, написанном на кончину английского принца Генриха, где поэт говорит: «Скорбят по нем жонглер и трубадур».

Рембо Оранский считал себя поэтом-новатором, ставя себе в заслугу сочинение такого рода стихов, образца которых до него не было, и слово «трубадур» употребил, по-видимому, именно в этом смысле. Удачно придуманное или выхваченное им из житейского обихода слово получило право гражданства в области литературного языка.

Под именем трубадуrows подразумевались только лирические певцы, то есть поэты, выражавшие в своих всегда сравнительно небольших произведениях свое личное чувство или свой личный взгляд на то или другое лицо, на то или другое событие. Трубадуры резко отличались от авторов рассказов и новелл. Про одного из поэтов в средневековой рукописной книге высказано такое мнение: «Он был не добрым (то есть не настоящим) трубадуром, но автором новелл», иначе гово-

ря — не лирическим, а эпическим поэтом*. Вообще трубадуры относились пренебрежительно к эпическому виду литературного творчества, и один из известнейших трубадуров, Гиро (Гираут) де Борнель (Guiraut de Bornelh), выражал даже негодование на то, что романы и новеллы находят себе благосклонный прием при дворах. Таким образом, на свою поэзию они смотрели как на единственно достойную внимания высшего феодального общества, как на поэзию придворную.

Сводя все вышеизложенное в одно целое, мы можем дать уже вполне точное определение понятия «трубадур». Под трубадурами следует разуметь лирических поэтов, слагавших свои песни на провансальском наречии и распространявших их среди высшего феодального общества. Как же зародилась, при каких условиях достигла своего блестящего развития эта лирическая поэзия, влияние которой распространилось далеко за пределами ее родины? Откуда заимствовала она красоту формы, искусство и изящество слога? Откуда взяты ею яркие краски и музыкальные созвучия, отличающие ее? На этом интересном вопросе мы и остановим теперь свое внимание.

Вся нынешняя Франция, или Галлия, была, как известно, покорена римлянами еще за полвека до Рождества Христова и составила римскую провинцию. Ее первоначальное кельтское население в сравнительно скорое время восприняло римскую образованность. Народный латинский говор сделался языком ее населения. Завоевание Галлии франками привнесло в область языка много нового. Из соединения латинского языка с языком франков, испытавшим сильное влияние первого, образовался так называемый романский язык. Сначала в этой сфере под влиянием указанных событий господствовало почти полное однообразие. Наречия,

* Речь идет об Элиасе Фонсаладе — «no bon trobair, mas noellaire to». (Эн Элиас Фонсалада (XII век), родом из Бержерака, был прекрасным рассказчиком, но талантом трубадура не отличался и считался жонглером. Жонглеры — странствующие сказители — были большей частью более низкого происхождения, нежели трубадуры, и выступали, в отличие от трубадуров, не только перед знатью, но и перед простыми горожанами и крестьянами. — *Прим. ред.*)

на которых говорило население различных частей Галлии, представляли собой лишь незначительные оттенки господствующего языка. По крайней мере, население ее различных частей отлично понимало друг друга. Но с течением времени единство языка, и без того неполное, стало нарушаться еще более, и в разных областях Галлии проявились и стали развиваться местные особенности. Уже в знаменитой Страсбургской клятве (842 год), текст которой, к счастью, дошел до нас в современных мемуарах графа Нитгарда², встречаются черты, принадлежащие Северной Франции и непонятные ее югу. С течением времени с развитием феодализма, привнесившего с собой торжество местных начал, разница между северофранцузским и южнофранцузским говорами увеличивалась все более и более. Говор, господствовавший в Южной Франции, получил специальное название провансальского наречия. По различному произношению на севере и юге Франции утвердительно частицы оба эти говора стали называться своими собственными именами. На севере Франции, отвечая на вопрос утвердительно, говорили *oïl*, из чего вышла французская частица *oui*. Поэтому и язык Северной Франции назывался *langue d'oïl*. В Южной Франции вместо *oïl* говорили *oc*, и потому провансальское наречие, господствовавшее в ней, стало называться *langue d'oc*. Если мы проведем линию от устья реки Севры, отделяющей департамент Шаранты от Вандеи и впадающей в Атлантический океан, до Женевы, то отметим приблизительную границу между частями Франции, в которых царил каждый из этих языков. Таким образом, провансальское наречие господствовало на обширном пространстве. В этой стране находились когда-то (в эпоху империи) семь южных провинций Галлии, которые Рим застроил своими цирками, театрами, храмами, школами, самоуправляющимися городскими общинами... Здесь римское влияние сказалось с особенной силой. Здесь-то и процветала лирическая поэзия трубадуров с XI по XIV век.

Но ни Пиренейские горы, ни Средиземное побережье Франции не были границами ни языка, ни лирической поэзии французского юга. И тот, и другая процветали во всей восточной половине полуострова Пиренейского и на Ба-

леарских островах. Таким образом, провансальское наречие было народным языком в восточной части того полуострова, политические судьбы которого были тесно связаны с судьбами юга; не раз значительная часть Пиренейского полуострова соединялась в одно целое с Тулузским и Прованским графствами. Различие между севером и югом Франции и сходство последнего с Пиренейским полуостровом было так велико, что трубадур XII века Альберт Систерон делит население Франции на французов и каталонцев, под которыми понимает население французского юга. Конечно, различие между северными и южными французами не ограничивалось только областью языка, но выражалось и в характере населения. Последнее различие ярко отмечено французскими писателями; достаточно указать на романы писателя Альфонса Доде — «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона», «Тартарен в Альпах», «Порт-Тараскон» и др.

Оставляя в стороне осмеянные отрицательные стороны, мы отметим следующие черты, характеризующие южанина: он отличается поразительно богатым воображением, любит и умеет поговорить, его речь блещет яркими метафорами, он — поэт в душе, находчивость его изумительна, его ум необычайно гибок. Говоря о самом несбыточном деле, он готов верить в его осуществимость. И теперь, несмотря на то что прошли века после тесного слияния обеих половин Франции, эти особенности бросаются в глаза.

Яркость метафор, пылкость воображения, страстность чувств — все это питалось и поддерживалось палящим солнцем и зноем юга, роскошным расцветом растительного царства, богатством красок и их оттенков в самой атмосфере. Между хлебными полями и виноградниками здесь возвышались многочисленные богатые города, из которых каждый представлял республику в миниатюре, и много великолепных замков, которые представляли миниатюрные подобиya императорского двора. Юг Франции находился в непрерывных сношениях с Италией, Грецией и Востоком. Особенно славились этими сношениями богатые города — Марсель, Авиньон, Арль, Нарбонна, Тулуза и Бордо. Здесь на рынках в торговое время можно было видеть смешение племен, язы-

ков и вер. Тут вместе с мусульманами были все народности, подвластные некогда Римской империи. Тут говорили почти на всех языках тогдашнего мира. Сюда свозились предметы и необходимые в обиходе, и изысканной роскоши: шелка и шерстяные ткани Азии и Италии, оружие Дамаска, зеркала, драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, восточные пряности и благоухания.

Этот постоянный обмен богатств, эта живая деятельность, это разнообразие и плодотворное движение сопровождались и обменом идей, обменом цивилизаций. Здесь находили гостеприимный прием врачи и математики, получившие образование в центрах мавританской культуры — в Кордове и Гренаде. Греки завозили на ярмарки Нарбонны и Тулузы не только восточные ароматы и шелк, но и смелые учения, подрывавшие авторитет господствующей церкви. Цивилизация мавров, достигшая в короткое время замечательного расцвета, их тонкая наука, их элегантные искусства, их изобретения проникали на полуиспанский юг Франции. Основатель Кордовского халифата Абдеррахман³ задумал украсить свою столицу по образу лучших городов далекого Востока. При завоевании каждого города арабы прежде всего строили мечеть и основывали при ней школу. Абдеррахман начал строить ту мечеть⁴, которая до нашего времени вызывает удивление путешественников, несмотря на множество обезображивающих ее переделок. Припомним, что говорит один из наших туристов только об одном уголке этой мечети, о михрабе — часовне созерцания: «Надобно видеть, с какой изящной роскошью украсила ее арабская фантазия! Вся она из чистого белого мрамора, с маленькими колоннами, окруженными мозаикой из цветных кристаллов; всюду разбросаны изречения Корана, буквы из золоченых кристаллов, и около всего этого вьются самые роскошные, самые капризные арабски» (Боткин⁵).

Тот же халиф выстроил себе загородный дворец и окружил его обширными садами, которые засадил редкими растениями, вывезенными из Сирии и других стран Востока. Финиковая пальма, насажденная им, отлично привилась в мягком климате Андалузии и стала родоначальницей всех остальных пальм того же вида, растущих в Европе.

Тот же халиф покровительствовал поэзии и сам был поэтом. Остановим на несколько мгновений свое внимание на одном из его стихотворений, обращенном к одинокой финиковой пальме.

О, пальма стройная моя!
 Себя ты чувствуешь чужою
 В стране заката: ты, как я,
 Разлучена с родной страной.
 О, плачь!.. Но как же плакать ей?
 Она безгласна, одинока;
 Она не ведает скорбей,
 Меня терзающих глубоко.
 Когда б жила ты, как я сам,
 Ты заливалась бы слезами,
 К Евфрату, к пальмовым лесам
 Летя крылатыми мечтами.
 Стоишь без чувств ты предо мной;
 Я сам почти забыл о милой
 С тех пор, как бросил край родной,
 Гонимый вражескою силой!*

Благодаря образцовой системе орошения в Испании стало процветать земледелие. В то же время необычайно развилась и промышленная деятельность населения. Преемники Абдеррахмана шли по его стопам. Юноши с увлечением занимались науками в Кордове, Севилье, Толедо и других городах, сделавшихся научными центрами. Вообще начиная с X века в Испании проявляется необыкновенный интерес к научным знаниям. Образовательные экскурсии стали почти заурядными явлениями. Просвещенные обитатели Пиренейского полуострова совершали далекие поездки вдоль всего североафриканского побережья в Египет, а оттуда в Бухару или Самарканд, чтобы послушать лекции какого-нибудь светила науки. Одного увлекало стремление собрать предания о жизни и изречениях Магомета, другого влекли в такие поездки филологические интересы, третьи желали изучать под руководством прославленных знатоков право, медицину, астрономию или философию.

* Наш перевод с немецкого.

Отдельные такие путешествия предпринимались в Индию, в Китай и в глубь Африки. Многие из халифов с благородным увлечением собирали книги и полагали начало знаменитым книгохранилищам, другие расширяли их. Когда Кордовский халифат разделился на несколько самостоятельных владений, это политическое разделение только способствовало дальнейшему развитию культуры. Владетели соперничали друг с другом в просвещенном содействии наукам и искусствам. Толпами собирались при их дворах жрецы науки и искусства; их привлекали сюда и различные льготы, и богатые дары.

Сохранилось прекрасное сказание об арабском филологе Абу-Гамбе. Один из местных мавританских владетелей в Испании просил его посвятить ему свою книгу и послал ему в подарок за это тысячу червонцев, коня и роскошную одежду. Автор отослал подарки обратно и сказал при этом: «Я написал свою книгу, чтобы принести пользу людям, а себе доставить бессмертие; неужели же я украшу ее теперь чужим именем и отдам свою славу другому? Никогда!» Когда посланные передали владетельному князю слова ученого, он выразил свое удивление и вдвое наградил ученого за его труд. Таковы были покорители Испании, ближайшие соседи провансальцев.

Простите за это отступление, но вы сами чувствуете теперь его необходимость. Победители — христиане Пиренейского полуострова — сами поддавались обаятельному влиянию арабской культуры и, в свою очередь, распространяли это влияние на юг Франции. Мудрено ли после этого, что именно здесь развилась в полном блеске лирическая поэзия трубадуров?

Все указанные нами влияния подготавливали почву и создавали атмосферу для возникновения и развития этой литературы и вообще культурных условий жизни. Но необходимо отметить еще одно обстоятельство, с которым мы встречаемся в Испании и Южной Франции. Мы имеем в виду борьбу с магометанами. Эта борьба, происходившая и в самой Южной Франции и увлекавшая ее бойцов в Испанию, воспитала в населении Южной Франции воинственную отвагу. Церковь пошла ей навстречу и благословила ее. Так на про-

вансальской почве выросло европейское рыцарство. Быстро распространилось оно отсюда по всем странам Западной Европы, так как вполне соответствовало понятиям и чувствам их населения. Не забудем, что именно здесь, в Южной Франции, раздалась впервые проповедь крестовых походов и отсюда уже охватила всю Западную Европу. Здесь создались те рыцарские идеалы, которые, конечно, всегда стояли выше действительности, но все же облагораживали ее. Без них жизнь была бы еще низменнее, еще грубее, еще насильственнее. Храбрость рыцаря, его великодушие, его идеалы чести и любви, его набожность нашли себе выражение в лирических песнях трубадуров. Рыцарство было новой и могучей силой в руках церкви. И нельзя не отметить его влияние на положение женщины. Отвергать это влияние нельзя, но необходимо рядом с ним отметить и другое — влияние испанских арабов.

Положение женщины у последних было свободнее, чем у других магометан. У них женщины принимали участие во всех сферах умственной жизни. Число женщин, прославившихся научными трудами и поэтическими произведениями, довольно значительно. По этой причине здесь и создалось то уважение к женщинам, которое едва ли знал мусульманский Восток. Союз мужчины с женщиной облагораживался наличием духовного сближения. Любовь мужчины воспламенялась не только под влиянием телесных совершенств, но и умственного превосходства любимого предмета. Нередко бывали такие случаи, когда два сердца соединялись в одном союзе под влиянием обоюдного влечения к музыке или поэзии. Это уважение к женщине, этот более возвышенный взгляд на нее нашли себе отражение в произведениях арабской литературы. Читая арабские стихотворения даже в переводах, мы поражаемся их необыкновенной грациозности, искренности и яркости красок. Сильно напоминают они «*Vuch der Lieder*» Гейне⁶. Такой же свободой пользовалась женщина и на юге Франции. Здесь женщины могли быть обладательницами поземельной собственности. Они пользовались в обществе большим влиянием. На этой почве и возникло здесь так называемое служение дамам (*domnei* от слова *domna* — дама, госпожа, *лат.* *domina*).

Рыцарь-трубадур избирал себе даму, которая отличалась прежде всего молодостью и красотой, а также умом, прекрасными манерами и вообще любезным обращением с людьми. Он избирал ее себе как предмет рыцарской любви или служения. Один из трубадуров так изображает нам эту рыцарскую любовь: «В этой любви есть четыре степени: первая степень — любовь колеблющегося (*feignaire*), вторая — просящего, умоляющего (*pregaire*), третья — услышанного (*entendeire*) и последняя — друга (*drutz*). Тот, кто стремится к любви и часто ухаживает за своей дамой, но не осмеливается поведать ей свою муку, по справедливости может быть назван колеблющимся, боязливым. Но если дама оказывает ему столько чести и так ободряет его, что он осмеливается поведать ей о своей муке, такой человек вполне правильно может быть назван умоляющим. Если умоляющий своей речью и просьбами достигает того, что она удерживает его при себе, дает ему свои ленты, перчатки или пояс, он поднимается уже на степень услышанного. Наконец, если даме благоугодно выразить свое согласие на любовь поцелуем, она делает его своим другом». Избранный рыцарь терял свою свободу и становился в зависимость от своей дамы. Зависимость эта напоминала ту, в которую становился вассал от своего сеньора. Рыцарь становился на колени перед своей дамой, клал свои руки в ее руки и клялся служить ей верно до своей смерти и защищать ее от всякого зла, от всякого оскорбления. Она же объявляла, что принимает его в свою службу, обещала раскрыть для него свое сердце, вручала ему перстень, поднимала его с земли и давала ему свой первый поцелуй. Рыцарь носил любимые цвета своей дамы, которые всегда напоминали ему ту, с кем он был соединен клятвой. Само собой, что союз этот обуславливался свободным согласием сторон. Если рыцарь, обязавшийся служить даме, обладал поэтическим даром, он должен был слагать в честь нее стихи.

Распространение же последних, конечно, зависело от степени таланта их автора. Здесь необходимо отметить одну особенность южнофранцузского рыцарства. На юге Франции рыцарское звание не было так тесно связано с обладанием землей, как на севере. Таким образом, и само обладание зем-

лей не было здесь принадлежностью феодальных привилегий. Чаще, чем где-либо, рыцарское звание распространялось здесь на средние классы и снисходило даже до виллана⁷. Безземельные рыцари образовали значительное сословие.

Свободные от вассальных обязанностей, полные горда в любви и ненависти, они поступали на жалованье к богатым баронам и крупным владельцам. Не было ни одного сколько-нибудь известного двора, при котором нельзя было бы встретить этого добровольного воинства рыцарей, независимых в силу самой своей бедности и совершенно непохожих на тех рыцарей-вассалов, которых сюзерен созывал для безвозмездной службы. Тем с большим жаром защищали они свое благородство: наиболее восторженные из них жертвовали жизнью, чтобы защитить это священное в их глазах наследие, заменявшее им наследственную землю. Они охотно останавливались в тех местах, где ожидало их приятное времяпрепровождение. Они-то и были жрецами служения дамам. Многие из этих странствующих рыцарей делались трубадурами; благодаря этому поэзия рассматривалась здесь как благородное занятие. Она была одним из цветков рыцарского венка.

В прежнее время по вопросу о возникновении провансальской поэзии высказывались, между прочим, взгляды, выводившие это явление из античного мира, из Древнего Рима или от арабов. Потом появилось новое направление, сводящееся к положению о полной самобытности южнофранцузской литературы. Само собой разумеется, что все эти взгляды, не исключая и последнего, страдают односторонностью. В каждом из этих взглядов есть доля правды, но преувеличенная до больших размеров. Приводя к одному знаменателю все сказанное нами выше по вопросу о возникновении блестящей лирической поэзии на юге Франции, мы останавливаемся на следующем положении. Провансальская литература выросла на родной почве, как ее лучший цветок, но в образовании этой почвы, в создании необходимых для полного его расцвета условий участвовали и римская культура, и арабы Испании.

Местным началом провансальской поэзии были народные песни, дошедшие до нас, к сожалению, только в незна-

чительных обрывках да в некоторых припевах. Распевались эти песни на сельских хоровах. Кроме того, от времен Рима сохранились бродячие певцы, жонглеры, которые нередко импровизировали на разные темы. Сперва они распевали свои песни на народном латинском языке, а потом и на провансальском наречии. Песни эти были разнообразного характера — и лирические, и повествовательные, и комические, и серьезные, и духовные, и светские. Распевались они на площадях, на турнирах, в замках.

Пение сопровождалось простым, однообразным аккомпанементом. Жонглеры смешивались в одно сословие с различными фокусниками, фиглярами и шарлатанами, выдававшими себя за волшебников и магов. Они должны были уметь играть на разных инструментах, танцевать, бросать ножи и ловко ловить их, подражать пению птиц, скакать сквозь обручи. Нередко они водили с собой обезьян или собак, потешали публику марионетками; последние представляли собой подобие нашего Петрушки. Они могли удовлетворять только низменным вкусам. Потребностям же более утонченного вкуса, когда последний народился, стали отвечать трубадуры. Потребности же эти народились постепенно, под воздействием многих, уже выясненных нами обстоятельств.

Таким образом, трубадуры имели своих предшественников в жонглерах. Но и с появлением последних жонглеры не перевелись. Одни из них продолжали заниматься прежним делом, другие примкнули к трубадурам. Они стали помогать им слагать мелодии, пели их стихи, аккомпанировали им на своих инструментах. Наиболее употребительным из последних была виола. Виола — одна из прабабушек нашей скрипки.

Усовершенствования в области струнных инструментов начались с XII века. Наиболее древним видом их является крута (croust, crotta). Она представляла собой продолговатый ящик с закругленными углами. По бокам этого звучного ящика делались выемки, но не слишком заметные. Рукоятка не была верхней надстройкой корпуса, как мы видим это у гитары или скрипки, а приделывалась к самому корпусу с его оборотной стороны, так что играющий на круте

брал этот инструмент за его дно. Для пропуска пальцев на переднюю доску круты, на струны, в соответствующем месте ящика заготавливались отверстия; благодаря этому левая рука, которой играющий держал инструмент, не была видна, видны были только пропущенные в отверстие пальцы. В правую руку музыкант брал смычок; он бывал и прямым, и сильно согнутым, снабжался только одной проволокой или, как и теперь, пучком волос. Сначала крута снабжалась только тремя струнами, потом это число было увеличено еще одной и, наконец, дошло до шести, но две из них не модулировали.

Круту сменила рота. Она уже приближалась по форме к нашей виолончели; над корпусом у нее находим шейку; тут уже не было того стеснения левой руки играющего, которое мы замечаем в круте.

И на круте, и на роте играли так, как теперь играют на виолончели или контрабасе. Иное дело — виола. Этот инструмент, представлявший собой ту же роту, но в уменьшенных размерах, прикладывался играющим к груди или к подбородку, как это делают теперь со скрипкой. Последняя, изобретенная в Италии, вытеснила из употребления свою предшественницу. Очень может быть, что само название «виола», означающее «фиалка», произошло от верхнего конца ее шейки, которому придавалась форма, напоминающая строение цветка.

В изобретениях этих инструментов и в усовершенствовании их принимали участие Англия, Франция и Италия. Крута распространялась из Англии, рота — изобретение французов, Италия — родина скрипки. Кроме указанных инструментов, бывших в руках жонглеров и трубадуров, шпильманов⁸ и миннезингеров, часто упоминается еще гига (*старонем. gige; нем. geige*; во французском языке превратилось в *gigue*).

Каждый из трубадуров имел при себе одного или нескольких жонглеров, смотря по своим средствам. Жонглеры всецело зависели от своих трубадуров. Вот что говорит один из трубадуров про своего жонглера: «Я бы мог легко погубить его: для этого стоило бы только не передавать ему моих стихотворений, и тогда не нашлось бы ни одного человека, который накормил бы его или позволил ему переночевать у себя

хотя бы одну ночь». Жонглеры не только кормились трубадурами и жили у них, но получали еще частицу тех наград и подарков, которые выпадали на долю трубадуrows. Прекрасно характеризует положение жонглеров рассказ, написанный в XII веке: «Один жонглер пришел к королю. Тот посадил его за стол вместе с другим жонглером. Жонглер, ранее прибывший, позавидовал своему товарищу, так как последний больше него понравился королю и его придворным. И он задумал высмеять его перед всеми. Для этого он собрал потихоньку все кости, оставшиеся от съеденного присутствующими мяса, и положил все эти кости перед своим товарищем. После этого он показал королю на груды костей и, питая в душе злой умысел, сказал ему: “Государь, мой товарищ съел мясо со всех этих костей”. Король косо посмотрел на него. Обвиненный же жонглер сказал, обращаясь к королю: “Государь, я поступил по-людски, съел мясо, а кости оставил, мой же товарищ, как собака, съел и мясо, и кости”».

Кроме жонглеров, сопровождавших трубадуrows, оставались еще и такие, которые бродили из замка в замок, из города в город, или в одиночку, или целыми толпами. Они не только проделывали различные фокусы, но распевали песни, рассказывали сказки: последние передавались ими большей частью в стихотворной форме. Вот эти-то бродившие целыми ватагами жонглеры содействовали тому, что само имя жонглера стало чем-то достойным презрения. Кроме жонглеров существовали и жонглерессы; они бродили вместе и принимали совместное участие в представлениях. Вот как отзывается о бродячих жонглерах Ригор, средневековый историк (XII и начала XIII века), написавший историю Филиппа II Августа:

«Дворы королей и других влиятельных особ — обыкновенное место встречи целой толпы скоморохов, которые приходили туда, чтобы урвать себе что-нибудь: золото, серебро, лошадей, одежду, которой они часто меняются; они с намерением говорят забавные вещи, приправленные лестью. Чтобы понравиться наверняка, они подделываются под вкусы своих слушателей, без отдыха заливают их потоком самых необузданных и смешных любезностей, веселых и безнравственных сказок. Мы видели владетельных особ, которые,

поносив едва восемь дней платье, изукрашенное рисунками, сделанными с громадным трудом, усеянное чрезвычайно искусно изготовленными цветами, купленное за 20 или 30 серебряных марок, отдавали его при первом появлении шутов». Но Ригор был монахом (монастыря Сен-Дени); поэтому его отзыв можно заподозрить в пристрастии; с другой стороны, он так говорит о дорогой одежде, что невольно возникает подозрение, что он желал бы видеть эти дорогие и прекрасные ткани принесенными в дар своему аббатству.

Послушаем же, что говорит светское лицо, один из поэтов XIII века («Beuve de Hanstone»⁹): «Жонглер — человек неблагопристойный; он проводит всю свою жизнь за игрой, в тавернах или местах еще худших. Только он заполучит немного денег, как сейчас же тащит их туда. Когда у него нет ничего, он идет к еврею и закладывает ему свой музыкальный инструмент. Жалко смотреть на него, оборванного, босого, без рубахи при северном ветре, в дождь. Но, несмотря на все это, он всегда весел, его голова всегда украшена розами; он непрерывно поет и просит у Бога только одной вещи — чтобы все дни недели превратились в воскресенья». Справедливость требует согласиться с тем, что жонглеры не добывали себе средств к жизни без труда. Сколько нужно было иметь им ловкости и умения, чтобы держаться при дворах или в замках! «Умей, — обращается к новичку-жонглеру мастер этого дела, — умей творить и приятно рифмовать, хорошо говорить, предлагать различные забавы, вертеть бубен, играть на кастаньетах и на симфонии*. Умей бросать и ловить ножами маленькие яблоки, играть на сителе**, на мандоре***, скакать через четыре обруча, играть на арфе, на гиге и пользоваться-

* Огромная гитара с двумя отверстиями на верхней доске, с тремя струнами. Струны приводились в движение особой рукояткой, помещавшейся внизу инструмента. На шейке находилось восемь подвижных гребешков, которые можно было по желанию или поднимать, или спускать вдоль шейки.

** Нечто вроде цитры (струнный шипковый музыкальный инструмент, получивший наибольшее распространение в Австрии и Германии в XVIII веке. — *Прим. ред.*).

*** Маленькая арфа.

ся своим голосом. Играй весело на псалтерионе¹⁰; заставляй звучать десять струн. Научившись, ты сможешь справляться с десятью инструментами. Ты расскажешь потом, как сын Пелея разрушил Трою...»

С течением времени жонглеры стали называться менестрелями (*старофр.* menestrel, *англ.* minstrel). В продолжение всех Средних веков между этими названиями не существовало никакой разницы. Нетрудно прийти к тому выводу, что положение жонглеров, служивших трубадурам, было лучше сравнительно с положением жонглеров описанного нами вида.

Случалось, что прозвище жонглера давалось и трубадурам. Вот, например, как жалуется на это трубадур Сордель¹¹: «Большая несправедливость называть меня жонглером: он следует за другими — напротив, другие следуют за мной; я даю, не получая за это ничего, а он получает, ничего не давая; всем, что он при себе имеет, он обязан милости других; я не беру ничего, что могло бы мне принести бесчестие; скорее, я раздаю свое, не желая подарков». Но это заявление не может быть отнесено к большинству трубадуров, в силу своей бедности не пренебрегавших дарами богатых и знатных покровителей.

Нас поражает большое число поэтов рыцарского происхождения. «Из пятисот южных трубадуров, — говорит Фориэль*, — имена которых дошли до нас, по крайней мере половина принадлежит к рыцарскому сословию. В числе их много могущественных феодалов, графов, князей и даже королей». Таким образом, высшее сословие содействовало развитию поэзии в двух отношениях: оно покровительствовало ей, ласкало и одаряло трубадуров, оно и само выставляло из своей среды много выдающихся певцов; оно, по удачному выражению Дица**, брало первый аккорд.

* Fauriel. Histoire de la poésie provençale. (Клод-Шарль Фориэль (1772—1844) — французский историк, филолог, историк литературы и критик. — *Прим. ред.*)

** Diez. Die Poesie der Troubadours. (Фридрих Кристиан Диц (1794—1876) — немецкий филолог, профессор университета в Бонне с 1823 года, основоположник сравнительного изучения романских языков. — *Прим. ред.*)

Особенно же много находило себе адептов искусство слагать стихи в среде безземельных бедных рыцарей (например, Раймбаут де Вакейрас¹² и др.) Но среди трубадуров не были люди исключительно рыцарского происхождения. Зная необычайное развитие городской жизни на юге Франции, богатство и культурность городов, исходя только из этого общего положения, мы заранее ответили бы в утвердительном смысле на вопрос об участии в поэтической деятельности представителей городов. Об этом свидетельствуют произведения трубадуров, вышедших из рядов буржуазии (например, Фолькет Марсельский¹³, Пьер (Пейре) Видаль¹⁴ и др.) Были в среде трубадуров и лица темного происхождения, и даже беглые монахи. Монах Монтодон сделался странствующим певцом с разрешения своего настоятеля, который потребовал при этом, чтобы заработок монаха-жонглера шел в пользу монастыря.

Где же формировались эти поэты? Существовало ли правильно устроенное общество трубадуров или школа, в которой они учились своему искусству? До XIV века, то есть до времени упадка лирической поэзии, таких обществ не было. Школ также не существовало. Если бы существовали такие школы, то их влияние сказалось бы и на произведениях трубадуров; между тем таких однородных черт и выражений, которые можно было бы приписать школьному влиянию, в произведениях трубадуров не встречается. С другой стороны, до нашего времени дошло много стихотворений критического содержания, в которых трубадуры критикуют произведения своих коллег, но ни в одном из них нет критики форм, нет указаний на какие-либо заранее установленные правила, критике подвергается только мысль, высказанная автором. Наконец, будь такая школа, о ней непременно сохранилось бы хоть беглое известие, но такого известия нет. Здесь, на юге Франции, господствовала полная свобода, царили личные приемы, личные склонности. Правда, молодые трубадуры учились у старых, прислушивались к песням наиболее известных певцов. Таким образом, существовали известные традиции, которые и передавались одним поколением другому. «Я имею вокруг себя довольно наставников, — говорит один из трубадуров, Жоффруа

Рюдель¹⁵, — луга, сады, деревья и еще пение птиц». Не было на юге Франции и правильно устроенных, периодически происходивших поэтических состязаний. Если и встречаются у летописцев указания на увенчание лавровым или золотым венком того или другого из замечательных трубадуров в торжественном собрании, то на них приходится смотреть как на явления случайные.

В прежнее время господствовала гипотеза о существовании в Средние века особых судов (*cours d'amour*), которые разрешали возникавшие спорные вопросы или недоразумения в сфере любви и имели свои собственные уставы. Вот что находим по поводу них у одного из французских писателей, правда довольно легкомысленного*:

«Вот мы дошли, наконец, в своем изложении до одной из интереснейших и характерных черт тех отдаленных столетий, которые занимают наше внимание, до одного из самых оригинальных, самых колоритных и самых культурных учреждений, существовавших в Средние века. Дамские парламенты, в которых прабабушки наши, жившие в эпоху Крестовых походов, постановляли всеми уважавшиеся решения в форме, практикуемой в обыкновенных судах, казались историкам фактом столь странным, что большая часть из них оставила в тени существование этих судилищ. Эти куртуазные ассизы долгое время считались даже за простые вымыслы поэтов». Автор, слова которого мы только что привели, пытается доказать, что сомнения в действительном существовании таких судов — простое заблуждение, что суды действительно существовали, а решения дам-судей постановлялись на основании особого кодекса (*code d'amour*). Он пытается доказать верность своего положения ссылками на современных описываемой им эпохе летописцев и заключает свое рассуждение следующими словами: «Суды любви не принадлежат только к обширной области поэтических фантазий».

Автор верит в существование подобного кодекса и рассказывает легенду, действительно жившую в поэтическом во-

* Antony Méray. *La vie au temps des cours d'amour*. Paris, 1876.

ображении средневекового общества: «Как и все священные книги, пред которыми преклоняется человеческий разум, и эта книга, составленная из золотых листочков, на которых были начертаны догматы новой веры любви, имела таинственное и легендарное происхождение. В течение целого ряда веков этот идеал сердечных откровений, удерживаемый могущественным волшебством в когтях символического сокола при дворе короля Артура, дождался, чтобы какой-нибудь рыцарь возымел отвагу разрушить волшебные чары и овладеть им». Затем автор серьезно задается вопросом, в каких костюмах творили дамы свой суд, в обычных ли, или были особые судейские мантии, в которые облачались они для таких случаев? Убеждение в верности своего взгляда сообщило изложению автора поэтический колорит, но убеждение это совершенно неосновательно.

Еще Диц убедительно доказал это. «Никогда, — говорит он в своем классическом исследовании, — никогда не существовало формально установленных и постоянных *couts d'amour*, куда приходили бы любящие друг друга существа выставлять, вопреки всем правилам благопристойности, на глаза общества свои несогласия и тайну своих отношений. В случае несогласия или ссоры и невозможности сговориться обе стороны обращались к одному или нескольким лицам, иначе говоря, к маленькому и совершенно случайному трибуналу, избранному заинтересованными сторонами; обыкновенно спорящие не доверялись избранным судьям иначе, как под охраной анонимности и при посредничестве третьего лица. Не существовало ни закона, ни кодекса любви, которые могли бы применять дворы или судьи. Но в случайно составлявшихся кружках, куда входили только приглашенные лица, благородные рыцари и приятные замковладельницы, любили упражняться в остроумии: поднимали трудные вопросы из области любовной науки, обсуждали их, давали их разрешение. Это было просто приятным препровождением времени в обществе». В очерке, посвященном жизнеописанию и поэзии Бертрана де Борна, мы увидим блестящее подтверждение только что приведенного здесь положения. Подтверждение этому найдем и при рассмотрении тех видов, на

которые подразделялись произведения лирической поэзии трубадуров.

Как же подразделяются эти произведения? Древнейшая и самая простая лирическая композиция называлась у трубадуров словом *vers* (*лат.* *versus* — стих). Тем же словом трубадуры называли и произведения народной поэзии. Как в произведениях народной поэзии, как в церковных латинских гимнах древней формации, так и в элементарных стихотворениях трубадуров, в их *vers*, обыкновенно повторялась одна и та же рифма (*прованс.* *gima, gim*), а именно — мужская, то есть односложная.

Скоро этот вид поэзии, содержание которого сводилось почти исключительно к любви, был брошен трубадурами, которые стали писать кансоны, или канцоны (*прованс.* *canso*; *ит.* *canzona*). По форме кансона является более совершенной сравнительно со своей предшественницей. Кроме изображения чувств любви и восхваления любимого предмета, она употреблялась для прославления благодетелей или умерших и заметно клонилась в сторону сюжетов религиозных. Приведем как пример кансону Арно (Арнаута) де Марейля (*Arnaud de Marveil*), талантливого певца, происходившего из самого низкого общественного слоя, но любившего графиню Аделаиду, дочь Раймунда V, графа Тулузского, и воспевшего ее.

Все о ней говорит: утром ранним заря,
И цветы, что весной украшают поля,
Все твердит мне о ней, о прекрасных чертах,
И ее воспевать побуждает в стихах.
Ее первой красавицей мира готов
Я назвать, хоть и много на свете льстецов;
Прозывали они так красавиц своих;
Имя точное ей то прозвание их*.

Третьим распространенным видом был сирвента (*прованс.* *sirventes*). Она резко отличается от кансоны, так как в ней воспеваются война, мщение, ненависть, а не любовь.

* Перевод сделан нами.

По счастливому выражению Обертина*, в сирвентах воспевали все алчные и сильные страсти, которые спускаются с цепи личными интересами и политикой. Как лучшим орудием ими пользовались знатные владетели в борьбе со своими противниками. К сирвенте можно применить то, что Пушкин сказал про эпиграмму:

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
 Давай мне мысль, какую хочешь:
 Ее с конца я заострю,
 Летучей рифмой оперю,
 Взложу на тетиву тугую,
 Послушный лук согнув в дугу,
 А там пошлю наудалую —
 И горе нашему врагу!

Этот вид лирической поэзии отличался лихорадочным жаром памфлета, горечью и колкостью сатиры. Само название «сирвента» происходит от латинского слова *servire*, что значит «служить». Сирвентами назывались такие песни или стихотворения, которые писались придворным поэтом, состоящим на службе у своего сеньора. Это были служебные стихотворения. Конечно, трубадуры могли слагать их и для своих собственных потребностей, высказывать в них свои собственные взгляды.

Нередко сирвента посылалась врагу вместо вызова на войну. Если другой поэт желал ответить на сирвенту, то был обязан сохранить в своем ответе ту же форму, воспроизвести те же рифмы. Сирвенты не щадили никого, не останавливались, замолкая, ни перед кем; не было такого величия, которое могло бы остановить их убийственный полет. Они летели в любого без разбору, как никого не разбирает на войне пуля. Не всегда авторам этих злобных произведений отвеча-

* Aubertin. Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen-âge. (Шарль Обертин. История французского языка и литературы в Средние века. Шарль Обертин (1825—1908) — французский писатель. — *Прим. ред.*)

ли сирвентами. Поэт Маркабрюн¹⁶ заплатил своей жизнью за сирвенту, на которую было трудно возразить.

Конечно, сирвента не давалась всякому: необходимо было иметь для этого известные задатки в своем характере. Самым известным слагателем сирвент был Бертран де Борн, которому мы посвящаем отдельный очерк. Но и здесь, как везде и всегда, жизнь не шла по предписаниям теории, и два различных стихотворных вида — кансона и сирвента — нередко сливались в одно целое.

Трубадур Пьер Видаль вплетал в свои кансоны политический элемент и заканчивал свои сирвенты похвалой в честь своей возлюбленной. Если кансона, оплакивая умершего, игравшего при жизни большую роль, приобретала политический характер, то она сближалась с сирвентой. Особым видом сирвенты была крестовая песнь, имевшая отношение к борьбе с неверными в Сирии и Испании.

Сами трубадуры редко участвовали в Крестовых походах, но не щадили своей энергии на призыв рыцарей к священной войне. Может быть, они предпочитали опасностям и лишениям на Востоке спокойную и приятную жизнь при дворах владетельных особ Прованса. Впрочем, некоторые из них прославились и романтическими похождениями на Востоке.

Жоффруа Рюдель был известен во Франции своими песнями и отличным голосом. Он влюбился в триполитанскую графиню Годьерну, которой никогда не видел, но много слышал о ее доброте и куртуазности от пилигримов, возвращавшихся с Востока на родину. Он сочинил о ней много прелестных песен и положил их на музыку. Увидя портрет графини, Рюдель захотел лично повидать ее, а для этого вступил в число крестоносцев и пустился по морю. Напрасны были все увещевания друзей, старавшихся отклонить его от задуманного предприятия. Друзья как будто предчувствовали грустную развязку. Дорогой поэт заболел и приехал в Триполи едва живым. Когда корабль вошел в гавань, в городе распространилась весть о том, что на нем приехал рыцарь-поэт, привлеченный в этот далекий край молвой о графине, что он опасно болен и, прежде чем умереть, желает увидеть графиню. Годьерна, тронутая преданностью и несчастьем рыцаря, отправилась к нему на корабль, подошла к его постели, обняла его и подарила ему свой перстень. В объятиях прекрас-

ной Годьерны трубадур скончался. Графиня велела похоронить его тело в храме тамплиеров, а сама в скором времени вступила в монастырь.

На этом прелестном рассказе французский поэт Ростан¹⁷ построил свою поэтическую драму-сказку «Принцесса Грёза» (*La Princesse lointaine*).

Из других главнейших видов поэзии трубадуров остановимся еще на двух — на тенсоне, или тенцоне (*фр. tenson; прованс. tenso*), и пасторели, или пастурели (*фр. pastourelle*).

Тенсоны представляют собой рифмованные диалоги. В них изображался поэтом спор по какому-либо вопросу. Тенсона слагалась не одним, а двумя поэтами, из которых каждый защищал свое мнение. Каждому из спорящих уделялось по строфе. Поэт возражающий должен был повторить рифмы своего противника, что выдерживалось всегда, по крайней мере в трех первых строфах. Противники не только защищали свое мнение, но и едко нападали друг на друга. Иногда в оригинальных произведениях изображался спор не между двумя трубадурами, а между трубадуром, автором тенсоны, и воображаемым противником. Иногда выводились в тенсонах и аллегии. Так, например, в одной анонимной тенсоне, посвященной графине Фландрской, беседуют Разум и Приятная Мысль — соперники спорят за сердце поэта.

Тибо Шампанский изображает в тенсоне свой спор с любовью; несмотря на доводы любви, которая стремится его удержать, он отказывается служить ей. Анонимный поэт рассказывает в своей тенсоне, что ему удалось подслушать спор двух дам, не будучи замеченным ими, так как он ловко скрылся за кустами роз. Спор этих дам и является содержанием тенсоны. Одна из дам сообщила про себя, что ее любят два рыцаря: один — богат, и в этом все его достоинства; другой — мужествен, отвечает всем требованиям куртуазности и прекрасен, но беден; кого должна она предпочесть? «Второго», — отвечает ей подруга. Первая дама возражает, но последнее слово остается не за ней.

Тенсоны не только слагались из пересылаемых трубадурами друг другу стихотворных возражений, но и разыгрывались в присутствии более или менее обширного общества. С этою целью лица, желавшие принять участие в этом заня-

тии, посылали друг другу вызовы, как это делалось по отношению к настоящим турнирам. Одним словом, устраивались публичные диспуты. Обыкновенно диспутам этим предшествовали личные переговоры певцов; все приготавливалось заранее, импровизировали редко. Если в споре принимали участие более двух противников, он уже терял характер поединка, превращался в турнир (*tournoïement*). Эти поэтические турниры были очень любимы в Средние века. С величайшим интересом относились тогда к решению вопросов, таких, как, например: «чего больше дает любовь — радостей или страданий?», «кто из влюбленных больше любит: тот, кто не может противостоять потребности говорить о своей даме, или тот, кто думает о ней только про себя?»

Дошедшие до нас тенсоны, плохо понятые тексты, сомнительные свидетельства, встречающиеся в средневековой литературе, и навели на неверное представление о существовании судов любви. Это представление распространилось и долго держалось в литературе. Теперь, как мы уже говорили, это представление отвергнуто.

Приведем в заключение разговора о тенсонах произведение этого вида, принадлежащее одному из замечательнейших трубадуров Гиро (Гирауту) де Борнелю (*Guiraut de Bornelh*), жившему в период расцвета поэзии трубадуров*. «Он был, — читаем в его биографии, составленной в конце XIII века, — лучшим трубадуром из всех, бывших как до, так и после него: поэтому его и называли “мастером трубадуров” и называют еще до сих пор те, кто понимает его изречения, глубокомысленные и украшенные любовью и мудростью».

В тенсоне, предлагаемой нами вниманию читателей, спор идет о так называемой «темной манере» писать стихи. Дело в том, что существовало два направления: одно требовало ясности и простоты, другое — качеств прямо противоположных.

Первое направление было известно под именем светлой манеры (*trobair leu*), второе называлось темной манерой (*trobair clus*). Второе представляло некоторое подобие современного декадентства.

* Перевод предлагаемой тенсоны сделан нами.

Тенсона передает спор между двумя поэтами, самим Гиро де Борнелем и Рембо Оранским, скрывающимся под псевдонимом Линор.

Тенсона эта была результатом их совместной работы. Некоторое время и сам Гиро был сторонником темной манеры, но в тенсоне он горячо отстаивает противоположное направление.

Гиро! За что вы так браните
Манеру темную писать
Стихи, хотелось бы мне знать?
Ужели тем,
Что ясно всем,
Вы дорожите так? Тогда
Ведь были б все равны всегда.

Сеньор Линор! прошу, поймите —
Как пишет кто, к чему мне знать?
Поэту волю нужно дать.
Но мило всем
Лишь то, над чем
Не утомится голова.
Вам мысль моя понятна, да?

Гиро! коль вы узнать хотите,
Мне нелегко стихи писать;
Зачем же труд мне прилагать?
Ужель затем,
Чтоб после всем
Казался вздором труд мой, да?
Лишь в тяжком видит прок толпа.

Линор! вниманье обратите —
Я, как и вы, тружусь всегда,
Но стоят ли стихи труда,
Когда их свет
Не знает? Нет!
Завидна доля песен тех,
Что создает поэт для всех!

Гиро! Мне дела нет, поймите,
Распространю ль я вещь свою,
Когда я лучшее творю!

Ведь суть не в том,
 Что всем кругом
 Известна вещь: и соль тогда
 Ценней бы золота была!

Линор! Вы, верно, подтвердите,
 Что, споря с милою своей,
 Желает милый блага ей...
 Кому стихи
 Претят мои,
 Тот пусть бранит, коль хочет, их
 В среде приверженцев своих!*

Гиро! О чем вы говорите,
 Неясно мне, клянуся я
 Всем небом, солнцем, светом дня!
 Я — как во сне...
 Лишь радость мне
 Волнует сладко грудь мою;
 Я огорченье прочь гоню.

Линор! Враждебно так, поймите,
 Та отнеслась ко мне, в ком вновь
 Хотел бы я возжечь любовь,
 Что пред Творцом
 Молюсь о том!**

А что во мне родило пыл
 И ревность речи, я забыл.
 Клянусь, мне жаль — на Рождество
 Вы уезжаете, Гиро!

* Профессор Тоблер (Адольф Тоблер (1835—1910) — немецкий филолог, профессор кафедры романских языков в Берлинском университете. — *Прим. ред.*) предполагает, что Гиро в шутку прибегнул в этой строфе к темной манере, а Линор перестает его понимать. Нам кажется, что эту строфу можно понять следующим образом: в двух предшествующих строфах противники обменялись колкостями; Гиро первый спохватился и заявляет, что спор между любящими друг друга людьми имеет в виду благо, выяснение дела, а не нанесение взаимных огорчений.

** Гиро объясняет свою нервность недоразумением, возникшим между ним и его возлюбленной.

Линоп! Уехать должен я:
Зовет к себе король меня.

Обратимся к пасторели. Так назывались стихотворения, в которых изображалась беседа трубадура с пастухом или пастушкой. В XII и XIII веках этот вид стихотворений был в пребрежении, но у позднейших трубадуров стал пользоваться большим вниманием.

Дело представляется обыкновенно так. Рыцарь, то есть сам поэт, бродит по деревне при восходе солнца; он преисполнен заботами или печалью любви. На самом лугу или на тропинке он встречает молодую пастушку, занятую обыкновенно украшением своей шляпы или распеваящую какую-либо песню. Красота пастушки восхищает рыцаря. Он сходит с лошади и предлагает ей свою любовь каким-либо более или менее открытым образом. До этого момента все пасторели схожи друг с другом; только после него обнаруживается разница.

Пасторели оканчивались или установлением любви между рыцарем и пастушкой, или же побоями рыцаря, которые наносились ему родственниками пастушки. Приводим для ясного ознакомления с пасторелями прозаический перевод большей части пасторели Гюи д'Юизеля (Ги д'Юссель¹⁸; Gui d'Ussel). Гюи, едучи верхом, встречает утром пастушку, которая пела и говорила со вздохом: «Несчастлива та, которая теряет все, составлявшее ее радость!» Он просит ее рассказать о причине своего горя. «Сеньор, еще недавно я имела в своей власти того, в ком заключается теперь мое мученье. Его уже нет со мной; он удалился от меня и забывает меня для другой. Я страдаю, и если я пою, то делаю это лишь для того, чтобы обмануть себя в действительности того несчастья, которое убивает меня». — «Прекрасная! Сказать по правде, моя история совсем такая же: чем вы страдаете от того, кто вас покинул, тем же мучает меня одна вероломная особа. Я любил ее страстно, и вот, к своему великому вреду, она покидает меня для другого, которого я охотно погубил бы своими руками». — «Сеньор, вы можете найти средство отомстить за ужасный поступок, причиненный этой женщиной с вероломным сердцем... Я полюбила вас на всю жизнь, и, если вы желаете, мы можем заменить наше горе наслаждением и ра-

достью». — «Милая девушка! Я должен благословлять вас; это мое самое дорогое желание; я должен объявить, что благодаря вам я пребываю здесь без всяких злополучий, радостный и свободный от всякого вреда». — «Сеньор, я забываю причиненное мне горе. Ваша любовь столь приятна, что я не желаю более и вспоминать о том зле, которое было мне причинено: так сладок бальзам, который вы изливаете на мою рану!»

Из остальных видов лирической поэзии трубадуров мы оставим свое внимание только на двух — абаде, или альбе (*прованс.* *alba*; *старофр.* *aube* или *aubade*), и серенаде (*фр.* *serenade*, от *ит.* *serenata*). Альба — песнь любви, она изображала перед слушателями чету любящих, принужденных утренней зарей расстаться. Постоянные лица этого вида стихотворений — двое возлюбленных и ночной сторож. Альба наполняется или жалобами самих возлюбленных, взаимными обетами или предостережениями по их адресу со стороны сторожа. Эти стихотворения ярко рисуют перед нами жизнь феодального общества. В замках Франции и Германии на верхушке башни дежурил сторож. Он оповещал о восходе солнца и, вероятно, об известных часах ночи — или голосом, или звуками какого-либо инструмента: то был обыкновенно рог, а иногда и тростниковая свирель. Он наигрывал какую-нибудь песенку или для того, чтобы разогнать свою скуку, или чтобы показать, что он не спит. В древнейших произведениях этого вида вместо сторожа напоминают возлюбленным о рассвете птички, обыкновенно — ласточки. Иногда альба заканчивалась утренней молитвой. Под серенадами разумели те стихотворения, в которых влюбленный призывал со вздохом наступление вечера, находя день, разлучающий его с избранницей сердца, слишком уж продолжительным. Припев повторял в конце каждой строфы в альбах слово «alba», в серенадах — «sers», что означает на провансальском наречии «вечер». Эти произведения отличаются своею грацией и простодушной меланхолией.

Наконец, только упомянем здесь балладу (*balada*) и дансу (*dansa*) — легкие песенки, в которых имела большее значение мелодия, чем слова; эти песенки сопутствовали обыкновенно танцам.

Трубадуры старались тщательно отделять свои произведения. Если Линор говорит в тексте Гиро де Борнеля: «Мне нелегко стихи писать», если Гиро отвечает ему: «Я, как и вы, тружусь всегда», — это не пустые слова. Трубадуры отличались прилежанием и даже хвалились им. Они употребляли выражения: «построить», «сковать», «сработать» стихотворение. Они работали над ним не спеша, с любовью и тщательно, как старинные мастера над бессмертными картинами. Поэтому-то трубадуры так дорожили своими произведениями и не терпели, чтобы в них производились какие-либо перемены посторонними лицами.

Можно смело сказать, что они были истинными художниками. Вот почему их произведения не утратили своей красоты, своего замечательного колорита до сих пор. До сих пор мы пользуемся наследием, полученным от трубадуров: это — куплет и рифма.

Поэзия трубадуров пережила три периода: во-первых, период возникновения и первого развития литературных форм, занявший X и XI столетия, во-вторых, период наибольшего процветания и блеска, приходящийся на XII и XIII века, и, в-третьих, период упадка лирической поэзии и постепенного исчезновения трубадуров в XIV и XV веках.

Именно к этому последнему периоду и относится учреждение в Тулузе «Консистерии веселой науки» (*la gaja scienza*). Ее основали в 1323 году семеро тулузских горожан. Во главе ее стояли канцлер и семеро протекторов. Целью ее было поощрение поэтов к творческой деятельности. С этою целью каждый год в первое воскресенье после 1 мая происходили поэтические состязания на улице Августинцев. Одержавшим победу выдавались призы: за лучшую кансону или дескорт*

* Под именем «descort» (раздор) разумели такие стихотворения, в которых строфы не были похожи друг на друга ни по числу, ни по роду стихов. Внутреннее содержание такого произведения согласовалось с внешним беспорядком. В дескортах изображалась та душевная тревога, которая вызывалась огорчениями любви, несогласием с возлюбленной. Сохранилось стихотворение неизвестного поэта, которое он назвал словом асорт (согласие, аккорд): он в согласии с милою, а потому, по его словам, слово descort сюда не подходит.

выдавалась золотая фиалка; за сирвенты, пасторели и гимны Пресвятой Деве — серебряный шиповник; за баллады, дансы и за хорошие произведения первой группы, оставшиеся без награды, — серебряные ноготки. В 1356 году был составлен особый устав. По примеру университетов здесь стали раздавать различные степени. Но все эти попытки не привели ни к чему: никакие гальванические токи не могли воскресить к жизни трупа.

В начале настоящего очерка мы останавливали внимание на вопросе о причинах, вызвавших к жизни лирическую поэзию трубадуров. Теперь уместно ответить на вопрос о причинах ее упадка. Прежде всего причина этого упадка заключается в том, что лирическая поэзия французского юга пережила все стадии своего развития в кругу, начертанном ею для своей деятельности. Ни у одного из исследователей мы не нашли указания на это обстоятельство, а между тем его важность очевидна сама собою. Ее исчезновение было совершенно естественным явлением. Не нужно суровой осени для того, чтобы стал увядать тот или другой цветок. Ни безоблачное небо, ни могучее светило дня, ни благодатный воздух — ничто не спасет того цветка, для которого наступил назначенный ему предел жизни. Почти неуловима для глаза та тонкая грань, которая определяет два периода в жизни розы: высший момент расцвета почти сливается с первым моментом увядания. Лирическая поэзия трубадуров свершила все, что могла свершить. Ее песни были спеты, ее свечи догорели, ее жар остыл, ее кумиры разбиты... Она не создала себе новых, она не раздвинула своего волшебного круга. Живые родники, которыми питалась она, эта прекрасная дочь роскошного юга, иссякли.

Ей суждено было умереть, как всему живому, естественной смертью, но нашли одновременно с севера и юга грозовые тучи, которые ускорили эту смерть. Цветущее состояние Южной Франции было разрушено войнами, которые велись против нее крестоносцами севера по воле папы Иннокентия III. Его воля была исполнена в точности. Двадцать лет продолжались опустошительные войны, двадцать лет цветущие земли Южной Франции подвергались разорению. Умиравшая поэ-

зия юга стала в это время выразительницей злобного и мстительного чувства побежденных. Их неумеренный, как и все страсти, но совершенно понятный нам, посторонним судьям, гнев был направлен против Рима, изрекшего на них анафему, и против Северной Франции, взявшей на себя экзекуцию. На этой-то почве и выросло множество едких сатир против «обманов, измен, алчности, пороков и тирании духовенства», против хищной и вероломной жестокости северных французов.

В сирвентах, направленных против Рима, мы встречаем указания на те его пороки, которые вызвали впоследствии великое реформационное движение. Рим обвиняется в политике обмана, в чрезмерной алчности. «Рим, ты слишком преступаешь заповеди Божии, — читаем мы в знаменитой сирvente Гильома Фигейры¹⁹ (Guillem или Guilhem Figueira или Figega), — ибо алчность твоя так велика, что ты прощаешь грехи за деньги; ты взваливаешь на себя слишком тяжелое бремя...» Рим наносил кровавые удары Южной Франции не только потому, что она была пропитана альбигойской ересью, но и потому, что там процветала неприятная ему свобода совести.

Людовик Святой во имя человеколюбия и справедливости пытался загладить те бедствия, которые поразили Южную Францию в правление его отца и деда. Но разоренные гнезда баронов уже не вернули себе своего прошлого: оно погибло безвозвратно. Большинство трубадуров покидало те чудные страны, которые один из них (Филипп Муске²⁰) объявил наследием, оставленным Карлом Великим трубадурам и менестрелям. Они бежали в Арагон, Кастилию, Италию; там угас последний отблеск их вечерней зари.

Но за вечерней зарею, за ночью, сверкающей звездами, восходит новая заря. Из смерти зарождается новая жизнь. Какие же семена жизни были брошены трубадурами из их богатой кошницы? Заслуга трубадуров состоит в том, что они привнесли в романский мир идею о поэзии, возвышенной по мысли, изящной по форме, способной удовлетворить лучшие умы и нашедшей свое выражение не в латинском, а в народном языке. Чтобы понять достоинство этой идеи, нужно

представить себе то влияние, которое сохраняла литературная латынь, ту цепкость, с которой она держалась за обладание всяким возвышенным родом литературы, то упорство, с которым она старалась выдать себя за живой язык, тогда как в течение веков она была ничто. Трубадуры на деле доказали то, что после них доказал логически Данте в «Convito» («Пир») и «De vulgari eloquio», — достоинство народного языка*.

Велика заслуга трубадуров в области стихотворной техники. Они насадили и культивировали в этой области самые разнообразные формы. И это семя, брошенное ими, не пало на почву каменистую, но было воспринято поэтами всех стран и народов и достигло богатого расцвета. Семена лирики трубадуров были занесены на север Франции и подействовали там развитию искусственной лирики. Семена эти были занесены и в другие страны — в Испанию, Италию, Германию и Англию. Особенно сильно сказалось их влияние в Испании и Италии, в странах латинского мира.

Вообще в истории поэзии заслуга трубадуров громадна. Их поэзия была яркой вспышкой лиризма; такие вспышки не только не забываются, но не дают забыть и той стороне человеческого духа, которая проявляется в его поэтической деятельности.

Наконец, произведения трубадуров являются тем волшебным зеркалом, в котором много веков тому назад отразилась давно отошедшая жизнь со всеми ее особенностями, яркими достоинствами и яркими недостатками, да так и осталась отраженной до нашего времени. Одни и те же лица были и героями песен, и авторами их.

Таким образом, поэзия трубадуров не утратила своего значения для последующих поколений, не утратила своего интереса и значения и для нас. Мы как будто видим перед собой этих рыцарей-поэтов и в пылу сражений, и под сводами замковых зал. Отголоски их песен не замерли совсем и для нас;

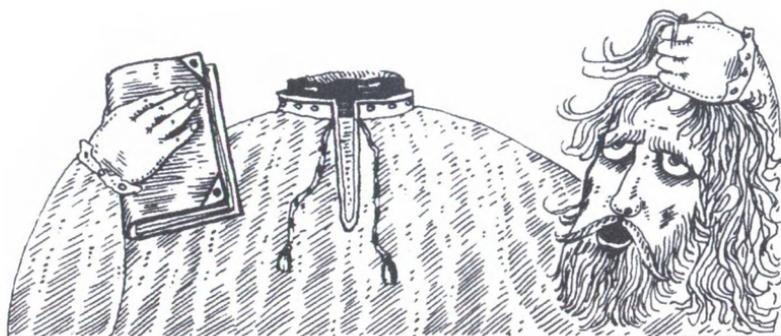
* Между прочим, в трактате своем «О простонародном языке» (De vulgari eloquio) Данте рассуждает о стилях литературных произведений. Любопытно было бы сравнить это место в его трактате с теорией трех штилей Ломоносова.

они еще продолжают звучать где-то далеко, далеко; не поблекли совсем яркие краски их поэзии, не развеялось совершенно в воздухе благоухание ее...

Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает!*

* Надсон. (Семен Яковлевич Надсон (1862—1887) — русский поэт, был весьма популярен в 1880—1890 годах. Цитируемое стихотворение написано в 1886 году. — *Прим. ред.*)

Бертран де Борн

Я знаю все, что лгут вам про меня
Льстецы презренные, клянусь вам я!
Не верьте им, их речь полна обмана;
Не уклоняйте сердца своего
Вы от меня, служителя его;
Подругою останьтесь Бертрана.

Пусть улетит позорно ястреб мой,
Пусть дичь его погонит пред собой,
Пусть сокол мой его ошиплет в споре,
Коль ваша речь уж неприятна мне,
Коль я люблю кого на стороне,
Коль радость мне вдали от вас не горе!

Когда с щитом я еду за спиной,
Пускай меня продует ветер злой;
Пускай галоп меня в труху истреplet;
Пусть конюх мой, напившись вина,
Порвет узду, ослабит стремяна,
Коль речь льстецов напраслины не клеplet!

Когда приду к игорному столу,
Пускай в игру пуститься не смогу,

Пускай при мне играют лишь другие,
Пусть кости мне приносят тьму вреда,
Коль я влюблен в другую был когда,
Коль раньше вас уж ведал о любви я!

В руках чужих пусть вас оставлю я,
Не отомстив, как олух, за себя;
Пускай попутный ветер мне не веет,
Пусть во дворце слуга побьет меня;
Пусть раньше всех уйду из битвы я,
Коль низкий лжец напраслины не сеет!*

В этих строфах Бертран изобразил себя перед нами замечательно полно. В них прекрасно отразились как личность самого певца, так и особенность его поэтических произведений. Из тумана веков резко вырисовывается перед нами его личность: воображению нашему представляется человек пылкий, отважный, умеющий постоять за себя и делом, и словом, а слово его резко, метко и саркастично. Особенности его произведений заключаются в замечательной сжатости речи, образности выражений и своеобразности метафор, заимствуемых автором из различных сторон феодального быта. Они выхвачены целиком из этого быта и служат яркими иллюстрациями к нему.

Родился Бертран де Борн приблизительно в 1145 году в родовом замке де Борнов, находившемся в епископстве Перигорском в Гиэни. Вот какую характеристику Перигора находим мы в одной книге времени кардинала Ришелье: «Воздух там так чист и климат отличается такой умеренностью, что в стране этой редко видывали чуму. Она богата каменистыми крутыми возвышенностями, но плодородна; особенно же славится она каштанами; кроме того, в ней есть много алюминиевых и серных источников, очень полезных в медицинском отношении...» Вблизи замка, в котором родился один из замечательнейших трубадуров, была раскинута деревня и рос большой лес; тут же неподалеку протекал ручеек.

В этой-то живописной местности под ясным голубым небом Южной Франции протекли младенческие и отроческие

* Перевод сделан нами.

годы Бертрана. Рано лишился он матери: ему было тогда всего семь лет. Эта утрата, без сомнения, сказалась на его характере, как она сказывается всегда. Мать не успела сообщить его характеру некоторой мягкости, не успела сгладить шероховатостей, не успела развить сердца, в чем состоит святой долг и высокая заслуга каждой матери. Девяти лет Бертран был отправлен в соседний монастырь, где через пять лет окончил образование. Монахи, как видно, не исполнили той задачи, которую не успела выполнить мать поэта. Но во всяком случае, монастырь оставил по себе хорошее воспоминание, так как поэт на склоне дней не нашел лучшего места для отдыха, для мирной жизни, чем монастырь, его воспитавший.

Четырнадцатилетним юношей он был отправлен в Пуату, в замок товарища по оружию и друга своего отца. Жил он здесь сначала, конечно, в качестве пажа, проходя практическую школу так называемой куртуазии, то есть учился вежливости и вообще светскому обращению. В замках крупных владельцев жили не только сыновья рыцарей, но и девицы рыцарского происхождения. Насколько эта практическая школа была полезна для молодых людей, можно судить по некоторым местам тех «Наставлений», которые написал для своих дочерей рыцарь де ла Тур. Он рекомендовал своим дочерям куртуазное обращение с людьми разного общественного положения. Более важным он считал даже куртуазное обращение с лицами, занимающими более низкое общественное положение. «Последние, — говорит он, — больше будут хвалить вас, распространять о вас более лестную молву, вообще принесут вам больше добра, чем люди знатные; почет, оказываемый людям высокородным, и куртуазное обращение с ними принадлежат им по праву; относясь же таким точно образом к людям, занимающим низшее общественное положение, мы повинемся свободному движению гуманного сердца; простой человек считает такое отношение к нему за честь для себя и повсюду разносит похвалу и добрые отзывы о том или о той, кто оказал ему такую честь. Так, от людей малых, почитаемых нами, исходит большая похвала, распространяется добрая слава и возрастает с каждым днем». Кроме

общих указаний, он дает ряд частных советов о том, как держать себя, как говорить, как отвечать, смотреть и т. п. Не исполняя этого, прибавляет он, многие девицы упустили случай выйти замуж. Подобные наставления, за исключением специально женских, слушал и наш трубадур и видел на живых примерах подтверждения им. Через четыре года, следовательно восемнадцати лет, он получил из рук священника благословенный меч и сделался оруженосцем. В этом звании он оставался недолго и два года спустя был посвящен в рыцари.

В это время его младший брат Константин женился на Агнесе де ла Тур и приобрел в приданое расположенный недалеко от родового замка Борнов крепкий замок Отфор с округом в 1000 душ населения. Вероятно, это обстоятельство и породило ту вражду, которая существовала, как известно, между братьями и даже возрастала с годами. Вскоре после возвращения Бертрана из Пуату на родину скончался их отец. Спустя несколько лет после этого наш трубадур отправился путешествовать и, между прочим, жил в Бордо, бывшем резиденцией Элеоноры, супруги английского короля Генриха II Плантагенета. Здесь он свел дружбу с сыновьями короля — Генрихом, Ричардом, приобретшим впоследствии прозвище Львиное Сердце, и Готфридом. В их среде он был самым старшим. На интимность их отношений указывает то обстоятельство, что каждого из них Бертран называл не по имени, а по их семейным прозвищам. Так, например, в своих произведениях, а по всей вероятности, и в личных сношениях Ричарда он называл *Oc et Non* (*прованс. Да и Нет*²¹), а Готфрида, которого особенно любил, именовал *Rassa* — на провансальском наречии это слово соответствует нашему слову «родня». Здесь же его пленила и вызвала с его стороны рыцарское служение красота их сестры Матильды, которую в своих произведениях он называл Еленой, сравнивая ее, очевидно, с той прекрасной гречанкой, похождения которой послужили поводом к Троянской войне. Но выход замуж молодой красавицы за знаменитого баварского герцога Генриха Льва разрушил смелые мечты юного Бертрана. Таким образом, с самого выхода своего в свет он стал

вращаться в среде высшей аристократии. И это должно было наложить свою печать на его характер и поэзию. Бертран, как мы увидим, был проникнут до мозга костей аристократическими понятиями.

Элеонора была покинута своим царственным супругом и побудила сыновей к войне против отца. Надо полагать, что Бертран также принимал участие в этой войне. Правда, ни в современных хрониках, ни в стихотворениях Бертрана де Борна нет никакого прямого указания, подтверждающего это, но в пользу его верности говорят и дружественные связи трубадура с принцами, и вольнолюбивый его характер. Имейте в виду, что перу Бертрана принадлежит следующее стихотворение:

Повсюду мир — а все ж со мною
 Еще немножечко войны.
 Тот да ослепнет, чьей виною
 Мы будем с ней разлучены!
 Их мир — не для меня,
 С войной в союзе я,
 Ей верю потому,
 А больше — ничему.

Можно смело сказать, что вся его жизнь прошла в войнах. В этих войнах Бертран проявлял необыкновенное увлечение, одинаково страстно работая и мечом, и пером. Мы не станем вдаваться здесь в подробности этих войн; это было бы и утомительно, и отвлекло бы нас от намеченной нами цели, и заслонило бы своей хаотической грудой образ самого поэта. Мы остановимся только на самых главных из них — на таких, которые характеризуют поэта и его музу.

Мы говорили уже о браке младшего брата Бертрана, Константина, и о приобретении последним прекрасного замка Отфор. Обладая этим замком, лучшим в округе, Константин был сеньором своего старшего брата, что противоречило феодальным понятиям и причиняло много неприятностей Бертрану, не умевшему подчиняться никакому авторитету. Очень может быть, что и тесть Константина, понимая ненормальность положения и предвидя вражду, передал Отфор в общее

владение обоим братьям. Во всяком случае, Бертран начал войну против своего брата. Он напал на его замок, овладел им и объявил изменниками как своего брата, так и его сыновей, которые бежали из замка подземным ходом. Константин не захотел примириться с таким положением дел, хотя вообще был человеком рассудительным, любил покой и не был склонен к смелым планам и предприятиям. Он заключил союз с несколькими феодалами и, в свою очередь, пошел войной на брата, завладел замком и выгнал оттуда утвердившегося было там Бертрана. Последний созвал своих друзей и при помощи их осадил Отфор. Замок был крепок и на этот раз не сдавался отважному трубадуру. Борьба не приносила выгоды ни той, ни другой стороне; вот почему обе стороны пошли на уступки, и между враждующими братьями был заключен мир на условии совместного обладания замком. На этом пока и остановились.

Наступил бурный 1183 год. Старший из английских принцев, Генрих, предъявил своему отцу требование, чтобы тот дал ему в ленное владение Нормандию или какую-нибудь другую страну. Король английский не исполнил этого требования, но обещался выдавать Генриху такое содержание, благодаря которому он мог бы жить настоящим королем, устроить ему двор и побудить его братьев, Ричарда и Готфрида, присягнуть ему как будущему королю Англии. Был назначен день для принесения возвещенной присяги. Оба брата явились в условленное место, Готфрид сразу же исполнил требование своего отца, но Ричард медлил с его исполнением, ссылаясь на договор, на основании которого он владел своей Аквитанией в качестве непосредственного вассала французского короля. С точки зрения феодального права подчинение Ричарда Генриху низвело бы его на целую ступень ниже. Кроме того, у Ричарда с Генрихом были еще свои собственные счета. Ричард выстроил и укрепил замок (Клерло, Clairvaux) на той земле, которая после смерти отца должна была перейти к будущему королю Англии, то есть к Генриху.

Население Аквитании, в свою очередь, содействовало развитию вражды между братьями. Оно снарядило к Генри-

ху посольство, которое высказало различные жалобы на Ричарда. Несмотря на уступку Ричарда, согласившегося в конце концов присягнуть брату, последний пошел против него войной. Бертран де Борн не мог оставаться спокойным зрителем этой войны. Он бросился в нее со всем пылом своей отваги, став на сторону Генриха, получившего прозвище «молодого короля».

В одной из своих сирвент, написанной по данному случаю, он гордо перечисляет баронов своей маленькой родины, Перигора, и при этом высказывает надежду на то, что его партия найдет поддержку не только из Гаскони — с юга, но и из Пуату — с севера. Он стремится втянуть в эту войну возможно большее число баронов. Ему уже заранее предвидится победа, и он зовет Ричарда, которому, однако, не отказывает в храбрости, прийти со своим войском и помериться с ним силой. Чтобы еще больше подзадорить его, Бертран напоминает ему о том, что Ричард воздвиг крепкий замок на той земле, на которой не имел права его строить. Наконец, как бы все еще недовольный размерами войны, он выражает желание, чтобы сторону Генриха принял и французский король Филипп-Август.

Война разгорелась с необыкновенной жестокостью. Наемные брабантцы Генриха вторглись в Пуату и Аквитанию. Ричард со своей стороны бросился на врагов со всеми своими силами. Эта война осложнилась для Бертрана новой войной с братом Константином. По всей вероятности, поводом к новому столкновению послужило разногласие братьев по политическим вопросам. Константин желал сохранить нейтралитет в борьбе английских принцев, чтобы не подвергнуть опасности свои владения. Совместное обладание Отфором было при таких условиях невыносимым. Началась борьба, в которой победа осталась на стороне трубадура. Тогда Константин обратился с просьбой о помощи к Ричарду. Ричард быстро откликнулся. Его возмутила измена Бертрана их старой дружбе.

Соединившись с одним из врагов Бертрана, он вторгся во владения дерзкого трубадура, отмечая свой след разрушениями и пожарами. Певец должен был смотреть из Отфо-

ра на дымящиеся развалины и опустошенные посевы. Помощь не подходила. Тогда Бертран разразился сирвентой, в которой злобно осмеял бездеятельность баронов. О, если бы они имели столько злосключений, сколько могут только иметь! Он жалуется на свое бедствие, на то, что он должен непрерывно обороняться, между тем как его страну разоряют и жгут и на него нападают все его враги — и храбрые, и трусливые. Это тем непонятнее для него, что он употребил всевозможные старания, чтобы пробудить баронов к деятельности и соединить их, сварить, как варят железо, но они созданы из жалкого материала, и тот дурак, кто связывается с ними. Он не ограничивается массовым обвинением, но называет некоторых баронов по именам. Например, одному из них трубадур бросает упрек в том, что он не трогается с места, не обращается к оружию, а живет, как купец; он настолько преисполнен ленью, что беспрестанно потягивается и зевает. Но скоро лист будет перевернут, грозитя Бертран, он примчится сам на своем боевом коне, и, если встретится с толстяком из Пуату, толстяку этому придется почувствовать острие его меча.

Английский король долго не вмешивался в борьбу своих сыновей, но когда Ричарда стали одолевать, он пришел к нему на помощь.

Вмешательство короля дало решительный перевес стороне Ричарда. Генрих пошел навстречу отцу, попросил у него прощения, объявил ему, что готов отказаться от своего намерения, и лишь просил отца отобрать у Ричарда злополучный замок. Вообще Генрих отличался характером мягким и дружелюбным. Он так же не походил на своего брата Ричарда, которому не были чужды благородные побуждения, но который был человеком жестоким и ничего не уважающим, как Константин не походил на своего брата Бертрана.

На этот раз Ричард послушался отца и передал ему неправильно воздвигнутый замок. После этого король съехался со своими сыновьями в Анжере, где они поклялись хранить ему послушание и верность и поддерживать мир между собой. Ввиду совершившегося события большое число вос-

ставших думало только о собственном спасении и предлагало мир Ричарду. Последний охотно принимал эти предложения, чтобы направить их силы против тех врагов, которые еще не сложили оружия.

Бертран де Борн принадлежал к последним: он считал себя связанным клятвой со своей партией, гневался на Ричарда за разорение своей страны и, должно быть, надеялся упорно сопротивляться Ричарду, сидя за крепкими стенами Отфора. Но надежде его не суждено было осуществиться. Ричард появился со своим войском перед замком и поклялся, что он не уйдет до тех пор, пока Бертран не покорится ему. Когда последний узнал об этой клятве и убедился в том, что подкреплений ждать неоткуда, то открыл ворота Отфора и попросил у Ричарда прощения.

Трудно сказать, чем руководствовался Ричард. Чувствовал ли он невольное уважение к гордому и до последней возможности сражавшемуся Бертрану? Или он вспомнил былые годы, те годы, когда его связывала с Бертраном нежная дружба? Как бы то ни было, увидев последнего у своих ног, он поднял его, обнял и простил ему все. Однако он ввел во владение Отфором и изгнанного оттуда Бертраном Константина.

На этот момент своей жизни трубадур написал сервенту. Хотя, говорит он в ней, я и потерпел неудачу, но я все-таки не унываю и буду снова стараться получить Отфор, который я передал Ричарду по его повелению. Так как он простил меня по моей просьбе и поцеловал меня, мне нечего опасаться с его стороны какого-либо вреда, которым раньше он грозился мне. После этого трубадур пересчитывает всех своих вероломных союзников из Лимузена, Перигора, Гаскони, Гиэни и Тулузы. В церкви Св. Марциала, говорит он, они поклялись быть союзниками Бертрана, но никто из них не помог ему в нужде. Один из них уверял его своим честным словом не заключать ни с кем никакого уговора без него, но нарушил свое слово.

Бертран никак не мог позабыть того, что некоторое время безраздельно владел Отфором, и обращается в той же сервенте к Ричарду с просьбой или поручить ему охрану Отфора,

или отдать ему этот замок в полное владение. Очевидно, он презирал своего невоинственного брата и не считал его способным удержать в своих руках столь любезное ему владение. Но главным виновником своих бед трубадур считал молодого Генриха и не отказал себе в удовольствии написать злобную сирвенту и против него.

В сирвенте этой он смеется над ним за то, что тот отказался от своих требований по отношению к Ричарду только потому, что этого потребовал его отец. Так как, по мнению Бертрана, Генрих будет не в состоянии более повелевать никакой страной, то может сделаться королем трусов; ведь и сам он ведет себя как трус, хотя и живет, как коронованная особа. Певец предсказывает Генриху, что последствием его позорного поведения будет для него утрата той любви, которой он пользовался в Пуату. Если он будет спать, мудрено будет ему господствовать в сане английского короля над Кумберлендом, покорять Ирландию и крепко удерживать власть над своими владениями во Франции. Теперь Ричарду нечего будет стесняться своих подданных и ласкать их из боязни популярности своего брата. Впрочем, прибавляет саркастически Бертран, Ричард и не стесняется своих подданных; скорее, он обращается с ними жестоко, захватывает и разрушает их замки. Таким образом, Бертран де Борн был недоволен и Генрихом, и Ричардом, хотя и выразил последнему покорность. Вся надежда его теперь обращается на третьего брата, Готфрида. Заключая свою сирвенту, он высказывает злорадное пожелание, чтобы старшим из них сделался Готфрид и чтобы за ним остались и королевство, и герцогство. Говоря другими словами, он замечательно развязно и откровенно желает Генриху смерти.

Скоро, однако, положение дел внезапно изменилось. Восставшие бароны, как мы знаем, уже согласились на мир с английским королем, и все, казалось, предвещало этот мир. Готфрид приехал по поручению отца, чтобы сговориться с баронами, но вместо того неожиданно перешел на их сторону. Восстание возобновилось, и Готфрид во главе брабантского отряда вторгся во владения отца. К восставшим присоединился и «молодой король».

Началась война отца с сыновьями. Война была жестокая. Когда Готфриду пришлось платить своим наемникам деньги, а их у него не оказалось, не долго думая он ограбил монастырь Св. Марциала, не пощадив и раки святого. Генрих не прекращал войны с отцом, несмотря на угрозу интердиктом; он говорил, что воюет не с отцом, а с Ричардом, желая избавиться от его тирании население Пуату. В праздник Вознесения церковное проклятие поразило всех восставших против английского короля, кроме молодого Генриха: на него смотрели как на игрушку в руках восставших баронов.

Восставшим помогал и французский король. Таким образом, эта борьба была предвестницей разразившейся полтора-ста лет спустя Столетней войны.

Наш поэт употреблял все усилия к тому, чтобы вселить в слабого Генриха решимость продолжать борьбу. Последний стал неузнаваем, занимался разграблением монастырей и до такой степени раздражил когда-то любивших его лиможских граждан, что они встретили его целым градом камней, когда он подъезжал к их городу. Впрочем, дни его были сочтены. Он заболел лихорадкой; болезнь приняла дурной оборот, и врачи объявили больному о полной безнадежности его положения. Тогда Генрих отправил к отцу посланца, умоляя его о прощении, и просил навестить его. Чувствительное сердце отца повлекло его к умирающему сыну, но близкие к королю лица не советовали ему ехать, боясь, что болезнь это мнимая и в ней кроется какая-то хитрость. Отец послушался их. Король послал к умирающему бордоского архиепископа. Последний должен был объявить несчастному сыну, что отец прощает его, а в удостоверение вручить ему отцовский перстень. Генрих поцеловал этот перстень и отослал архиепископа к королю. Архиепископ должен был передать королю просьбу умирающего о помиловании аквитанских баронов и об уплате денег его рыцарям. После этого Генрих завернулся в плащ, повязал вокруг шеи веревку и велел положить себя на кучу пепла, которая была насыпана для этого на земле. Высказав затем желание быть похороненным в Руане с соблюдением церковных обрядов, он скончался.

Для аквитанских баронов эта смерть была невознаградивой потерей. Они лишились не только главы, но и повода

к восстанию, потому что они и поднялись только для того, чтобы посадить «молодого короля» Генриха на место ненавистного Ричарда. Этому событию Бертран посвятил два стихотворения, первое из них мы приведем целиком в своем переводе, сделанном непосредственно с провансальского оригинала:

Когда бы все и слезы, и печали,
Потери все и бедствия земли
Слились в одно, одним бы горем стали,
То и тогда сравниться б не могли
Со смертью «молодого короля».
Печальна Юность, Славы скорбен вид,
Над миром тьма унылая лежит,
Исчезла радость, все полно печали.

Придворные и воины в печали,
Скорбят по нем жонглер и трубадур,
И смерть его нам грозный враг, едва ли
Не огорчила всех нас чересчур,
Похитив «молодого короля»:
И самый щедрый скуп в сравненьи с ним,
Со скорбью той, которой мы скорбим,
Сравнить нельзя, поверь, другой печали.

Ликуешь ты, виновница печали,
Гордишься, смерть, добычею своей:
Где рыцаря подобного встречали?
Кто был его отважней и честней?
Нет с нами «молодого короля»...
О, лучше, если бы Господь решил,
Чтоб с нами он теперь, как прежде, жил!
Не знали б мы тогда такой печали!

Ослаблен мир, исполненный печали,
В нем нет любви, а радость — лживый сон,
Страданья всюду доступ отыскали,
И с каждым днем все хуже, хуже он.
А в сердце «молодого короля»,
Как в зеркале, все отражалось, что
Есть в мире лучшего, и сердце то
Уже не здесь, и все полно печали.

Возносим мы к Тому свои моления,
Кто в мир пришел, чтоб нас освободить,
Кто принял смерть для нашего спасенья:

Он — Справедлив, Он — Милостив; молить
 Начнем за «молодого короля»
 Мы Господа, чтоб Он его простил,
 Чтоб Он его в том месте поселил,
 Где нет болезней, скорби и печали*.

Не меньшей грустью веет и от второго стихотворения. Поэт думает, что с этих пор уж больше не будут раздаваться его песни, так как вместе с «молодым королем» он утратил рассудок и дар песнопений. Но так как он боится, что немая скорбь убьет его, то он хочет говорить и просит у Бога, чтобы Он отправил его возлюбленного друга в место пребывания блаженных. Покойный с полным правом носил прозвание «молодого короля», так как был руководителем и отцом молодежи; да, он был бы королем всех придворных и императором всех храбрецов, если бы только жил подольше. Всем, что относится к войне, турнирам и служению дамам, он обладал в полном совершенстве, но так как все это потеряло в нем своего покровителя и поборника, то все оно и покинет вместе с ним этот безрадостный свет. У света оторван главный защитник не только рыцарских, но и товарищеских добродетелей, ибо все, что украшает свет, что скрашивает жизнь: дружеское обращение, готовность к услугам, приятный разговор, гостеприимство, соответствующая сану поступь, щедрость, превосходные пиры в обществе смелых и сильных сотрапезников с музыкой и пением, — все это теперь осиротело и не имеет покровителя. Принц, по словам

* Для образца приводим здесь первую строфу переведенного стихотворения в оригинале.

Si tuch li dol el plor el merriment
 E las dolors el dan el caitivier
 Que hom anc auzis en est segle dolent
 Fosson ensems, sembleran tot leugier
 Contra la mort del joven rei engles,
 Don reman pretz et jovens doloros
 El mons escurs etenus e tenebros,
 Sems de tot joi, plens de tristor e d'ira.

Мы пользовались превосходным изданием Stimming'a «Bertran de Born, sein Leben und seine Werke».

Бертрана, слыл за избранного рыцаря, и со времен Роланда не было еще никого, кто мог бы помериться с ним в битве и на турнире, и слава его, как слава Роланда, распространилась повсюду на восток и на запад. Поэтому-то настоящая потеря постигла отнюдь не одного его, поэта, но всех, кто только был в соприкосновении с покойным принцем... В заключение Бертран объявляет, что со смертью друга самый свет со всеми своими обитателями не имеет более для него никакой цены.

Таким образом, в обоих произведениях принц Генрих выставляется образцом куртуазии и всех рыцарских добродетелей. Поэт увлекается до такой степени, что сравнивает его с Роландом, в котором воплотился идеал рыцарского мужества и служения долгу. Здесь кстати напомнить читателю о том, как отзывался Бертран де Борн о том же принце Генрихе в одной из своих сирвент: «И так как он будет не в состоянии более повелевать никакой страной, то может сделаться королем трусов; ведь и сам он ведет себя, как трус, хотя и живет, как коронованная особа...»

Обратите внимание на эти крайние противоположности, на эти противоречия: один и тот же человек выставляется и трусом, и Роландом, и «королем трусов», и «императором всех храбрецов». Эти крайности, этот гиперболизм — отличительная черта Бертрановой музыки. Его муза обладала дикой, неукротимой натурой, страсть доводила ее до полного ослепления. Сопоставляя злобную сирвенту со вторым стихотворением, посвященным памяти английского принца, нетрудно прийти к выводу, не отмеченному исследователями: очевидно, этим вторым стихотворением певец хотел загладить ложь первого. Хронисты (например, Гервазий²²) и другие провансальские поэты отзываются о принце Генрихе прекрасно. Но он обладал двумя взаимно обуславливающими друг друга недостатками: слабохарактерностью и непостоянством.

Смерть Генриха расстроила все войско восставших. О сопротивлении нечего было и думать. Каждый спешил добратся до своего гнезда, чтобы найти надежную защиту за крепкими стенами своего замка. Ричард гнался за бежавшими и уничтожал их по частям; отдельные бароны сдавались ему безусловно.

Скорбь короля не имела границ. Три раза он падал в обморок, когда принесли ему роковое известие о смерти сына. Рядом со скорбью в сердце короля пробудился страшный гнев против всех тех, кого он считал виновниками восстания: им он приписывал преждевременную кончину своего наследника. Он позабыл о предсмертной просьбе своего сына и весь отдался одному ужасному делу — делу мщения. Говоря о нем, мы вспоминаем одно место в прелестной повести известного немецкого историка и романиста Феликса Дана²³ «Odhin's Rache» («Мечь Одина»).

Бог Один, несмотря на все свои усилия, не мог сделать своей женой прекрасную невесту смертного: она все-таки вышла замуж за своего жениха. Один, забывая о неравенстве сторон, решился мстить людям, имевшим несчастье навлечь на себя его божественный гнев. В эти критические минуты долетает до Одина весть о восстании против него великанов. Один хватается за свое оружие и стремится вступить в борьбу с ними. Он хочет заглушить в этой борьбе тоску об утраченном навсегда счастье, хочет забыть в этой борьбе обаятельный образ смертной, за все свое несчастье, за свою неудачу, за свой позор он хочет отомстить великанам. Он весь отдался одному чувству, чувству мести.

Потоками крови, разрушением замков, пожарами стал мстить английский король баронам за свою невозвратимую утрату, хотя сын его пал жертвой болезни, которая легко могла постигнуть его и при иных обстоятельствах. Он овладел Лиможским замком и сровнял его с землей, а потом стал разрушать замки участников восстания. Очередь дошла и до нашего трубадура.

Английский король подступил к замку Отфор вместе со своим союзником, королем арагонским Альфонсом II. Они смотрели на Бертрана как на главного подстрекателя к братоубийственной войне. В стене Отфор была пробита стенобитными машинами брешь, через которую враги проникли в замок. В историческом объяснении к одному из стихотворений Бертрана воспроизводится в эпической простоте свидание поэта с королем после взятия Отфора: «И господин Бертран был приведен вместе со всеми своими людьми в ко-

ролевскую палатку, и король принял его очень худо и сказал: “Бертран, Бертран, вы говорили, что никогда не имеете надобности и в половине только своего разума, но знайте, что теперь он необходим вам в полном объеме”. — “Господин, — отвечал Бертран, — совершенно верно: он у меня потерян”. — “Как же так?” — спросил король. “Господин, — сказал Бертран, — в тот день, когда храбрый “молодой король”, сын ваш, умер, тогда я потерял и разум, и знания, и понятие”. И тогда король понял то, что сказал ему со слезами Бертран о его сыне, от страдания скорбь вошла ему в сердце и на глаза, так что он не мог удержаться и упал от горя в обморок. И когда он снова пришел в себя, то сказал, не удерживая плача: “Бертран, Бертран, вы сказали правду; и понятно, почему вы потеряли свой разум из-за моего сына: ведь он любил вас более, чем кого бы то ни было на свете. И я из любви к нему дарю вам жизнь, и состояние, и ваш замок и возвращаю вам свою любовь и милость, дарю вам 500 марок серебра для покрытия убытков, которые вы потерпели”. И Бертран пал к его ногам и благодарил его. И король удалился со всем своим войском»*.

Едва окончилась война, как затеялась новая борьба Бертрана и его брата Константина из-за Отфора. В написанной вскоре после благополучного исхода неудачной войны против Ричарда и короля сирvente Бертран заявляет, что испытывает сердечную радость, так как счастливо избежал опасности, хвалится своей храбростью и ловкостью. Король и Ричард простили его, а бароны могут воевать против него сколько угодно: он не отдаст ни одного куса от Отфора, а кто с этим не согласен, тот может начинать новую войну. Чтобы возможно отчетливее представить себе, как любил наш трубадур войну, обратимся к следующему, переведенному нами с оригинала стихотворению:

* На тему этого рассказа написано было Уландом стихотворение «Бертран де Борн», переведенное Афанасием Фетом. Перевод слабый, да и самый оригинал, сильно уклонившийся от темы, далеко не производит того впечатления, которое получается при чтении вышеприведенного прозаического отрывка.

Пора весны приятна мне
С ее листвою и цветами;
Люблю и птичек я: оне
Лелеют слух мой голосами,
Что в роще весело звучат.
Приятно, если перед вами
Равнины стелются с шатрами,
И если рыцари спешат
Туда и в шлемах, и в бронях,
На боевых своих конях.

Приятно мне, когда летят
Гонцы, гоня перед собою
Людей, животных, и гремят
За ними воины бронейю.
Во мне родят восторг живой
Осады замков крепких сцены;
Смотрю, как рушатся их стены
И тащат балки за собой;
И палисады все, и ров
Уж перешли во власть врагов.

Вот собралися на конях
Вооруженные сеньоры;
Всех впереди они в боях,
Они отважны, бодры, скоры;
Они умеют увлекать
Своих вассалов за собою.
Вот дан сигнал условный к бою,
Тут не приходится дремать:
Немало дела здесь для рук,
Удары сыплются вокруг.

Здесь меч, копьё, там в перьях шлем
Иль щит разбил удар удалый;
Сперва люблюся я тем,
Как бьются храбрые вассалы.
В бою поверженных бойцов
В широком поле кони бродят;
Живые ж, если происходят
Они от доблестных отцов,
Рубяся, мыслят про себя:
«Скорей умру, чем сдамся я!»

Не даст питье мне, ни еда,
Ни сон такого наслажденья,
Что ощущаю я, когда
Заслышу крик в пылу сраженья:
«Вперед, туда!» В тиши лесной —
Коней осиротелых ржанье,
Вот слышно к помощи воззванье,
И кроет ров своей травой
Тела бойцов... Вон, погляди —
Лежит боец с копьем в груди.

В этом стихотворении Бертран де Борн весь перед нами*. Война была его стихией, его музой: он был поэтом войны. Для него война была тем же, чем охота для царя Алексея Михайловича** и водная стихия для Петра Великого***.

Как ни защищает нашего трубадура Штимминг, трудно возражать против того, что в основе своей это была эгоистическая, суровая и злая натура. Конечно, вы не забыли, что английский король взял замок Отфор с помощью Альфонса Арагонского. И вот Бертран не может позабыть этого и чернит Альфонса в одной из сирвент до крайности. Он забрасывает грязью не только его общественную деятельность, но и его частную жизнь.

* Штимминг сомневается в принадлежности этого стихотворения Бертрану де Борну, но, как нам кажется, без всякого серьезного основания. Самый дух стихотворения, его манера и слог свидетельствуют в пользу общепринятого мнения. (Альберт Штимминг (Albert Stimming; 1856–1922) — немецкий лингвист, литературовед, медиовист. Автор книги «Жизненный путь и творчество Бертрана де Борна (Bertran de Born, sein Leben und seine Werke, mit Aufmerkungen und Glossar. — Halle, 1879). — *Прим. ред.*)

** «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальные, будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою... да не одолеют вас кручины и печали всякие», — писал царь Алексей в своем наставлении сокольникам.

*** См. письма его к матери из Переяславля и Морской регламент. «И зело любо мне стало», — писал Петр в Морском регламенте, говоря о первых своих опытах на воде.

Он жадно собирал все нелепые рассказы, распространившиеся про арагонского короля, и пускал их в свет, как дикари пускали на неприятеля свои ядовитые стрелы. И фамилия-то его, вошедшая теперь в славу, низкого происхождения, и все-то владения ее отойдут от нее в пользу соседей, и сам-то Альфонс — человек боязливый, только и делает, что откармливает себя и пьет вино в Руссильоне. Что же будет делать бедный король, если лишится своих владений? Бертран не задумывается над этим вопросом и решает его очень просто: король может отправиться в Тир (вероятно, в Крестовый поход). Но и на этом Бертран не успокаивается. По его мнению, Альфонс вряд ли может решиться на это: Альфонса будет отвращать морской воздух, так как этот король и робок, и изнежен. Читая эти злобные выходки трубадура против арагонского короля, мы должны иметь в виду, что Альфонс II присоединил к своим владениям Руссильон и Беарк, что его воспевали трубадуры как покровителя их «веселой науки», что он сам, наконец, был одним из известнейших трубадуров. Что касается его отношения к жонглерам, говорит в той же сирвенте Бертран, то следует заметить, что некоторым из них он раздавал платья и небольшие денежные подарки. Но, по мнению Бертрана, это обстоятельство только ухудшает положение дела, так как Альфонс, тратясь на одного из них, возмещал свои убытки на других. При этом Бертран приводит в пример совершенно немыслимый факт, рассказывая, будто Альфонс предал одного из жонглеров евреям, а те сожгли его. Конечно, Альфонс — клятвopепреступник и в военном деле ничего не смыслит: что это за король, который зевает и потягивается, когда ему говорят о войне? В заключение Бертран пускает последний козырь, насмешливо объявляя, что прощает королю все зло, которое тот причинил ему. Главная вина, конечно, не в нем: он слишком труслив для этого. Он сам по себе не посмел бы сделать ничего, а делал только то, что приказывал ему делать граф Ричард (Львиное Сердце). Единственной целью всего его похода был денежный заработок, и он не устыдился, хотя и король, принять деньги от простого вассала, именно от Ричарда.

Вскоре после окончания войны, которую в главных чертах мы проследили, началась новая война. Английский король потребовал от Ричарда, чтобы тот отказался от Аквитании в пользу своего младшего брата Иоанна (Безземельного). Ричард попросил два-три дня на размышление, чтобы обсудить этот вопрос со своими друзьями.

Время было дано. Воспользовавшись им, Ричард покинул тайком королевский двор, направился в Пуату и послал оттуда своему отцу объявить, что он не допустит, чтобы Аквитанией владел кто-нибудь другой, кроме него. Король был недоволен, но старался действовать и лаской, и угрозой, прося если не всей, то по крайней мере части Аквитании для Иоанна. Ричард отвечал решительным отказом. Тогда король поручил Иоанну собрать войско и силой отнять Аквитанию у Ричарда. Иоанн заключил союз со своим братом Готфридом, и началась новая война. Бертран кинулся и в эту войну, приняв на этот раз сторону Ричарда. Принял он участие и в той войне, которая загорелась несколько лет спустя между королями Англии и Франции. К этой последней войне относится следующая сирвента Бертрана. Написана она в короткий промежуток перемирия. Предлагаем его здесь в переводе, сделанном нами с провансальского наречия:

Расцвет пленительной весны
Я вижу полный пред собою.
Кто может хмуриться весною?
Такой веселою порою
Быть должен каждый из людей
Доступней чувству, веселей,
Чем был он в пору зимних дней.

Дни мира для меня скучны;
Иванов день все не приходит,
И день так медленно проходит,
Как тридцать дней; меня изводит
Их милый мир. Когда бы мне
Уступлен город был Дуэ,
Желал бы взять я и Камбре.

О, пусть виновник тишины
Болячку на глаза получит!
Ах, этот жалкий мир наскучит!

Что даст он нам? чему научит?
 Что лучше времени и нет,
 Как время битв, волнений, бед,
 Филиппу* то не знать не след.

Он не знал еще войны:
 Еще при нем не отсекали
 Ни рук, ни ног, мечом из стали
 Голов в сраженьях не снимали;
 Не показали ни Руан,
 Ни Сэ ему болящих ран;
 Он, говорят, в войне профан.

Филипп, король большой страны,
 Не вел в ответ на оскорбленья
 Войны кровавой, полной мщенья;
 Да, в этом мало поученья!
 Потом бы отдыха вкусил!
 Коль юный битв не полюбил,
 Он будет слаб, он будет хил!

Взгляни хоть с этой стороны,
 Король Филипп: здесь честь страдает;
 Тур податей не высылает,
 А мир Жизорский**... кто не знает,
 Какая это благодать?
 Да, лишь начав борьбу опять,
 Ты можешь честь свою поднять!

Но увещанья не нужны
 Для «Да и Нет»***, они напрасны;
 Не любит мира воин страстный,

* Филиппу II Августу. (Филипп II Август, Филипп Кривой (Philippe Auguste; 1165–1223) — король Франции с 1180 года. Значительно расширил территориальные владения Франции. Пока был жив Генрих II, Филипп поддерживал раздоры между сыновьями Генриха и им самим, ослабляя таким образом противника. После смерти Генриха II Филипп помирился с его наследником Ричардом I Львиное Сердце, но постоянно интриговал против него. — *Прим. ред.*)

** Договор, заключенный незадолго до этого времени между английским и французским королями, сводился главным образом к различным обещаниям со стороны Англии.

*** «Да и Нет», как уже нам известно, — юношеское прозвище Ричарда Львиное Сердце. Трубадур нарочно проводит параллель между ним и Филиппом, чтобы подстрекнуть Филиппа к войне. Ричард был на стороне отца.

На подвиг трудный и опасный
Идет, не медля, он всегда;
И нет опасности, труда,
Чтоб он не шел сейчас туда.
Король французский — друг покоя,
Совсем как добрый капеллан,
А «Да и Нет» — тот жаждет боя,
Как смелой банды атаман.

Заключенный между воюющими сторонами мир не нравился Бертрану, и он всеми силами пытался возжечь новую войну.

В это время прилетела в Европу из Святой земли печальная весть: 4 июля 1187 года при Хаттине на Тивериадском озере Саладином было разбито наголову войско христиан; в этой битве пал цвет христианского рыцарства и был взят врагами в плен король Иерусалима²⁴. Сам Иерусалим открыл ворота Саладину в сентябре того же года. Со всех сторон послышались призывные крики и просьбы. Антиохийский патриарх ярко изобразил бедствия Обетованной земли в послании своем к английскому королю, архиепископ Тирский Вильгельм сам поспешил в Европу, а папа Григорий VIII в двух посланиях призывал все христианские народы к Крестовому походу. Все это вызвало в Западной Европе уснувшие было интересы. Религиозное одушевление могущественной волной прокатилось с одного ее края до другого. Французы нашивали на свои одежды красный крест, англичане белый, фламандцы зеленый и т. д. Само собой понятно, что Бертран живо откликнулся на это движение.

Из важнейших городов в руках христиан оставались еще Антиохия и Тир. Саладин направился против Тира, но встретил здесь геройское сопротивление со стороны Конрада Монферратского²⁵. Бертран де Борн написал последнему послание и отправил его в далекую Сирию через своего жонглера Папиола. Мы перевели это послание с оригинала и предлагаем его вниманию читателей:

Того теперь я знаю, кто из всех
Достигнул славы высшей в этом мире;
Конечно, то — сеньор Конрад; не грех

Сказать, что он... Один в далеком Тире
 Он Саладина отразил.
 Бог помочь! но... подмога не идет...
 Тому почет, кто тяжесть всю несет.

Сеньор Конрад, да сохранит вас Бог!
 Придет пора, я буду также с вами,
 Но до сих пор собраться я не мог;
 Ведь не спешат и принцы с королями,
 Да я и сердце загубил:
 Блондинка дивная, владычица моя,
 Мне не велит плыть в дальние края.

Сеньор Конрад, к вам оба короля —
 Филипп и Ричард* — будут с подкрепленьем,
 Но вот беда: вражду в себе тая,
 Они полны взаимным подозреньем.
 Боюсь я, чтоб не угодил
 Тот и другой к врагу в тяжелый плен:
 Не стерпит Бог, конечно, их измен**.

Сеньор Конрад, и друг, и даже враг
 Всегда почтет вас полным уваженьем;
 Но, дав обет отправиться, никак
 Уже нельзя покрыть его забвеньем;
 Забывший Бога прогневил!
 А вот они покоятся, когда
 Вас тяготят и голод, и нужда.

Сеньор Конрад, все к худшему ведет
 То колесо, что наша жизнь вращает;
 Здесь большинство обманами живет,
 Вредя другим; обманутый страдает,
 Но тот, кто злое совершил,
 Не убежит: Господь рукой Своей
 Заносит в книгу все дела людей.

* В это время Ричард Львиное Сердце уже вступил на английский престол после смерти своего отца Генриха II.

** Ричард возложил на себя крест в числе первых, еще при жизни своего отца, тогда же возложил на себя крест и Филипп II Август, но оба медлили с приведением в исполнение своего священного обета.

Сеньор Конрад, и Ричард к вам придет;
Я слышал так; сильна его природа;
Он полчища большие соберет
И двинет их до окончання года.
Да и Филипп отплыть решил;
Отправятся другие короли,
Придет конец бедам Святой земли!

Мой Папиол прекрасный, ты ступай
В Савойю, путь держи к Бриндизи, там
Ты сядешь на корабль, тебе я дам
К Конраду порученье. Не скучай!
Скажи ему, что если обещанье
Исполнят короли, приду и я,
А если мне прелестное созданье
Велит остаться, ехать мне нельзя.

Из этого произведения мы видим, что обыкновенно пылкий до самозабвения Бертран не возложил на себя креста в ту пору, когда вокруг него кипело религиозное воодушевление, когда раскрывалось перед рыцарями широкое и славное поприще для новых подвигов. Он проповедует крестоносное предприятие, восхваляет его участников, грозитя королям, возложившим на себя крест, Божьей карой, упрекает их за взаимное недоверие, забывая совершенно о том, какую деятельную роль играл он сам в развитии этого недоверия и вражды. Но сам он не отправляется в Крестовый поход и самую возможность своего участия ставит в зависимость от согласия той «блондинки дивной», которой он служит в качестве рыцаря. Такое объяснение, конечно, является не совсем благовидной шуткой. В том же произведении он ставит свое отправление в зависимость от королей. Но вот оправились в поход и короли, а наш трубадур остался дома.

Для объяснения этого факта выставляют в виде предположений две причины: недостаток средств и опасение, что брат Константин воспользуется его отсутствием и захватит Отфор. Первое объяснение вряд ли основательно. Мы знаем, как поступали в таких случаях малоимущие рыцари, да мы и не имеем никаких оснований считать Бертрана малоимущим. Мы знаем, что он трижды делал щедрые дары мона-

стырю, в школе которого получил образование. Второе объяснение более солидно.

Но возможно и еще одно объяснение, которое мы не находим у Штимминга. Можем ли мы положиться на искренность сирвентов Бертрана, которые относятся к крестовым предприятиям? Выше мы уже приводили примеры такой же горячности в других его сирвентах, но видели, что действительность была иной.

Верил ли он в благоприятный исход этих далеких, не согласовавшихся ни с национальными, ни с политическими потребностями того времени предприятий? Не относился ли он к ним скептически? Сочувствовал ли он, наконец, самой их идее? Он мог пропагандировать ее в виде известной уступки общественному настроению минуты. Ведь идея походов была популярной, и проповедник ее пополнял их проповедью свою популярность. Внутренние же движения Бертрана навсегда скрыты от нас. Не забудем, однако, что он открыто хвастался не только своей храбростью, но также хитростью и ловкостью.

Мы рассмотрели, таким образом, в самых существенных чертах общественную деятельность Бертрана. С этой деятельностью, как мы видели, были тесно связаны его поэтическая деятельность и личная жизнь. Теперь остается остановить свое внимание на другой стороне поэтической деятельности Бертрана, ознакомиться хоть с некоторыми образцами той дани, которую он принес любви.

Мы уже указывали вскользь на то впечатление, которое произвела на сердце Бертрана сестра английских принцев Матильда. Воспоминание об ее светлом образе навсегда осталось живым в душе трубадура. Роковые обстоятельства разлучили их, но это не только не помешало, но скорее содействовало его служению другим дамам. Война, военные потехи и служение женщинам были, по мнению Бертрана, да и вообще современников его круга, единственно благородными и подходящими для рыцаря занятиями. Послушайте, что говорит по поводу этого сам трубадур:

Пусть лес, кто хочет, вырубает,
А я работаю живею,
Когда надолго мне хватает
Оружья всякого, коней...

Стремлюсь к турнирам я,
К войне, войну любя,
Я щедр и не тужу,
И женщинам служу*.

Прелестное стихотворение написал Бертран де Борн в честь сестры английских принцев. Вы, конечно, помните, что он называл ее Еленой. Если иметь в виду ту обстановку, среди которой оно было написано поэтом, его содержание сделается вполне понятным. Обстановка же была такова. В зимнюю пору Ричард задумал в сопровождении Бертрана произвести смотр своим войскам. В лагере обнаружился такой недостаток съестных припасов, что в одно воскресенье все оставались без еды. Поэт мечтал о теплом убежище, о хорошем обеде и вызвал в своем воображении, по противоположности, ту обстановку, в которой жила принцесса. Ее очаровательный образ стоял перед ним как живой. Тогда-то он и написал свое стихотворение.

Обеда нет, пришла кручина.
Ах, если б дома я сидел!
Там было мясо, хлеб и вина,
Огонь там весело горел.
Сегодня праздник; в день священный
Забывать приятно суету:
Хотелось быть бы мне с Еленой
Да и с сеньором Пуату**.
Я в Лимузен собирался, чтобы
Красавиц местных воспевать;
Теперь прошу всех дам без злобы
Певца другого поискать;
Теперь пою я самой верной
И превосходнейшей из них;
Поклонник преданный, примерный,
Я не глядел бы на других.
Вы так чисты, так благородны,
Течет в вас царственная кровь;
Свой край я бросил бы свободно,
Чтоб повидаться с вами вновь.

* Наш перевод с провансальского.

** То есть с Генрихом, «молодым королем».

Вы выше всех неизмеримо,
 Вас не сравню я ни с одной;
 И вы, надев корону Рима,
 Ее украсили б собой!
 Меня пленил ваш взор чудесный;
 Я подчинился вам, любя;
 Вы часто на скамье прелестной
 Меня сажали близ себя.
 И в вашей речи милой, звонкой
 Все было просто и свежо.
 Вы мне казались каталонкой
 Иль дамой города Фанжо.

Когда ваш ротик улыбался,
 Сверкал зубов жемчужный ряд...
 Я вашим телом любовался;
 С ним гармонировал наряд;
 Лицо так нежно, так румяно;
 Любуясь им, я в рабство впал,
 А сам владыкой Хоросана
 Себя тогда воображал!
 И на земле, и в недрах океана
 Все — ниже вас; вы — выше всех похвал*.

К той же принцессе Матильде обращается наш трубадур и в следующих строках. Но здесь она называется уже не Еленой, а другим именем — Сезам.

Нельзя то место звать двором,
 Где смех не слышится кругом,
 И шуток нет,
 И щедрости не виден след.
 Я умер бы — и верю в то —
 От скуки в грубом Аржанто,
 Когда бы там
 Не встретил я средь местных дам
 Одной красавицы: она —
 Проста, изящна и умна...
 Тобой, Сезам,
 Была мне жизнь сохранена!

* Как это стихотворение, так и следующее, переведены нами с провансальского оригинала.

Служа той или другой даме, Бертран де Борн прославлял не только ее внешность, но отчасти и ее внутренние достоинства. Сперва он воспеваает Матильду Монтаньяк. Он прославляет ее за то, что она превосходит всех соперниц не только тем, что является вместилищем всех телесных прелестей, но и тем, что выдается своими внутренними достоинствами: она не окружает себя, подобно кокеткам, толпой обожателей, но довольствуется одним, а при выборе такого не ослепляется могуществом и внешним положением. Она горда с людьми, которые только богаты, но милостива к достойным, хотя бы они были бедны. Любопытно обратить внимание на те обстоятельства, которые омрачили добрые отношения между Матильдой Монтаньяк и поэтом. Они характеризуют и среду, в которой вращался поэт, и эпоху, в которую он жил. Один из соседей поэта женился на Гюискарде, всюду прославляемой за свою красоту. Посвятил ей несколько строф и Бертран. В этих строфах он объявляет счастливой всю страну Лимузен, так как в нее войдут все достойные любви качества и добродетели в лице Гюискарды. Необходимо и мужчинам выказывать все те преимущества, благодаря которым можно надеяться на приобретение дамской благосклонности. Истинный обожатель, по словам Бертрана, должен быть здоровым, мужественным и благородным в своих мыслях; он должен быть по отношению к дамам готовым на услуги и покорным, великодушным и щедрым. Он должен отличаться не только на придворных праздниках, но на турнирах и в боях. Наступило самое удобное время испытать себя во всем этом, так как появилась Гюискарда.

Стихотворение, воспевавшее Гюискарду, живо распространилось повсюду. Матильда Монтаньяк после этого разгневалась на поэта и поссорилась с ним. Ссора, по-видимому, была серьезная. По крайней мере, и Бертран в одной из своих песен заявил, что тот поступает правильно, кто меняет хорошее на лучшее; он сам имеет намерение верно служить и покоряться лучшей, чтобы она вознаградила его за понесенную потерю и превратила боль, которую причинила ему неверная изменница, в сладкую надежду. Лимузенцы, продолжает он, имеют причину радоваться, потому что между ними пребывает дама, которая не имеет себе подобной

на всем протяжении земли. Всякая радость исходит только от нее, она в такой степени идеал всяких преимуществ и добродетелей, что все те, которые хоть раз служили ей, разлучаясь с нею, испытывают пламенное желание увидеться вновь. Далее Бертран заявляет об ее обещании приблизить к себе в качестве обожателя того, кто окажется лучшим. Песнь призывает к соревнованию всех — и бедных, и богатых.

Но вскоре после этого, по причинам, нам неизвестным, Бертран снова обратил свои помыслы к Матильде Монтаньяк. Тогда-то он и написал то стихотворение, лучшие строфы которого приведены нами в начале настоящего очерка. Он приписывает причину размолвки между ними льстецам, окружающим Матильду и клеветующим на него:

Я знаю все, что лгут вам про меня
 Лстецы презренные, клянусь вам я!
 Не верьте им, их речь полна обмана;
 Не уклоняйте сердца своего
 Вы от меня, служителя его;
 Подругою останьтесь Бертрана.

Но Матильда не смягчалась. Она отлично знала, как это знаем и мы, что причина размолвки лежала не в наговорах льстецов, а в увлечении нашего трубадура прекрасной Гюискардой. Но Бертран и в деле служения дамам проявлял ту же настойчивость, которая так громко кричит о себе в его воинственных сирвентах. Он решился затронуть тщеславие оскорбленной Матильды и обратился к ней с новой песнью. Вот ее содержание. Поэта прогнала прекрасная сеньора — хотя и без всякого основания. Он беспомощен и, если не отыщет дамы, которая была бы подобна первой, совершенно откажется от любви. Но так как ни одна из дам не может сравниться с первой по красоте, приятности и вообще по прелести существа своего, он хочет заменить утраченную тем, что будет искать помощи у прославленных дам своего времени; у каждой из них он позаимствует то преимущество, которым она особенно отличается. Свежий цвет лица и чудный взгляд он возьмет у прекрасной Цимбелины; Элиза предоставит ему свое умение вести остроумную беседу; виконтесса Шалэ даст

свою шею и свои нежные руки; Агнесса Рошкуар — свои замечательные волосы; у госпожи Одиар он позаимствует ее приятный нрав; у Гюискарды — ее стройное, юное тело... Тогда составитя истинный образец красоты. Но поэт сознает, что ощущает в душе стремление не к этому идеалу, а к своей разгневанной Матильде... В заключение он спрашивает ее, почему же она пренебрегает им, несмотря на его преданную любовь?

Но ни клятвы, ни тонкие комплименты не помогли. Тогда Бертран отправился к виконтессе Шалэ и просил у нее, чтобы она приняла его в качестве своего рыцаря. Дама, к которой обратился наш трубадур, отвечала ему: «Господин Бертран, ваши слова доставили мне, с одной стороны, радость, а с другой — принесли огорчение: радость вы доставили мне тем, что пришли ко мне и предложили себя в качестве рыцаря; огорчение же мое происходит из опасения, что вы подали какой-нибудь повод к образу действий госпожи Матильды. Я узнаю всю правду в этом деле и постараюсь, если это удастся, вернуть вам ее милость; если же выяснится, что вина на вашей стороне, то ни я, ни другая какая дама не примем вас в качестве своего рыцаря». Так устроилось третейское посредничество. Бертран очень обрадовался такому исходу дела и обещался, если он не вернет себе любви Матильды, никогда не служить никакой даме, кроме виконтессы. Она же обещала принять его в качестве кавалера, но только при наличии двух следующих условий: во-первых, если попытка к примирению окончится неудачей и, во-вторых, если выяснится невиновность Бертрана. Даме, вызвавшей быть посредницей между сторонами, удалось убедить Матильду в наличии недоразумения. Матильда согласилась примириться с Бертраном, но прежде всего она потребовала, чтобы и трубадур, и дама-посредница обоюдно освободили друг друга от данных ими обещаний.

Этот случай, характеризующий эпоху, далеко не единственный. Даму и ее рыцаря обоюдные обещания связывали в такой же степени, в какой связывали они вассала с его сеньором. Само существование таких обещаний считалось как бы делом чести, и для изменения взаимных отношений необходимо было отречься от обещаний.

Война и любовь — вот к чему сводились все стремления Бертрана. Имея перед собой все то, что сохранилось нам о жизни Бертрана, имея перед собой все его произведения, мы приходим к следующим выводам. Он любил войну ради нее самой; никакими высшими соображениями при появлении войны он не задавался: ему было безразлично, за что и с кем воевать, если только не ставили ему серьезной преграды его личные, чисто эгоистические интересы.

Он был беспокойным и заносчивым человеком, никогда не вымирающим типом забияки. Нам кажется, мы не ошибемся, если скажем, что Бертран де Борн, трубадур второй половины XII и начала XIII века, был ближайшим родственником по духу знаменитому французскому дуэлисту и писателю XVII века — Сирано де Бержераку. Что касается его служения дамам, почти все сводилось в этом деле к чисто материальной стороне. Все эти Матильды, Гюискарды, Цимбелины, Элизы, Агнессы и, без сомнения, многие другие привлекали его своими внешними качествами и преимуществами. Избранная дама не должна была быть кокеткой, не должна ослепляться ни богатством, ни могуществом своего избранника; большой заслугой является умение вести остроумную беседу, умение отвечать, как следует, на вопросы и т. п. Одним словом, все это — те добродетели, которые обуславливались куртуазией.

По своим понятиям Бертран де Борн не возвышался над тем обществом, среди которого жил, он был истинным сыном своего века, плотью от плоти его и костью от костей его. Может быть, в этом и заключалась причина его необыкновенной популярности среди современников. Его песни разбирались нарасхват, но не всегда и не всем он давал их. Один жонглер обратился к Бертрану с просьбой написать для него песнь. В ответ Бертран написал стихотворение, набросав карикатурный портрет злополучного жонглера; у него — сиплый голос, он скорее каркает, чем поет; цвет его кожи настолько темен, что его можно принять за сарацина; он, Бертран, удивляется его просьбе, так как никогда не слышал о нем, и т. д. В песне, написанной по просьбе другого жонглера, он говорит следующее: «Я слышал много рассказов о вас; вы просите у меня песни, я хочу удовлетворить вас. Вы — лу-

кавец: будучи, по существу, нищим, вы умеете придавать себе вид годного человека. Было бы, однако, лучше, если бы вы покончили с собой, чем жить состраданием других. Вы глупее овцы, и больше доставит всем удовольствия слушать ворону или хрюкающую свинью, чем вас. Вы молоды, высоки ростом и корчите из себя мужественного человека, но даже в тех случаях, когда заяц становится львом, вы — трус, существо бесполезное и совершенно не обладающее силой сопротивления... Даже между негодяями вас считают за ненадежного человека, так как каждый из обозных погонщиков решится на битву скорее, чем вы. Но где только вы слышите запах жареной баранины, вы бежите туда скорее, чем на палисады и окопы, и самые большие почки поглощаете в один или два приема».

Бертран де Борн лишен сострадания. Так как крестьяне ведут постоянную борьбу со знатью, то ему доставляет, по его словам, величайшее наслаждение видеть их в самой глубокой нужде. Мужик живет, как свинья, пока пребывает в окружающей его среде; когда же он разбогатеет, в нем развивается величайшее самомнение, а потому и следует держать пустым его корыто. Кто не держит мужика в ежовых рукавицах, тот поддерживает в нем его упрямство, а потому его всегда следует гнуть; когда он чувствует себя в безопасности, нет равного ему в подлости. В своем озлоблении против крестьян трубадур доходит до того, что считает непростительной слабостью жалеть крестьянина, если он сломает себе руку или ногу или подвергнется какому-нибудь несчастью.

Мы не поставим только что высказанный взгляд в особую вину Берtrandу де Борну. Он далеко не представлял в этом отношении исключения. Припомним следующие слова Грановского²⁶: «В средневековой Европе не было народов в настоящем смысле слова, а были враждебные между собой сословия, начало которых восходит к эпохе распада Западной Римской империи и занятия ее областей германскими племенами. Из пришельцев образовались почти исключительно высшие, из покоренного или туземного населения — низшие классы новых государств. Насильственное основание этих государств провело резкую черту между их составными частями. Граждане французской общины

принимали к сердцу дела немецких или итальянских городов, но у них не было почти никаких общих интересов с феодальной аристократией собственного края. В свою очередь барон редко унижал себя сознанием, что в городе живут его соотечественники. Он стоял неизмеримо выше их и едва ли с большим высокомерием смотрел на беззащитного и бесправного виллана^{*}. Так подготавливалась веками та почва, на которой выросла страшная Жакерия²⁷.

Бертран порицал и свою братию — баронов. Но за что? За чрезмерное увлечение тем, что и они, и он сам считали рыцарскими добродетелями, а главным образом — за бесконечные турниры, за безмерную любовь к постройкам, за обжорство и т. д. Забывая о себе, он порицает своих современников за сварливость, за готовность броситься в феодальную войну по всякому ничтожному поводу.

Вглядевшись в личность Бертрана, мы не станем бросать в него камнями, но воздержимся и от желания отыскивать в нем какие-то особенно благородные чувства. Истина где-то посередине. Бертран был не хуже, но и не лучше своих современников. Он был заурядным французским феодалом XII века, отличаясь от большинства только поэтическим дарованием, а может быть, и своей исключительной страстью ко всяким военным предприятиям, кроме крестоносных.

Бурная жизнь, как и следовало ожидать, истомила Бертрана де Борна. После смерти Ричарда Львиное Сердце, последовавшей в 1199 году, он призвал к себе своих сыновей, Бертрана и Итье, старшему отдал Отфор, а младшему родовый замок де Борнов, сам же прожил последние годы жизни в стенах того цистерианского монастыря, в котором когда-то учился. Старший сын пошел по следам отца и писал, подобно ему, сирвенты, в которых высказывал свое мнение о животрепещущих событиях своего времени.

Умер Бертран де Борн между 1210 и 1215 годом. Мы имеем точное свидетельство о том, что в 1215 году уже молились за него как за усопшего. В хронике Бертрана Итье читаем под 1215 годом: «Sub anno 1215 octava candela in sepulchro ponitur pro Bertrando de Born. Cera tres solidos empta est», что значит:

^{*} Т. Н. Грановский. Людовик IX.

«В 1215 году поставлена на гробнице* восьмая свеча за упокой Бертрана де Борна. Воску куплено на 3 солида».

Слава о поэтической деятельности и характере Бертрана де Борна распространилась далеко за пределы его родины. Сильное впечатление производила та роковая роль, которую наш трубадур играл в борьбе английских принцев против своего отца. Великий итальянский писатель Данте Алигьери поместил Бертрана де Борна в восьмом круге своего Ада, среди сеятелей раскола и поджигателей раздора. Пылкое воображение великого флорентийца придумало ему страшную казнь. Он должен был бродить по аду, держа в руке свою собственную, отделенную от туловища голову.

В своем очерке мы совершенно не коснулись враждебных действий Иоанна Безземельного против своего отца, так как этот эпизод совершенно отвлек бы нас в сторону и даже затемнил бы то главное, что мы имели в виду изобразить. Напротив того, мы сравнительно подробно проследили войну, поднятую против отца «молодым королем», так как именно в этой войне и проявилось во всей своей силе пагубное влияние Бертрана. Между тем в «Божественной комедии» Бертран изображен наказанным за возмущение Иоанна, а не «молодого короля»**. Сущность дела, впрочем, остается неизменною.

Закончим же наш очерк рассказом самого Данте***:

Он голову за волосы так смело,
Бесчувственно, как бы фонарь, держал,
И голова, крича «увы», смотрела.

Он сам себе дорогу освещал
То два в одном и в двух один шагали,
Но как — решит лишь Тот, Кто казнь послал.

* Здесь разумеется гробница Св. Марциала.

** Есть мнение, что Данте смешал провансальские выражения «*geis joves*» («молодой король») и «*geis Ioan*» («король Иоанн»). (Иоанн Безземельный (1167—1216) — король Англии с 1199 года и герцог Аквитании. Иоанн не получил от Генриха II ни одного из обширных земельных владений во Франции, за что и был прозван «Безземельным». Однако, в отличие от своих старших братьев, он никогда не выступал против отца с оружием в руках. — *Прим. ред.*)

*** Ад. Перевод В. А. Петрова.

Чуть у моста мы призрак увидали,
Он руку вверх приподнял с головой,
Чтоб лучше речь его мы услышали:

«Смотри, — вскричал, — мучения, живой!
Имел ли ты, надсмотрщик, их в предмете?
Как мучусь я, не мучится другой.

И чтоб сказать мог обо мне ты в свете,
То знай, что то Бертран де Борн предстал,
Кем Иоанн подбит на зло в совете.

Через меня сын на отца восстал:
Ахитофел²⁸ Авессалома жала
Ужаснее в Давида не вонзал!

За то, что месть столь близких разлучала,
Мой мозг с своим началом разлучен,
И в этом пне живет его начало:
На мне удар возмездия свершен!²⁹

Труверы

Труверы и их поэзия

Если французская лирика достигла своего блестящего развития на юге Франции, то местом наивысшего процветания французского эпоса был север Франции. Юг породил трубадуров, север — труверов. Название последних произошло от той же основы, от которой произошло и слово «трубадур». В основе обоих существительных лежит глагол, обозначающий изобретательную, творческую деятельность и выражаемый провансальским словом *trobar* или *trobar* и старофранцузским *trouver*. Таким образом, значение обоих слов, по существу, включает в себе один и тот же смысл, но историческая практика выработала между ними то различие, что трубадурами называли и называют лирических поэтов французского юга, а труверами — эпических по преимуществу певцов Северной Франции. И на севере Франции, как и на ее юге, существовали жонглеры. И здесь жонглеры противопоставлялись труверам, как исполнители авторам. Так было в большинстве случаев. Но и здесь встречались также лица, которые одновременно были и авторами, и исполнителями. Само собой разумеется, что такое совмещение вызывалось только нуждой.

Труверы имели своих предшественников в кельтских певцах, называвшихся бардами. Певцы эти составляли замкнутое сословие, в котором сын наследовал дело своего отца, и делились на несколько категорий. Одни из них были близки к кельтским жрецам и распевали в храмах при совершении жертвоприношений гимны во славу своих богов. Другие сопутствовали воинам и прославляли мужество героев, возбуждая своими песнями воодушевление в бойцах. Наконец, они воспевали героические подвиги своих соотечественников во время пиров. Но мы не имеем таких данных, которые заставили бы нас отказаться от предположения, что один и тот же гениальный певец мог заниматься и тем, и другим, и третьим. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению двойственный характер их деятельности как народных певцов, служивших религиозным и патриотическим целям.

Когда Галлия была покорена римским оружием, в ней стало быстро распространяться влияние римской культуры. Все кельтское преследовалось римлянами. Испытали ту же горькую участь и барды, особенно те из них, деятельность которых вызывалась запросами древней народной религии. В начале V века после Р. Х. вся Галлия за исключением Бретани и некоторых пиренейских кантонов говорила уже по-латыни, в том числе и деревенское население страны. То была особая, народная латынь. В состав ее входили разнообразные элементы: тут была и литературная латынь, и язык римских солдат, и рабочих различного рода, и обломки старого кельтского языка.

Но минула пора и римского могущества: Западная империя стала разрушаться, как разрушается, превращаясь в руины, величественное здание. Работу времени ускорили новые молодые и свежие народы. Вместе с франками, завоевавшими Галлию, пришли сюда новые певцы. И Григорий Турский³⁰, и Фортунат³¹, и Сидоний Аполлинарий³² говорят нам о песнях, распевавшихся этими поэтами под аккомпанемент арфы. Читая хронику Григория Турского, всякий невольно заметит то, что заимствовано им не из сухих летописных заметок, а из тех героических поэм, которые исчезли бесследно. Конечно, главным героем их был Хлодвиг³³, создатель франкского могущества. Рассказ Григория о войнах Хильдерика I заимствован им у летописцев и отличается своей

краткостью и сухостью. Напротив, повествование о начале его царствования, о его изгнании и бегстве в Тюрингию, о его браке с Базиной и о рождении Хлодвига носит на себе совершенно иной характер. Теперь уже доказано, что этот рассказ не что иное, как обрывки из целой поэмы, сложенной неизвестным певцом франков на рождение их великого короля.

При дворах Карла Великого и Людовика Благочестивого поэты воспевали за пиршественными столами подвиги храбрых или на франкском наречии, или на романском языке, употреблявшемся в период с VI до XII века*. Конечно, певцы эти были не кто иные, как древнегерманские скальды. В IX веке один из них, слепец Бернлеф (Bernlef), пел, аккомпанируя себе на арфе, о легендарных подвигах, древних битвах. Певцы эти, которых уже в это время называли то жонглерами, то труверами, сопровождали воинов, разделяли с ними невзгоды их походов и славу их подвигов. В 1066 году, перед самой битвой при Гастингсе, во главе норманнов ехал на коне Тальефер (Taillefert), про пение которого летопись отзывается с большой похвалой, и распевал песнь о Роланде. Он потребовал, чтобы ему было дозволено за его многолетнюю службу нанести первый удар врагам, и умер в битве, как герой. Тальефер был и поэтом, воспевавшим военные подвиги, и воином, совершавшим их. Но труверов доставляла и церковь. Сюда следует отнести тех духовных лиц, которые сопровождали своих баронов на войну в качестве капелланов и должны были прославлять деяния своих господ. Впрочем, духовные лица не гнушались принимать деятельное участие и в самих боевых схватках. Но самый многочисленный разряд среди средневековых певцов составляли, конечно, профессиональные поэты, певцы по призванию. Из древнейших песен труверов создалась постепенно кантилена, а последняя развилась в свою очередь в *chanson de geste*³⁴.

* В пределах Франции до VI века был во всеобщем употреблении народный латинский язык (*bas latin*), с VI—XII веков романский, с XII—XV веков старофранцузский и с XV века современный французский язык. Все эти языки представляют собою только видоизменения латинского языка. Германцы, завоевавшие Галлию, конечно, оказали свое влияние на язык страны, но оно оказалось незначительным.

Под кантиленами разумеют обыкновенно те произведения, которые слагались певцами до XI века и в повествовательном содержании которых — церковного или светского характера — значительно проявляется лирический, хвалебный элемент. Они состояли из нескольких строф с припевами и слагались обыкновенно по поводу каких-либо отдельных событий, не захватывавших собой всей народной жизни. Для того чтобы эти отдельные песни развились в обширные эпические сказания, необходимо было совершиться в жизни народа какому-либо исключительно крупному событию или появиться необыкновенно выдающейся личности. Такой именно была личность Карла Великого.

Chanson de geste в переводе на русский язык означает песнь о подвигах или о роде-племени героя. Не все они, конечно, возникли из кантилен, хотя в некоторых из них и теперь можно увидеть то первоначальное ядро, которое составляло содержание героической кантилены и только с течением времени разрослось в целую героическую поэму. Есть такие героические поэмы, которые возникли без всякого посредничества, так как их создали отдельные певцы, почерпавшие сюжеты из народных преданий и легенд или из хроник. С течением времени эти героические поэмы достигают все больших и больших размеров. Первоначально они состояли из 4000 или 5000 стихов, но число последних достигает в позднейших поэмах до 20 000 и более.

Chansons de geste слагались на самые разнообразные сюжеты. Чтобы лучше ориентироваться в области средневекового эпоса, установили следующее разделение этих поэм на группы, сообразуясь с их внутренним содержанием. К первой группе относят все поэмы, в которых воспеваются подвиги Карла Великого и его палатинов; ее называют карловингским, или французским, циклом. Сюда же относят и те поэмы, в которых изображаются подвиги различных представителей позднейшей феодальной эпохи. Вторую группу составляют поэмы, развивающие легенды Арморики или Бретани, легенды о короле Артуре, его сподвижниках или преемниках; эту группу называют обыкновенно циклом бретонским, или циклом короля Артура; по отношению к этим поэмам принято употреблять название романов (романы Круглого стола) вместо обычного

названия *chansons de geste*. Наконец, третья группа заключает в себе поэмы, в которых воспроизводились подвиги героев классической древности с чисто средневековой окраской; эта группа называется циклом Рима, или античным циклом.

Вот как характеризует один из исследователей* первый из этих трех эпических циклов: «Каролингский цикл содержит в себе самые сильные и наиболее достойные нашего внимания произведения. Они имеют общие характерные черты, которые налагают на них известную печать и отличают их от других подобных же произведений. Они искренни. Невольно чувствуется, что их автор глубоко убежден в достоверности передаваемого им рассказа и считает себя историком. Прибавьте к этому известную пылкость, близкую к грубости, красноречие, блеск, истинное чувство нравственного величия и даже некоторую неспособность стать на другую точку зрения, кроме той, которую занимает автор. В то же самое время у их авторов совсем нет ловкости и умения начать свою поэму; нет никакого плана. Уже само начало круто, *ex abrupto*, как говорилось в старых риториках, объявляет о развязке; такое же крутое окончание распускает слушателей словами: “Ступайте, роман окончен!”».

Впрочем, иные из песен оканчиваются более благожелательно. Пропев последние стихи своей поэмы, иной автор желает своим слушателям удостоиться райского блаженства, обращаясь к ним с такими словами: «Сеньор свободный рыцарь, песнь окончена. Да спасет Бог того, кто вам пел ее, а вы все, вы, слушавшие его, будьте спасенными!»

В начале поэмы, как можно было усмотреть из вышеприведенной характеристики, излагаются в нескольких стихах сюжет и развязка произведения, предлагаемого вниманию слушателей. Обыкновенно труверы хвалят при этом свой сюжет, свой стиль, свои рифмы; иногда указывают источники и ставят слушателям на вид, что поют об известных подвигах известных героев. «Послушайте, сеньор, благороднейшую песнь; все в ней взято из старинной истории; нет никакой лжи; никогда во всю свою жизнь вы не услышите другой лучшей».

* Академик Эмиль Фаге (Faguet). (Эмиль Фаге (1847—1916) — французский критик и историк литературы. — *Прим. ред.*)

Лучшей из всех *chansons de geste*, дошедших до нашего времени, по справедливости считается «Песнь о Роланде».

Каждая *chanson de geste* состоит из серии куплетов, в которых звучит одна и та же рифма, но эти куплеты не одинакового размера. В «Песни о Роланде» каждый куплет состоит среднем из 12 или 15 стихов. В позднейших поэмах куплеты длиннее: так, например, в лотарингских жестах есть куплет из 546 стихов. Мужские рифмы, как более удобные для музыкального аккомпанемента, встречаются чаще женских. Чередоваться рифмы начинают только с конца XIII столетия. Куплеты «Песни о Роланде» и некоторых других поэм имеют припевом восклицание — *Aoi!*

Из других *chansons de geste*, входящих в состав того же первого цикла, остановим свое внимание на поэме *Raoul de Cambrai* («Рауль де Камбре»). Это мрачная и пылкая поэма, в которой нашли яркое отражение вся грубость, вся суровость феодальной эпохи. Написана она была, как предполагают, в X веке трувером Бертоле (*Bertolais*), после чего подвергалась несколько раз исправлениям и вылилась в окончательную редакцию не ранее XIII столетия. В этом последнем виде она и сохранилась до нашего времени.

Рауль II, главное лицо поэмы, — младший сын Рауля I, графа Камбре, родившийся уже после смерти своего отца. Графство Камбре было в то время простым пожизненным леном, а следовательно, представляло собой всегда открытое наследство и служило предметом вечной вражды и интриг. Французский король Людовик IV Заморский лишил Рауля графства Камбре, несмотря на то что тот был его родным племянником, и отдал графство одному из своих вассалов. Отсюда и возникло все зло, пошли все бедствия.

Когда Раулю исполнилось пятнадцать лет, его возвели в рыцарское звание. Молодой человек был отличным воином, его мужеству, по словам поэта, не было меры. Дядя его с отцовской стороны, Герри Рыжий, привез его в Париж и представил «сильному королю Людовику». Король сделал его своим сенешалем*. Молодой рыцарь отдался всем удо-

* Один из высших придворных чиновников, творивший суд от имени короля.

вольствиям придворной жизни: участвовал в турнирах, расшибал мишени, с большим успехом играл в шахматы и был предметом созерцания для многих дам. Одерживая блестящие успехи и возбуждая невольную привязанность к себе, он в то же время нажил себе смертельных врагов своим буйным и неукротимым характером.

Между тем Герри Рыжий снова приезжает в Париж, чтобы попросить у короля графство Камбре для своего горячего племянника Рауля. Но буйный племянник ссорится с дядей, явившимся, чтобы похлопотать за него. Король Людовик отказывает в исполнении просьбы, ссылаясь на то, что уже обещал графство Камбре своему вассалу и не может не исполнить этого обещания: что скажут бароны, если он не исполнит его? Взамен графства король обещает Раулю первый вакантный лен и в обеспечение своего слова дает ему сорок заложников. Тут умирает граф Вермандуа, владетель нескольких областей. Рауль и Герри побуждают короля исполнить свое обещание, но король и не помышляет об этом. Он не только отказывает в просьбе, но и отпирается от своего обещания. Причина такого поведения короля заключается в том, что он опасается лишиться благосклонности четырех сыновей покойного графа. Тогда Рауль приходит в бешенство и грозит умертвить королевских заложников. Чтобы спасти их, Людовик уступает Раулю, но не в том смысле, в каком ожидали бы мы: он просто позволяет Раулю отобрать землю у наследников Вермандуа, если только он сможет сделать это. Рауль и Герри мчатся в графство Камбре. Здесь они созывают своих вассалов и идут на Ориньи, одно из владений покойного графа Вермандуа.

Рауль и Герри располагают свои передовые силы на берегу реки, омывающей Ориньи и находящиеся вблизи него стены бенедиктинского монастыря. За Раулем следует его вассал Бернье. Он угрюм и печален, так как война грозит большими бедствиями стране, в которой живут его отец и друзья. Но он должен подавить свои родственные чувства, заглушить свои сердечные привязанности: этого требует верность сеньору. Между тем у Бернье было полное основание для грусти: Рауль не знает жалости, попирает все законы, не боится неба и не признает никакой иной силы, кроме своего

меча. Не обращая внимания на советы своих вассалов, Рауль приказывает разрушить монастырь и ругает тех, кто проявляет уважение к святыням. Обительницы монастыря, чуя над собой страшное несчастье, выходят в торжественной процессии из святой обители и направляются в лагерь Рауля. У каждой из них в руках по псалтири. Во главе монахинь идет мать Бернье. Она умоляет Рауля пощадить монастырь. «Сир Рауль, — сказала мать Бернье, — мы не умеем владеть никаким оружием; вы можете уничтожить и убить нас: вы не увидите, чтобы для нашей охраны взял кто-либо щит или копье; я не хочу скрывать этого от вас. Что же касается нашей жизни и еды, нам приходится кормиться от алтаря, мы достаем себе пищу из этого бурга. Благородные люди сильно любят наш монастырь, они посылают нам и серебра, и чистого золота. Согласитесь же на мир для нашего монастыря, для всей нашей обители и свободно располагайтесь, как вам угодно, на наших лугах. Если вам угодно это, сир, мы на свой счет позаботимся о вас и о ваших рыцарях. Оруженосцы получают натуральную дань фуражом, овсом и едой в изобилии».

Рауль обещается исполнить ее просьбу, и монахини уходят. Он посылает в монастырь Бернье; последний встречается здесь со своей матерью, с которой давно не видался и которую нежно любит. Но за светлой сценой их свидания следуют сцены ужаса. Случилось, что жители Ориньи убили двух мароде-ров, принадлежавших к войску Рауля. Этого оказалось достаточно для Рауля, чтобы нарушить данное обещание. Подан знак к приступу, город взят, монастырь подожен и гибнет в пламени. Бернье видит свою мать, наполовину сгоревшую; ее псалтирь горит у нее на груди. Меч выпадает из руки Бернье, и сам он три раза припадает к шее своего коня. Одного Рауля не трогают ничьи бедствия; гордо, как будто исполнив свой священный долг, он возвращается в свою великолепную палатку. Рауль — тип барона, еще не тронутого, не облаго-рожденного рыцарством, тип барона X века. Трувер сохранил этот образ нетронутым, таким, каким выставила его первоначальная песня, на которую он ссылается несколько раз.

Вернувшись к себе, Рауль требует жареных павлинов, приправленных перцем лебедей, дичи. Сенешаль напоминает ему о том, что сегодня Великая пятница. Рауль отвечает на

это, что позабыл о посте, и отменяет заказанное пиршество. Но все же он играет в шахматы и пьет вино. Ему прислуживают несколько пажей. Они едва успевают наполнять вином его большой кубок. Напившись, Рауль ожесточается против своих врагов, клянется светлым вином, которое он пьет, своим мечом, лежащим около него на ковре, что он станет преследовать их до самого моря. Бернье начинает их защищать, опасаясь за участь своего отца. Происходит ссора, которая, несмотря на вмешательство двух баронов, кончается неприятностью. Рауль ломает о голову своего верного вассала древко копья. Кровь обгаряет горностаевый мех Бернье. К счастью, их разнимают. Вскоре Рауль спохватывается и, желая примириться с Бернье, предлагает ему удовлетворение. Но Бернье садится на коня, трубит в рог и, созвав своих людей, покидает Рауля. Он едет к своему отцу и уже вместе с ним после нескольких дней отдыха отправляется в Руа, сеньором которого был родной брат отца Бернье по имени Ведон. Тот, узнав от брата и племянника, в чем дело, созывает вассалов. Собирается десять тысяч рыцарей, которые направляются против Рауля, еще не покинувшего Ориньи. У Рауля столько же войска, сколько и у его врагов.

И вот войска выстроились для битвы. Бароны едут на конях таким сплоченным строем, что, если бы, по выражению песни, на их шлемы была брошена железная перчатка, она не упала бы на землю. Многие рыцари исповедуются друг другу в своих грехах и приобщаются тремя стебельками травы, поручая свои души Иисусу Христу. Бернье заранее проклинает трусов, которые обратятся в бегство, а трувер Бертоле обещает сложить про них песню. Перед битвой происходит бесконечный ряд поединков, сопровождающихся оскорбительной похвальбой. Искусство бьющихся направляется постоянно к одной и той же цели: каждый старается найти какой-нибудь недостаток своего противника, пробивает его щит, разрушает шлем, ломает носовую пластинку. Другие стремятся сбить с головы противника шлем и таким образом срубить ему голову. Иногда удар скользит, отрубает только часть щита, разрушает только часть панциря, отсекает кулак или ногу противника. Но вот наступает общая битва. И наконец трувер повествует о смерти Рауля.

Идет дождь; земля смочена водой и кровью; самые хорошие кони поскальзываются на ней. Рауль сталкивается лицом к лицу с Эрнестом Дуэ; это — его старый знакомый; когда-то, еще в бытность свою при дворе короля Людовика, Рауль убил обоих его сыновей. «Ты ли, — кричит ему Эрнест Дуэ, — тот Рауль де Камбрези, который убил моих детей и моего племянника?» — «Смотри, — отвечает ему Рауль, — я убью и тебя, если вздумаю найти удовольствие в этом!» Рауль ударом своего меча отрубает Эрнесту кисть левой руки. Не будучи в состоянии держать более щит, Эрнест обращается в бегство, погоняя своего коня. Рауль, пришпорив коня, мчится за ним. Напрасно убегая от своего противника, Эрнест умоляет его о пощаде, напрасно пытаются освободить его друзья, поспешившие к нему на выручку. «Помилосердствуй! — кричит Эрнест. — Я молод и не хочу еще умирать. Я сделаюсь монахом, а свои владения отдам тебе». — «Ты умрешь, — возражает ему Рауль. — Ни Бог, ни все его святые не могут спасти тебя».

Слыша богохульство Рауля, Эрнест чувствует, как в его груди зажигается надежда. К нему возвращается и улетевшее было мужество. Как будто для оправдания его надежды является к нему на помощь Бернье. Он все еще не хочет биться со своим прежним сеньором и старается успокоить его словами мира. Но слова мира существуют не для Рауля. Он приходит в ярость, называет Бернье оскорбительным именем и, кинувшись на него, наносит ему такой страшный удар, который покончил бы его жизнь, если бы Бог не вступился за правую сторону. Нанося в свою очередь удар своему противнику, Бернье разбивает его сверкающий шлем, прорезывает панцирь и «вонзает свой меч до самого мозга». Рауль склоняет голову, пытается выпрямиться, хочет еще нанести удар своему врагу, но меч выпадает из его бессильных рук на траву...

Обстоятельства сложились так, что Бернье убил своего бывшего сеньора. Единственным утешением для него представляется только поведение Рауля, который сам шел навстречу своей смерти, как он ни старался склонить его к примирению. «Ты сам хотел этого!» — приговаривает он. Вообще, личность Бернье очень симпатична; он представляет полную противоположность Раулю. Если Рауль, как мы сказали выше, представляет тип барона, еще не тронутого, не благо-

рожденного рыцарством, тип барона X века, то Бернье обнаруживает в своих действиях благородное влияние рыцарских понятий. Он до последней возможности не порывает связей со своим сеньором, только страшная смерть матери, боязнь за отца и незаслуженное оскорбление заставляют его покинуть своего господина. При встрече со своим бывшим сеньором он не прочь восстановить былые отношения и горячо плачет, когда роковые обстоятельства делают его убийцей человека, которому он так верно, так беззаветно служил.

Эрнест Дуэ представляет опять другой тип, не похожий ни на Рауля, ни на Бернье. Он может поддаться чувству робости, он в состоянии унизиться перед своим смертельным врагом, он не прочь поглумиться над ним, когда этот враг сделается навсегда безвредным. В нем нет того благородства, которое мы находим у Бернье. Последний оплакивает своего бывшего сеньора, от которого он так много вытерпел, а Эрнест мстит уже мертвому Раулю и вонзает в него свой меч. Рауля хоронят с большим торжеством в Камбре, в монастыре Сент-Герри. Его возлюбленная, Гельвиса, горько плачет над его могилой и дает Богу обет постричься в монахини.

Но поэма еще продолжается. Против Бернье, который выступает теперь на первый план, вооружились мстители за смерть Рауля. То Готле, племянник Рауля, и все тот же Герри. Услышав о возобновлении раздора, король Людовик вмешивается в феодальную войну, но решительно все бароны объединяются против него. И что это за бароны? На королевских пирах они бьются друг с другом на ножах и бросают друг другу в голову кости и куски баранины. В этом месте поэмы опять проступает ее древнейшая часть, опять проявляются нравы X века.

Два раза пытался Готле покорить Бернье, и оба раза попытки его были неудачны. Бернье стремится примириться с родными убитого им Рауля. Он кидается к ногам матери убитого и вымаливает у нее прощение. Все как будто идет к миру, все как будто улаживается. Бернье женится на дочери Герри Беатрисе, которая сама предлагает ему себя в жены, восхваляя свои достоинства. Но Бернье не может успокоиться. Его мучит раскаяние. Примирившись с Герри, он отправляется вместе с ним в паломничество. Томимая тя-

гостным предчувствием, Беатриса стремится удержать своего мужа, но все ее доводы разбиваются о его решимость. Само паломничество прошло благополучно, но несчастье разразилось над бедной головой Бернье на обратном пути. Странникам пришлось проезжать мимо места, где погиб Рауль. Здесь Герри отвязал стремя и ударил им зятя по голове, раздробив ему череп; так он отомстил за смерть Рауля. Бернье умирает как истинный рыцарь, исповедуясь в грехах и прощая своему убийце. Сыновья Бернье идут войной против Герри. С последним соединяется племянник Рауля Готле. Начинается новая феодальная война. Готле убит, а Герри пропал без вести: ходит слух, что он постригся в монахи.

Таково в общих чертах содержание поэмы о Рауле де Камбре. Живыми образами, яркими красками она рисует нам эпоху феодальных войн. Ее образы озарены заревом пожаров, запятнаны человеческой кровью... Как из семени, упавшего с полевого цветка, рождается с наступлением нового лета новый цветок, который, в свою очередь, роняет в землю плодотворное семя, так и здесь — одна война, заканчиваясь, кидает семя нового раздора, а этот раздор, умирая, дает жизнотворное начало новой борьбе... Но среди этих искаженных злобой, грозящих друг другу, проклиняющих и богохульничающих образов изредка проносятся и светлые призраки, слышатся речи мира и любви, раздаются слова молитв.

Как должны были волновать певцы своих слушателей! Содержание этих песен было так понятно, так близко тем, кто им внимал! Вот почему труверы и жонглеры были желанными гостями в холодных залах феодального замка, вот почему, несмотря на неукротимый, не умевший себя сдерживать нрав обитателей этих замков, певцы в конце концов увлекали их своими песнями. Изобразим здесь (со слов одного французского исследователя) один из таких эпических сеансов. Большой частью сеансы эти падали на большие праздники — на Рождество, на Пасху, на Троицу. Происходили они и в такие дни, когда какой-нибудь особенный, торжественный случай шевелил и наполнял весельем обитателей замков или городов. Вот показался у подъемного моста трувер со своими жонглерами. Шумно опустился подъемный мост перед ними, ворота принимают их под свои своды, оруженосцы приводят

дорогих гостей к своему господину. И господин, и его домо-чадцы, и его гости горячо интересуются вопросом, какие песни принес с собой певец, все равно, трувер он или жонглер. У певца — богатый репертуар. Он объявляет и расхваливает его, наигрывая ту или другую прелюдию, а потом выбирает для пения те номера, на которые указывает ему вкус присутствующих. Важный вопрос решен, и все расходятся по своим углам в ожидании желанной поры. Пришло время, обед уже окончен, по рукам пошли ходить кубки с глентвейном или медом. Слушатели все налицо. Вводят певца. Он становится в позу, упирает в грудь свою неразлучную подругу — виолу — и призывает всех присутствующих к молчанию. Эта задача не всегда бывает легкой; сегодня ему приходится вести настоящую войну, просить и обещать, звать к силам и рая, и ада. Но вот все смолкло, и по зале разносится, замирает под ее сводами один только звонкий голос певца. Он поет на память и аккомпанирует, но за ним расположился сегодня целый оркестр. Среди других инструментов, нам известных, в оркестре действует и монокорд со своей единственной струной. Оркестр или подыгрывает певцу, или играет, чтобы дать ему небольшой отдых. Видя воздействие своей песни, певец зывает к щедрости своих слушателей. Сегодня дары сыплются на него дождем; один дарит ему свою шубу, другой — плащ или шляпу, владелец замка вручает ему деньги, да подарит в придачу и лошадь. Певца уже нет, уже дни прошли после его отъезда, а в ушах замковых обитателей все еще звучит его мелодия, все еще слышатся им слова его песни.

Кроме «Песни о Роланде», изложению которой мы посвятим отдельный очерк, и пересказанной поэмы о Рауле де Камбре, достойны упоминания следующие произведения, относящиеся к французскому циклу: *Chansons des Loherains* («Лотарингские жесты»), *Aimery de Narbonne* («Эмери Нарбоннский»), *Girart de Roussillon* («Жерар Руссильонский»).

Первая из них представляет собой трилогию, в состав которой входят следующие поэмы: *Garin de Loherain* («Гарен де Лорайн»), *Girbert* («Гирберт») и *Anseis* («Ансеис»). Здесь, как и в «Рауле де Камбре», представлена междоусобная вражда двух крупных феодальных фамилий. В «Гарене» есть характерный эпизод, относящийся к обряду посвящения в рыцар-

ство. Если не смотреть на этот эпизод как на грубую карикатуру, к чему мы, однако, склоняемся скорее, то придется признать, что удары при посвящении в рыцарство могли быть очень чувствительными. Простолюдина Риго посвящают в рыцари и наносят ему требуемый обычаем удар, но удар этот был так силен, что едва не сшиб Риго с ног. Риго так рассердился на это, что схватил свой меч и хотел поразить им барона, посвящавшего его в рыцари. «Что ты делаешь, сумасшедший, — говорят ему. — Ведь это такой обычай!» — «Черт бы побрал обычай и того, кто его выдумал!» — отвечал простолюдин, не воспитанный в правилах куртуазии.

Поэма «Эмери Нарбоннский» открывается прелестной сценой. Карл Великий возвращается из Испании уже после Ронсевальской битвы. Он печален; он вспоминает о тех героях, которые погибли в ней. Вдруг он видит прекрасный город, на стенах которого возвышается двадцать крепких башен. Город расположен вблизи моря между двумя горами. Это — Нарбонна. Она так понравилась Карлу, что он желает непременно овладеть ею прежде, чем вернется в Ахен. Напрасно возражает ему один из почтеннейших и старейших его сотрудников: «Нарбонна непобедима, а люди ваши так устали, что трое мужчин не стоят одной женщины. Что до меня, то я предпочел бы быть теперь в моем Баварском королевстве». Карл стоит на своем, вызывает охотников, но не находит их. Тогда он с горечью вспоминает о Роланде, Оливье и других героях, павших в Ронсевальской битве. «Прекрасный племянник! — восклицает он. — Да смилуется Господь над твоей душой! Если бы ты был еще жив, ты взял бы Нарбонну. Погибли все мои верные друзья. Но клянусь Тем, кто родился от Девы, я не покину этой страны, пока будут владеть ею язычники! Ступайте, господа бароны! Я останусь один, и, когда по возвращении вашем во Францию у вас спросят, где же король Карл, вы ответьте, что оставили его осаждать Нарбонну». Упреки подействовали, герой нашелся. Этот герой и есть Эмери, в честь которого сложена поэма. «Эмери, — говорит Карл, — я даю тебе Нарбонну, бери ее... Но ведь ты был среди моих врагов, когда я воевал с твоим дядей?» — «Да, — отвечает Эмери, — тогда я жестоко ненавидел тебя, но с Божьей помощью я овладею Нарбонной». И герой поэмы исполнил свое

обещание. Основой этой поэмы послужило, вероятно, неизвестное нам историческое событие: дело в том, что в IX веке Нарбонна несколько раз попадала в руки сарацин.

Поэма «Жерар Руссильонский» интересна в том отношении, что дошла до нашего времени в двух видах — на старофранцузском языке и на провансальском наречии. В этой поэме излагаются подвиги и приключения Жерара Руссильонского. Его жена Берта, покорная суровой судьбе, разделяет все невзгоды своего побежденного, разоренного и всеми проклинаемого мужа. Она представляет собой идеал супруги-христианки.

Поэмы бретонского цикла имеют свой собственный отпечаток: в них сильно развит элемент волшебства и всяких чудес; они проникнуты стремлением к чему-то далекому и таинственному; воображение их авторов не признает никаких границ; мир действительный и сверхъестественный взаимно проникают друг в друга, и взор человека не может схватить той линии, которая их разграничивает. Зародилась эта мистическая поэзия в виду океана, в местностях, прилегающих к нему, где неуловимая и постоянно изменяющаяся черта отделяет сушу от бесконечных водных масс, где туманная линия горизонта скорее сближает, чем разделяет эти водные массы и воздушные сферы. В области поэтического мира есть та же неопределенность и неуловимость границ между царством неорганическим и органическим, между царством животного и царством человека, между царством человека и миром сверхъестественных существ и явлений. Ввиду особого значения поэм бретонского цикла, которые, как мы уже сказали раньше, носят специальное название романов, мы посвящаем им более подробную характеристику в отдельном очерке (см. «Романы Круглого стола»).

Третья большая группа средневековых поэм входит в состав цикла Рима, или античного цикла. Произведения этого цикла не могут возбуждать такого интереса в читателе, как *chansons de geste* и романы Круглого стола, но они имеют известное значение в культурно-историческом отношении. Их любили в Средние века, на них существовал спрос не только во Франции, но и в других странах Западной Европы. В этом стремлении к античному миру как бы сказалось смутное со-

знание своего духовного родства с ним, своей зависимости от него, той зависимости, которая естественно связывает последующие поколения с их предшественниками. Никакие рвы и валы, никакие зубчатые стены не разделяют мира античного и мира нового: граница между ними ускользает от нас. Античный мир одними своими частями отошел в вечность, другими возродился, как феникс из пламени, к новой жизни. В изобилии цитат из античных авторов, в изобилии ссылок на них и на преданья классической поры, которое мы встречаем в произведениях средневековых авторов, следует видеть не столько желание шегольнуть своей ученостью, сколько смутное сознание, связывавшее с античным миром национальное возникновение европейских народностей и их государств.

Как у средневековых летописцев, так и у поэтов, в странных на первый взгляд сближениях, которые они делали между современным им обществом и обществом древнего мира, сказалось смутное сознание родства индоевропейских народов. Цезарь являлся в глазах средневекового человека римским Карлом Великим, Александр — греческим. Оба они, преобразившись в предтечу франкского героя, бродили, как и он, по свету в сопровождении своих двенадцати пэров, ведя борьбу с сарацинами. Черпая из источника древности, трувер не выходил за пределы современных традиций. В XII веке почти все европейские нации отыскивали своих предков среди древних греков, троянцев или римлян.

Особенно из тех, кто слагал поэмы античного цикла, прославился Бенуа де Сент-Мор³⁵ (Benoît de Sainte-Maure), трувер XII века. Он написал роман о Трое («Roman de Troie») и, вероятно, роман об Энее («Roman d'Eneas»). Вся эта поэма построена по образцу «Илиады», но обнимает более обширный период времени: вначале кратко сообщается история аргонавтов, а последние 2680 стихов посвящены описанию тех возвращений из Трои греческих предводителей, которые были воспеты кикликами³⁶. Троя Бенуа Сент-Мора опоясана зубчатыми стенами с башнями и «щетинится» колокольнями; над ней господствует главная городская. Одним словом, она изображается обычным средневековым городом. Царь Приам — сюзеренный король наподобие средневековых королей в Западной Европе. Он созывает по большим праздни-

кам своих баронов и держит парламент в главной городской башне. Жрец Калхас изображен средневековым епископом, в ведении которого находится множество богатых аббатств. Послушные ему жители Трои постыятся, чтобы почтить души павших в битве воинов. Когда между неприятелями устанавливается перемирие и появляется необходимость скрепить его прочной клятвой, на поле битвы, на место, расположенное между обоими лагерями, приносятся мощи и различные реликвии.

Герои — самые заурядные бароны, высокие, толстые, прожорливые, жестокие, большие бахвалы и любят плутовать в игре. Таковы они в своей компании, но перед дамами обнаруживают большую галантность. У каждого из них есть своя дама сердца. Курьезнее всего то, что поэтом изменены роли Гектора и Ахилла: непобедимый Ахилл, бичуемый самыми суровыми эпитетами, почти повсюду побеждается троянским героем. Французские исследователи указывают на это только как на путаницу. Но мы позволим себе высказать несколько иное мнение. Нам кажется, что здесь мы имеем дело не с путаницей, а с намеренным, тенденциозным искажением древности для удовлетворения национального самолюбия. Ведь франки, по мысли автора, — те же троянцы; мыслимо ли, чтобы их побеждали греки? Не забудьте при этом, как относились тогда к Византии, к современным грекам: лучшим выражением этого отношения служит завоевание Византии крестоносцами в начале XIII века. С предлагаемой нами точки зрения становится совершенно понятным и то превращение, которое совершил трувер с Парисом. Припомним слова, с которыми Гектор обращается в «Илиаде» к своему брату Парису:

Горе-Парис, женолюбец, прекрасным лицом обольстителю!
Лучше бы ты не родился на свет и погиб, не женившись!
Так бы хотел я, и так несомненно полезнее было б,
Чем оставаться позором, всему ненавистным народу.
Верно, ахейцы прекрасноволосые громко смеются.
Храбрым бойцом показался ты им, оттого, что прекрасен
Вид у тебя, — но в душе твоей крепости нет и отваги...*

* Илиада, песнь III, перевод Н. М. Минского.

У нашего же трувера Парис превращается в доблестного и бесстрашного. В той же поэме герои разъезжают на арагонских и арабских конях. Одним словом, и эти поэмы, как *chansons de geste*, могут считаться зеркалом, в котором отразилась феодальная Европа. Прибавьте к этому еще одну особенность, характеризующую поэмы труверов на античные темы: эти поэмы подверглись сильному влиянию романов Круглого стола с их чародеями, феями и чудесами всякого рода.

Античные герои, преломившись сквозь призму труверов, превратились в феодальных баронов, но и с античными дамами произошло то же самое. Они терзаются любовью, как терзались ею средневековые дамы. Дидона в поэме об Энее не находит успокоения и под покровом ночи, и на своей постели: она переворачивается с боку на бок, вздыхает, мечется, зевает, обнимает свое покрывало, покрывает тысячью поцелуев свою подушку и все это делает из любви к своему рыцарю. Лавиния, находящаяся в городе, который осажден Энеем, пускает с высоты башни стрелу с письмом, адресованным прекрасному предводителю врагов. И Эней, и Лавиния в самом разгаре приступа делают друг другу глазки, посылают воздушные поцелуи, при этом интересно представить себе, что Эней стоит во рву, а Лавиния смотрит на битву с башни.

В поэме о Фивах («*Roman de Thebes*»), написанной под влиянием «Фиваиды» Стация³⁷, неизвестный трувер XII века говорит о мессах, псалтирях, духовных лицах и процессиях; здесь герои не только постятся, но даже носят власяницу.

Все поэмы этого типа страдают растянутостью и способны нагнать скуку; в них нет и искры того жара, которым пылают *chansons de geste*. Лишь одна из поэм античного цикла составляет в этом отношении исключение — поэма «Александр» («*Roman d'Alexandre*»), написанная двумя труверами XII века Ламбером ле Куртом и его продолжателем Александром де Берне.

Личность Александра была во вкусе феодального общества. Он подходил, с его точки зрения, под тип странствующего рыцаря. Он храбр, благороден, щедр; странствуя по различным землям, он покоряет их; всюду он впереди всех и один вбегает в осаждаемый им город; ему как будто было не чуждо и средневековое служение дамам — в угоду одной из них он сжигает

целый город. К принцессам, которые попались к нему в плен, он относится с рыцарским благородством, и враждебный ему царь не может не благодарить его. В личности Александра было так много привлекательного, его похождения были так заманчивы, что легенда сразу же овладела им и стала причудливо обвиваться вокруг него. Цветы легенды бросаются в глаза уже у историков Александра, Арриана³⁸ и Квинта Курция³⁹, пышно расцветают они в биографии Александра, написанной Плутархом. Все легенды об Александре были старательно собираемы византийскими хронистами и персидскими поэтами. Появлялись специальные сочинения о путешествиях Александра. Из Византии все эти легенды проникли в книгохранилища и школы Западной Европы. Если укажем еще на поэму «Александриду», написанную в XII веке латинскими стихами Готье Шатильоном, каноником города Турне, перед нами сгруппируются главнейшие источники, из которых почерпали материал для своих песен труверы.

В поэме об Александре описываются, как и у Плутарха, те предсказания, которые указывали на рождение Александра Великого. Затем следует подробное описание его воспитания и обучения: он изучает еврейский, греческий, латинский, халдейский языки, право, геометрию, физику и астрономию, одним словом — *trivium* и *quadrivium*⁴⁰ средневековых школ с присоединением восточных языков, которые обратили на себя внимание со времен Крестовых походов. Его красавица мать владеет замком и, как феодальная дама, любит пение, аккорды виолы и симфонию. Александр обучается куртуазии, танцам, игре на арфе и лире, поет баллады. Достигнув надлежащего возраста, он, совершенно как средневековый барон, посвящается в рыцари и вступает таким образом в настоящую жизнь. Аристотель советует ему избрать себе двенадцать пэров, которые могли бы предводительствовать частями его войска и делить с ним невзгоды и славу военных предприятий. Совет Аристотеля исполнен, и Александр начинает совершать военные подвиги, ставшие для него жизненной потребностью. Совершив свое первое завоевание, Александр распределяет между баронами покоренную землю, отдавая им ее участки в ленное владение. Когда они подошли к Тиру, то были изумлены, не исключая и самого

Александра, многочисленностью неприятельских рыцарей, покрывавших его стены. Но греки, ведь это были исключительно греки, предводительствуемые пэрами Александра, не устрашились их. Прежде чем брать город приступом, Александр потребовал от его защитников добровольной сдачи. «Если вы, — заявил он, — не сдадите мне его до солнечного заката, я сожгу вас пламенным огнем».

Конец поэмы представляет сплошную сеть легенд; они вьются и переплетаются между собой, как лианы тропических лесов. Преследуя бегущего от него царя персов, Александр вступает в какую-то волшебную, таинственную область: тут и различные чудовища, и сирены, и пророчествующие деревья, и говорящие птицы, и силы магии во всех ее проявлениях. Он попадает, например, в такую страну, где женщины зарываются на зиму в землю, чтобы снова появиться на ее поверхности, как белые цветы, в обновленной красе при возрождении лета.

Все эти чудесные подробности о далеких странах таинственного Востока приобрели со времени Крестовых походов особенный, так сказать, современный интерес. И немудрено: совершалось великое дело, завязывался союз между Западом и Азией, зарождались великие результаты на пользу человеческой культуры.

Умирая в Вавилоне, Александр успел вопреки указаниям истории разделить мир между своими полководцами. Завещая им свои завоевания (а на западе, по рассказу трувера, в их область вошла и Италия), Александр наказывает своим паладинам завоевать еще Францию с ее столицей, Парижем. Завоевать ее, конечно, нелегко: она — царица мира; никакой народ не может сравниться силами с тем народом, который ее населяет. Покорив Францию, уже не так трудно будет завоевать Нормандию, Шотландию и Ирландию. Сделав завещание, герой уже не в силах более сказать ни слова: его глаза смежаются, и святые небожители уносят его душу. Бароны Александра так сильно выражают свою печаль по поводу его кончины, что, если бы загрохотало небо громовыми ударами, их не было бы слышно.

Поэма заканчивается следующими словами: «Король, желающий управлять своим королевством по справедливости, и герцоги, и графы, имеющие в своем обладании земли, все

они должны прослушать поэму о жизни Александра. Если бы он был христианином, не было бы столь хорошего государя, как он. Не бывало короля более отважного и более искусного в речи. С тех пор, как он умер, еще не видали такого человека, который был бы равен ему. Довольно с вас этого, хотя можно было бы долго рассказывать; я не скажу об этом более ничего, так как мой сюжет подходит к концу».

Таковы в общих чертах содержание и характер поэзии труверов, их эпических произведений. Что касается их лирики, мы не станем останавливаться здесь на ее рассмотрении после того, как подробно ознакомились с лирикой французского юга. Объектом лирических песен является, конечно, женщина.

Прекрасная женщина, выводимая труверами в песнях любви, изображается преимущественно в следующих положениях: она или сидит за пряжей в своей комнате, или читает у раскрытого окна и мечтает о своем друге, или стоит под зеленой оливой на зеленой траве или в саду у маленького источника; порой ее белокурая головка выглядывает из-за каменного зубца стены. Если головка эта чересчур своенравна и упряма, ей живется нелегко: отцы не только били своих дочерей, но и запирали их в замковые башни.

Кроме песен любви, труверы слагали и пасторали, и сирвенты, и произведения других видов, так пышно развернувшихся в Южной Франции. Юг Франции оказал сильное влияние на эту сторону поэтической деятельности труверов, чтобы там ни говорили некоторые из французских исследователей об ее оригинальности.

Труверы — эпика по преимуществу; от самой их лирики отдает эпосом. Средневековый рыцарский эпос был верным отражением тогдашней жизни во всех ее проявлениях: она его породила, она и питала его. Но средневековая жизнь, теряя под собой устои, все более и более видоизменялась, пока не переродилась, наконец, в нечто совсем новое. На первый план выдвинулись новые идеи, нравы, чувствования, и это повело поэзию труверов к закату. Новое время потребовало новых песен. К сочинениям труверов сначала относились просто холодно, потом стали смеяться над ними, как смеются молоденькие модницы над обветшалыми костюмами прабабушек. Увы, это явление и грустное, и неизбежное.

«Песнь о Роланде»

Лучшей из всех *chansons de geste* считается «Песнь о Роланде» («*La Chanson de Roland*»). Главное ее отличие от других *chansons de geste* заключается в замечательной для времени ее возникновения последовательности изложения и стройности стиля. Она состоит из 4002 стихов, которые группируются в пять частей. В первой части рассказывается о посольстве сарацинского короля Марсилия к Карлу Великому и об измене Ганелона. Вторая часть поэмы изображает Карла Великого, поверившего Марсилию и Ганелону и покидающего Испанию со своим войском, арьергард которого великий государь поручил своему племяннику Роланду. Третья часть поэмы лучшая из всех: здесь перед нами разворачивается битва Роланда с сарацинами, изменнически напавшими на него, и его геройская защита. Четвертая часть поэмы воспевает месть Карла Великого сарацинам. Наконец, в заключительной части поэт изображает суд над Ганелоном и постигшую его кару. Поэма возникла в XI веке, но та редакция, в которой она дошла до нашего времени, не есть первоначальная. В основе этой знаменитой поэмы лежит незначительный исторический факт. Он передан следующим образом Эйнхардом⁴¹ в его биографии Карла Великого:

«Между тем как государь непрерывно, почти без всякой остановки, воевал с саксами, он отправился, предварительно покрыв укреплениями некоторые занятые места границы, с большим войском за Пиренейские горы, в Испанию. Здесь подчинились ему все города и бурги, на которые он напал, и он возвращался со своим войском домой, не испытав ни малейшего урона.

Только при своем возвращении домой потерпел он от неверности басков, уже в Пиренейских горах. Когда его войско проходило, сильно растянувшись, так как этого требовала теснота места, то баски, находившиеся в засаде на высокой горе, сделали нападение на последнюю часть обоза и всего арьергарда. Вся же эта местность очень удобна для засад по причине многих дремучих лесов, растущих в этой стране. Баски сбросили в долину и обоз, и арьергард, истребили в последовавшей затем битве всех до единого человека, разграбили всю поклажу и рассеялись во все стороны с величайшей поспешностью под защитой наступающей ночи. В этом сражении баскам помогли и легкость их вооружения, и само место битвы; франкам, напротив того, были неудобны во всех отношениях, по сравнению с басками, и тяжесть оружия, и неблагоприятное местоположение. В этой битве пали Эггигард, стольник государя, пфальцграф Ангельм и начальник бретонского маркграфства Хруодланд, а также многие другие. И это несчастье не могло быть отомщено сейчас же, так как неприятель, нанеся свой удар, рассеялся так, что не осталось ни малейшего следа, по которому можно было бы его отыскать».

Произошло это несчастье 15 августа 778 года. Хруодланд, упоминаемый Эйнхардом, и есть знаменитый Роланд, герой эпической поэзии. О том же событии рассказывается под 778 годом и в летописи, приписываемой Эйнхарду без всякого, впрочем, солидного основания. Назвав некоторых сарацинских послов, явившихся в Падерборн для изъявления покорности Карлу Великому, неизвестный летописец повествует о его походе в Испанию, отмечает завоевание Пампелуны, города наваррцев, переправу через Ибер (Эбро) и стоянку перед лучшим городом страны Сарагосой, где Карл получил заложников. Отметив полное разрушение Пампелу-

ны на обратном пути, летописец описывает несчастье франков: «Теперь они вошли в Пиренейские горы; на их высотах держались в засаде баски; они напали на задний отряд войска и привели все войско в большое замешательство. Хотя франки далеко превосходили их в отношении своего вооружения и храбрости, но были разбиты вследствие неблагоприятного местоположения и неодинакового способа борьбы. В этой битве были убиты многие из приближенных Карла, поставленные им во главе войска, расхищена вся поклажа, а неприятель немедленно рассеялся в разные стороны благодаря своему знакомству с местностью. Эта рана омрачила в сердце Карла то счастье, которое сопровождало его в походе на Испанию».

Таким образом, в летописи не упоминается и само имя Роланда. Вообще, историческое упоминание Роланда ограничивается только указанным местом в биографии Эйнхарда. Роланд принадлежит всецело поэзии.

Событие, послужившее поводом к возникновению поэмы, совершилось в последней четверти VIII века, а «Песнь о Роланде», как мы уже говорили, сложилась в XI веке. Между событием и *chanson de geste*, к нему относящейся, протекло целых три столетия. Эти три столетия и были веками, в которые слагался материал для поэмы, слагались, может быть, и части ее. «Поэма о Роланде стоит в конце продолжительного поэтического развития, большею частью для нас утраченного, но отчасти восстановимого из самой поэмы, из ее образов и мотивов, ее стилистических особенностей и своеобразных повторений. Все это дышит архаизмом народной поэзии и нередко утомляет своим однообразием; но есть эпизоды, где повторения сжаты так искусно, так настойчиво поддерживают настроение либо впечатление известного момента, что невольно заставляют думать о личности поэта, слагателя, сознательно их расположившем в художественное целое. Тот же вопрос поднимает и композиция поэмы: за исключением одного эпизода, может быть внесенного в нее позднее, она отличается замечательной целостностью плана; объяснить ли ее цельностью предания, или в этом случае прошла рука художника? Вопрос в историко-литературном отношении не лишний, ибо он касается вообще отношений личности поэ-

та к тем областям поэтического творчества, где этот личный момент не виден или неопределим. В эстетическом отношении этот вопрос безразличен; цельное впечатление, которое производит собор Св. Марка на меня, не археолога, вовсе не обусловлен моими сведениями, сколько и каких стилей в нем накопилось»*. Во всяком случае, и до сих пор остается открытым вопрос о том, был ли Терульд или Турольд⁴² автором «Песни о Роланде» или только ее переписчиком? Вероятнее последнее: ее автор в таком случае нам неизвестен.

Очень понятно, что во время создания этой поэмы даже то немногое, что мы знаем о событии 778 года из исторической области, подверглось искажению. Баски Эйнхардовой биографии и летописи превратились в поэме в сарацин; само поражение франков, несмотря на красноречивое молчание об этом истории, стало представляться как последствие измены своего же франка (такой изменник и изображен в лице Ганелона); наконец, народное чувство жаждало возмездия, и оно не замедлило последовать за вероломством, как изображает поэма.

Почему народное воображение, а потом и творческая сила неизвестного трувера остановились на именно таком событии — и незначительном, и печальном, — сказать трудно. Только мы считаем уместным указать здесь на поэтический памятник нашей старины — «Слово о полку Игореве». При этом мы не можем не отметить одного различия, резко бросающегося в глаза. Французская поэма воспевает не только поражение, но и возмездие, а в «Слове о полку Игореве» нет и намека на последнее. Нам кажется, что факт этот не случайный, что в нем отразилась психология того и другого народа.

После этих общих замечаний, которые мы сделали, сознавая их безусловную необходимость, обратимся теперь к изложению одного из прекраснейших памятников древнефранцузской литературы, написанного, впрочем, на норманнском

* Веселовский Александр. Предисловие к переводу «Песни о Роланде» графа де ла Барта. (Александр Николаевич Веселовский (1838—1906) — историк литературы, профессор Петербургского университета (с 1870), академик (с 1877). — *Прим. ред.*)

наречии*. Уже семь лет воюет в Испании «король Карл, наш великий император». Он покорил всю горную страну до самого моря. Перед ним не устояли ни замки, ни городские стены. Не сдается ему только одна Сарагоса, которой владеет царь Марсилиий. Этот царь не любит Бога, но служит Магомету и Аполлону. Марсилиий боится Карла и хочет предотвратить неминуемую беду. По совету одного из своих витязей, Бланкандрина, он снарядил посольство, которое должно было примирить Карла с Марсилием и побудить первого покинуть Испанию ложным обещанием покорности и таким же заявлением о готовности как самого Марсилия, так и многих его «баронов» принять в Ахене христианскую веру. Вместе с тем послам было поручено вручить Карлу ценные подарки.

Велел Марсилиий десять белых мулов
 К себе немедля вывести: в подарок
 Их дал ему Сицилии король.
 На них уздечки были золотые,
 А седла все литого серебра.
 На них послы Марсилия воссели,
 В руках они держали ветвь оливы...
 Приехали. Они обманут Карла**.

Карл принял сарацинских послов в большом саду, в котором находился вместе со своими баронами. Перечислив нескольких выдающихся сподвижников Карла, поэма продолжает:

Баронов Карла всех пятнадцать тысяч.
 Сидят на белых шелковых коврах,

* «Песнь о Роланде» долго оставалась в забвении и была открыта только в 1836 году в Оксфорде Франциском Мишелем. Кроме двух русских переводов — поэта Алмазова и графа де ла Барта — мы пользуемся в своем изложении и самим оригиналом в издании Франциска Мишеля (Paris, 1869). (Французский медиевист Франциск-Ксавье Мишель (1809—1887) наткнулся на рукопись «Песни о Роланде», разбирая старинные манускрипты, хранившиеся в библиотеке Оксфордского университета. Первое издание под его редакцией вышло в Париже в 1837 году. — *Прим ред.*)

** Перевод де ла Барта. (Далее, если не оговорено особо, отрывки «Песни о Роланде» даны в переводе Ф. де ла Барта. — *Прим. ред.*)

Играют в кости; те же, кто постарше
И кто умней, те в шахматы играют.
Вдали проворных юношей толпы
Увлечены потехой богатырской...
Под сенью ели, где цветет шиповник,
Сидит на троне золота литого
Прекрасной нашей Франции король.
Волной седые кудри ниспадают,
А борода его белее снега.
Прекрасен Карл, горда его осанка:
Узнали сразу франков властелина
Послы испанцев, спешились они,
Любовно все приветствовали Карла.

Карл выслушал льстивую речь Бланкандрина, главного Марсилиева посла, но не хотел решать дело без совета со своими баронами. На созванном им совете вопрос обсуждается совершенно свободно: очевидно, что присутствие Карла несколько не стесняло баронов. Роланд даже горячо возражает Карлу, советуя не полагаться на клятвы и уверения сарацин, но продолжать с ними войну и взять Сарагосу. Против Роланда выступает Ганелон: он объявляет Роланда безумцем и говорит, что его речь внушена одним только тщеславием. По мнению Ганелона, нужно пойти навстречу предложениям Марсилия и, воспользовавшись счастливым случаем, прекратить долгую войну. Его сторону держит и «седой Немон Баварский», который полагает, что следует примириться с Марсилием и взять с него заложников в обеспечение его обещаний. Это мнение одерживает верх. Но, как помнит читатель, *chanson de geste* ранее уже предупредила об исходе Марсилиева посольства. («Приехали. Они обманут Карла.») Послом к Марсилию избрали Ганелона. Посольство это было небезопасно: по крайней мере, прежние послы, отправленные к Марсилию, лишились жизни. Ганелону оно не по сердцу: ему жаль своего сына, «красавца Балдуина», он думает, что не воротится от Марсилия живым. Виною того, что послом выбрали именно его, он считает Роланда и тут же при всех высказывает свою ненависть к нему. Когда, по обычаю того времени, государь вручил послу перчатку, случилось происшествие, которое — по тогдашним понятиям — не сулило ничего доброго: Ганелон перчатку уронил.

Вскоре после этого он отправился в путь. Нагнав по дороге послов Марсилия, он вступил в беседу с Бланкандрином и представил Роланда главным виновником тех войн, которые вел Карл Великий, после чего они оба поклялись погубить Роланда. Прибыв к Марсилию, Ганелон говорит ему:

Храни тебя Преславный Царь Небесный,
 Кому всегда молиться мы должны!
 Мой властелин велел тебе поведать,
 Что должен ты принять закон Христа —
 Тогда тебе как ленное владенье,
 Он даст земли испанской половину,
 Но если ты ослушаться посмеешь,
 Тебя в цепях отправят в стольный Ахен
 И предадут позорной казни там!

Марсилий был так возмущен дерзкой речью посланника, что чуть не убил его. Дело кончилось, впрочем, совершенно благополучно для Ганелона. Он изменяет своим и получает за это богатые подарки от Марсилия. Ганелон советует Марсилию обмануть Карла: послать ему подарки и выдать двадцать заложников; тогда Карл поверит и уйдет восвояси, оставив в арьергарде Роланда и его друга Оливье, и можно будет напасть на них в ущелье и легко погубить как их, так и арьергард. Изменник дает торжественное обещание исполнить свой умысел и приносит роковую клятву на мошгах, скрытых в рукоятке его меча. Марсилий со своей стороны клянется на Коране в том, что вышлет в бой всю свою дружину в том случае, если встретит Роланда. После этого Ганелон принимает подарки от двух «язычников»: один дарит ему свой дорогой меч, другой преподносит шлем. Оба сарацина просят Ганелона, чтобы он помог им найти Роланда и унижить его.

Пришла туда царица Брамимонда.
 «Мне мил ты, граф, прекрасный Ганелон,
 Мой властелин и все его бароны
 Тебя и чтут, и любят; от меня
 Жене своей свежи запястья эти:
 Ничто пред ними все богатства Рима,
 И нет таких у Карла твоего;
 Чистейшее здесь золото, аметисты

И чудные рубины, и топазы!»
Граф Ганелон их спрятал в свой сапог.

Марсилий велел приготовить в подарок Карлу семьсот верблюдов, нагруженных золотом и серебром, и выбрал двадцать знатнейших юношей для посылки их к Карлу в качестве заложников. Кроме подарков и заложников Ганелон должен вручить государю и ключи от Сарагосы. Самому Ганелону Марсилий сулит груды золота, обещает и впредь щедро одаривать его, если только он устроит, как обещал, встречу сарацин с Роландом в горном ущелье.

Явившись к Карлу, Ганелон отлично разыграл условленную роль и даже получил от него благодарность. Ему удалось также добиться того, что Карл поручил Роланду арьергард своего войска, хотя великого государя и волновало при этом грустное предчувствие и пугали зловещие сны. Оставив Роланда и других славных рыцарей во главе арьергарда, сам он поехал вперед — к прекрасной Франции. Он печален, он даже рыдает. Уныние Карла передается и всем его спутникам: все чуют какую-то беду, все трепещут за своего любимого героя — Роланда.

Между тем сарацинские витязи выражают своему повелителю страстное желание отправиться в Ронсевальское ущелье и погубить там ненавистного Роланда. Большие силы стягиваются к злополучному ущелью, и скоро звуки рогов оповещают франкский арьергард о том, что к ним приближается враг. Товарищ Роланда, Оливье, говорит ему:

— Сдается мне, что ныне с сарацином
Жестокий бой французам предстоит.

Отважный Роланд отвечает ему на это:

— Ну что же, слава Богу!
За короля должны мы храбро биться:
Обязан каждый витязь за сеньора
Терпеть лишения, раны, холод, зной,
Жалеть не должен кровь свою и тело!
Товарищи! Сплеча рубите мавров,
Чтоб песнь о нас позорную сложить
Не мог никто. Всевышний не за мавров;

Ведь наше дело правое, святое,
Худой пример я не подам, друзья!

Роланд имеет самое возвышенное понятие об обязанностях вассала. Это понятие неразрывно связано в его душе с понятием о собственной чести. С этой точки зрения всякая сторонняя помощь в деле, которое он считает своей священной обязанностью, является не только излишней, но даже позорной. Когда его друг Оливье, также храбрый и славный рыцарь, взобравшись на высокий холм, увидел необозримые полчища врагов и стал просить Роланда, чтобы тот затрубил в рог и призвал таким способом на помощь Карла со всеми его силами, Роланд отвечал ему:

Безумцем буду я,
Покроюсь я во Франции позором!..
Не в рог трубить — мечом стальным я должен
Врагов разить, и кровию багряной
Покроется мой добрый Дюрандаль*
До золота тяжелой рукоятки!
Пришли себе на горе сарацины:
Ручаюсь вам, погибнуть все должны!..

Chanson de geste рисует яркими красками битву, изображает несколько подвигов Роланда, Оливье и других баронов и с грустью повествует о смерти доблестных рыцарей. «Чудесная, жаркая битва! Французы побивают в ней своих врагов и мужеством, и пылом, рубят кулаки, бока, спинные хребты. По зеленой траве льется струйками яркая кровь...» Видя, что французы наступают, Марсилий посылает в бой своих лучших бойцов, и его воины начинают теснить французов. Сердце Роланда сжимается от боли при виде этого зрелища. Оливье осыпает его горячими упреками за упрямство и безумную отвагу и объявляет его виновником общего несчастья. Архиепископ Турпин уговаривает друзей прекратить ссору и просит Роланда трубить в рог. Теперь, конечно, Карл уже не успеет помочь своим баронам, но все же он сможет отомстить за них и собрать с поля битвы их окровавленные трупы.

* Имя меча Роланда.

Приедут франки, с борзых скакунов
Сойдут они, кровавые останки
Они на поле битвы соберут,
Положат нас на спины вьючных мулов
И с плачем горьким плитами покроют
Останки наши в склепах монастырских,
Чтоб волки нас и псы не растерзали.

Роланд наконец трубит в рог. Могучие звуки разносятся по горам и долинам и долетают до Карла. Карл встрепетулся; он чутким сердцем понял значение этих звуков, он услышал в них крик отчаяния, но Ганелон, едущий рядом с ним, говорит, что звуки эти не заключают в себе ничего дурного: Роланд, конечно, забавляется охотой...

Трубит Роланд, трубит в свой звонкий рог,
Трубит Роланд, все силы напрягает,
Чтобы его услышал император;
Уж ноет грудь могучая от боли,
Давно уж кровь струится из гортани;
Он все трубит сильнее и сильнее;
На лбу его высоко поднялись
И кровию напружились все жилы;
Он все трубит, и кровь уже сочится
Из жил его и алыми струями
С чела его сбегает на ланиты...*

Но вот уже никто не сомневается в том, что Роланд просит о помощи, и Карл спешит на отчаянный его призыв. В то же время он успевает сделать распоряжение о задержании изменника.

Они схватили графа Ганелона
И выщипали бороду, усы,
Избили страшно палками, кнутами...
И на цепь был посажен Ганелон,
Как дикий зверь, цепями весь окручен.
Его на клячу жалкую свалили
И так везли до дня суда над ним.

* Перевод Б. Н. Алмазова.

В то время как Карл Великий мчится на помощь своему племяннику Роланду, в Ронсевальском ущелье разворачивается трагедия. Враги, превосходя французов численностью, начинают одолевать их. Гибнут лучшие бойцы... На глазах Роланда умирает его друг Оливье:

Не слышит он, не видит ничего:
 Уж помутились очи, все кружится.
 Он лег на луг, с горячею молитвой
 Скрестил он руки белые свои:
 Во всех грехах он просит отпущенья,
 Смиренно просит Господа Христа,
 Чтоб рая дверь раскрыл пред ним Всевышний.
 За родину, за Францию, за Карла
 И за Роланда, друга дорогого,
 Его уста молитву к Богу шепчут;
 Он ослабел, во весь свой рост простерся,
 Не бьется сердце, — смерть его постигла!

Роланд безутешно рыдает над своим почившим другом:

Глядит Роланд на друга своего:
 Он недвижим, он нем, он страшно бледен.
 Ужели он не встанет никогда?
 Ужель навек уста его закрылись?
 Ужель навек его замолкли речи?
 Ужели нет его? И долго, долго
 Стоял Роланд в тупом оцепененьи,
 На холодный труп товарища взирая...*

Но живых призывает к себе жизнь, и Роланд снова кидается в битву. Из всего отряда остались в живых только трое: архиепископ Турпин, храбрый рыцарь Готье и сам Роланд. Они разят врагов, но вот смертельно поражен Готье, упал на землю доблестный Турпин.

Когда Турпин почуял, что на землю
 Повергнут он, что дротика четыре
 В него вонзились, вновь вассал отважный

* Эти прекрасные стихи всецело принадлежат поэту Алмазову — в оригинале их нет, но они так хорошо определяют настроение мины, что мы решились поместить их здесь.

Вскочил проворно, бросился к Роланду
И так сказал: «Нет, я не побежден;
Пока хоть искра жизни в нем тaitся,
Не должен сдаться доблестный вассал!»

Архиепископ поднимается на ноги и бьется снова; бьется и отважный Роланд. Он хочет знать, слышит ли его Карл, и снова трубит в свой рог. Издалека несется ответный звук: Карл услышал его! Слышат звон далекого рога и мавры — и с удвоенной силой бросаются на Роланда! Роландов щит расколот, кольчуга разорвана, его конь пал... Но все ближе слышится звон французских рогов, и неверные обращаются в позорное бегство.

Роланд снял с раненого архиепископа блестящий панцирь и крепкий шлем, перевязал его раны; потом он отнес его на зеленый луг, положил там и сказал:

...прошу я разрешенья
Пойти искать друзей погибших трупы,
Снесу я всех сюда на луг зеленый,
У ваших ног их рядом положу!

Как сказал Роланд, так и сделал: бродя по горам и долинам, он отыскивал трупы товарищей и по очереди клал их к ногам Турпина. Архиепископ благословил их. Вид павших товарищей, вид бездыханного тела бесценного друга Оливье снова поразили Роланда: он горько заплакал, лишился чувств и упал на землю. Теперь настала очередь Турпина служить ему. Архиепископ поднялся, взял Олифант, наполнил его водой из протекавшего вблизи ручья и пошел к Роланду. Но он не смог дойти до него и упал в изнеможении от тяжелых ран.

Роланд очнулся, увидел архиепископа, подошел к нему... Архиепископ был мертв. И Роланд понял, что миг его собственной кончины тоже близок.

На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил...
И бьет он в грудь слабеющей рукой:

«О Боже! Дай в грехах моих прощенье,
 Во всех грехах, и малых, и великих,
 Что я со дня рожденья совершил!»
 И к небу он простер свою перчатку,
 И ангелы слетаются к нему.

Между тем Марсилий видит, что над его головой нависли грозные тучи. Он зовет к себе на помощь эмира, царствовавшего в Египте и Вавилоне. Эмир собирает огромные силы и приезжает в Испанию.

Огромны силы диких африканцев,
 И по волнам плывут их корабли,
 С вершины мачт карбункулы сверкают,
 И фонари, и светочи горят;
 Все море свет великий озаряет,
 И ночью вид прекрасен волн морских.

Эмир объявляет царям, герцогам и графам, сопровождающим его в качестве вассалов, что намерен вести их во Францию. Он посылает посольство к Марсилию, чтобы известить его о своем прибытии в Испанию. Если Марсилий почитит его, он отправится в самую Францию и сорвет с головы Карла его золотую корону; Карл может спастись, отрекшись от христианской веры и покорившись ему. Когда послы прибыли к Марсилию, его супруга, Брамимонда, сказала им в ответ на их приветствие, в котором упоминались имена богов Тервагана и Аполлона:

Вещали вы бессмысленные речи;
 Все боги наши — трусы; в Ронсевале
 Они вчера нас предали врагам...

Царица в глубокой печали, так как в битве пал ее сын, а царь Марсилий лишился правой руки. Сам Марсилий относится к послам иначе: он готов подчиниться эмиру, отдает ему все владения, посылает к нему ключи от Сарагосы, лишь бы только он защитил его от Карла. Получив от Марсилия изъявления покорности, эмир возликовал:

Глаза сверкнули грозно.
 Он встал: «Скорей на берег выходите, —
 Воскликнул он, — садитесь на коней,

И если старый Карл не обратится
Сейчас же в бегство, царь испанских мавров
Жестоко ныне будет отомшен.
За кисть руки, которой он лишился,
Ему я Карла голову пришлю».

А Карл, прибывший в Ронсевальское ущелье, в это время горевал над трупами верных французов. Скобрь его достигла высшей степени, когда он нашел труп Роланда и страстно прижал его к своей груди. Горе его было так велико, что он лишился чувств, а очнувшись, долго не мог свыкнуться с мыслью о том, что Роланда не стало...

Тела Турпина, Роланда и Оливье были почтены особым вниманием. «Император, — читаем мы в песне, — приказывает набальзамировать Роланда, Оливье и архиепископа Турпина. Всех их он приказывает вскрыть перед собой, а сердца их завернуть в драгоценную материю и положить в гроб из белого мрамора. Потом были подняты трупы баронов, сеньоры завернули их в шкуры лося, омыв настоем из вина и перца». Потом их положили на три повозки и накрыли галатским штофом. Едва было окончено это печальное дело, как показался неожиданно-негаданно передовой полк эмира. Тогда

Сошел на луг великий император,
Лицом к востоку он простерся ниц
И в пламенной молитве просит Бога:
«О, защити меня, Отец Небесный!
Ты Иону спас, когда его пожрал
Огромный кит, владыку ниневийцев
Ты сохранил и спас его народ,
От страшных мук избавил Даниила,
Его от львов свирепых ты избавил,
Из печи ты трех отроков исторг!
Теперь к Тебе о милости зываю:
О, дай за смерть Роланда отомстить!»
Свою молитву кончил император
И, знаменьем великим осенивши
Свое чело, он сел на скакуна.

Затем в поэме следует описание битвы между французами и африканцами. Уже день клонился к вечеру, когда Карл встретился с самим эмиром. Одно время казалось, что победит эмир: такую сильную рану нанес он своему врагу... Но

к Карлу слетел с неба архангел Гавриил и ободрил его. Эмир был убит, и войско его обратилось в беспорядочное бегство. Войско Карла погнало его до самой Сарагосы. На одной из сарагосских башен стоит царица Брамимонда:

Вдруг Брамимонда с башни видит бегство
Язычников и, бросившись к царю,
«О, государь! — воскликнула царица, —
Эмир погиб в бою позорной смертью,
Разбиты наши храбрые полки!»
Лицом к стене Марсилий повернулся;
Закрыв лицо, он горько зарыдал,
И умер с горя. Был он страшный грешник:
Его душа — добыча сатаны!

Сарагоса взята, бароны обходят с молотками и ломачами мечети и синагоги и сокрушают идолов. Епископы святят воду, чтобы окрестить неверных. Тех, кто не желает креститься, безжалостно убивают. Но все-таки сто тысяч мавров перешли в христианскую веру и стали добрыми сынами церкви. Не приняла крещения только одна Брамимонда. Карл не желает крестить ее насильно и берет ее с собой во Францию. По дороге Карл похоронил архиепископа, Роланда и Оливье в Сен-Роменской церкви.

Прибыв в свою столицу Ахен, Карл приказал созвать всех судей, чтобы они произнесли свой приговор над изменником Ганелоном. Перед описанием суда в поэме находится эпизод невыразимой красоты, прекрасный своей простотой и глубокой задушевностью. Этот эпизод посвящен невесте погибшего Роланда, красавице Оде!*

Вернулся Карл из дальнего похода
И в Ахен свой престольный прибыл он;
Вошел в чертог высокий свой. Навстречу
Красавица к нему выходит Ода
И молвит: «Где Роланд, воитель славный?
Он мне клялся, что женится на мне!»

* В издании Франциска Мишеля она называется Альдой (Alde). Мы предпочли бы эту форму той, которую приняли русские переводчики.

Рыдая, Карл рвет бороду седую:
«О, милая сестра души моей! —
Воскликнул он, — о мертвом говоришь ты!
Но я тебе достойное возмездье
Воздам за смерть Роланда — Людовик,
Мой сын, наследник мой, твоим супругом
Пусть будет». — «Странны, Карл, такие речи!» —
В ответ на то ему сказала Ода. —
Да сохранит меня Небесный Царь,
И ангелы его, и все святые,
Чтоб я по смерти храброго Роланда
Осталась жить!» Внезапно побледнев,
Она к ногам владыки франков пала
И умерла... Спаси ее, Господь!
Рыдают франки, плачут и вздыхают.
Скончалась Ода. Думал император,
Что только чувств красавица лишилась.
Рыдая, взял он за руку ее,
Хотел помочь ей встать: на грудь головка
Ее склонилась, видит император,
Что умерла красавица младая.
Он дал приказ — пришли четыре дамы,
И Карл велел им Оду хоронить
В монастыре. До утра охраняли
Четыре дамы Оду, а затем
Близ алтаря ее похоронили;
Великий ей оказан был почет.

Только после похорон прекрасной Оды приступил Карл к суду над Ганелоном. Преступника привели в цепях и жестоко избили воловьими жилами. Карл рассчитывал на решительное осуждение Ганелона, но дело сложилось не так, как он ожидал. Ганелон заявил судьям, что он совершил не измену, а мщение Роланду: «Я отомстил, но я не изменил». Судьям стало жалко графа Ганелона, и они попросили Карла помиловать его: ведь все равно Роланда этой казнью не воскресить! Тогда выступил один из вассалов Карла — Тьерри, громогласно объявил Ганелона изменником и вызвал на поединок всякого, кто думает иначе. Вызов был принят Пинабелем, которого еще раньше Ганелон просил о помощи.

Это место поэмы в высшей степени интересно как точная картина современного певцу быта. Тьерри вручил Карлу

свою лосиную перчатку. Обе стороны — и Ганелон, и Карл — представили поручителей. Пока улаживали все, что следовало уладить по закону, бойцы сидели на принесенных с этой целью скамейках. Уговорились. Привели коней, принесли крепкие доспехи. Перед поединком и Пинабель, и Тьерри отстояли обедню, приобшились и получили от священника отпущение грехов и благословение. При этом оба они одарили церковь богатыми приношениями. После этого бойцы подошли к Карлу. На них надели брони и шлемы, к сапогам прикрепили шпоры, к бедрам привесили мечи, дали им щиты и копья. Все присутствующие были в сильнейшем волнении...

Сначала Пинабель и Тьерри бились на копьях. Сшибка была страшная: поломались щиты, лопнули подпруги, и оба противника пали на землю. Тогда они схватились за мечи и стали биться пешими. После продолжительной борьбы Тьерри нанес противнику смертельный удар. Господь решил дело: Ганелон — преступник, изменник. Теперь уже никто не протестует против его казни. Графа Ганелона четвертовали, его поручителей также постигла позорная казнь. Были повешены палачом и все поручители Пинабея.

Окончив суд над Ганелоном, Карл призвал к себе епископов и объявил, что привезенная им из Испании пленница Брамимонда выразила желание принять христианскую веру. Епископы просили, чтобы государь назначил ей восприемниц из знатнейших придворных дам. Испанская царица была окрещена в Ахене и наречена Юлианой. Песнь прибавляет, что царица сделалась христианкой по своему глубокому убеждению.

«Песнь о Роланде» стоит особняком в среде других *chansons de geste*. Она поражает живописностью и силой языка, целостностью композиции, мощью пронизывающего ее патриотизма. Детище феодального уклада, она переросла его и возвысилась над ним.

Рютбёф, один из величайших поэтов французского Средневековья, был современником Людовика Святого и Филиппа Смелого. Личность Людовика Святого слишком замечательна, чтобы можно было пройти мимо нее, не сказав о ней ни слова. Характерной его чертой, которая прежде всего бросается в глаза, является его необыкновенное, почти мистическое благочестие. И днем, и ночью в продолжение нескольких часов он весь отдавался горячей молитве. Его вера доходила до фанатизма. В этом отношении любопытны следующие строки, написанные его биографом Жоанвилем⁴³: «Я говорю вам, сказал раз король об евреях, никто не должен спорить с ними, кроме очень хорошего клирика; если же светский человек услышит, как они злословят христианство, он обязан действовать в защиту веры только своим мечом и так глубоко запустить его в живот хулителя, насколько он может войти туда».

Благочестие Людовика Святого не отвлекало его, впрочем, от королевских обязанностей. Особенно заботился он о правосудии и любил отправлять его сам в среде своих советников. На Жоанвила, а также на других лиц, близких к ко-

ролю, была возложена обязанность принимать все просьбы, направляемые на имя короля. Если то или другое дело представляло какие-нибудь особенные трудности, король решал его сам. В светлые дни он располагался с этой целью в Венсенском лесу или в Парижском дворцовом саду на ковре или прямо на земле. Сюда он призывал тяжущиеся стороны, выслушивал мнения своих баронов и юристов (легистов), а потом судил дело по совести. Он был строгим и справедливым судьей не только для светских, но и для духовных лиц, и даже для епископов. По крайней мере, он отвергал все несправедливые притязания. Его правдивость не имеет подобной себе в истории. Вступив на престол, он возвратил английскому королю те провинции, которые считал несправедливо приобретенными своими предшественниками. Он был убежденным другом мира, нарушая его только для священных войн за Гроб Господень. Особенно старался он обуздать в этом, как и во многих других отношениях, своих баронов. По сравнению с другими странами Западной Европы Франция находилась в правление Людовика Святого в счастливейших условиях. Италию раздирали в это время раздоры между гвельфами и гибеллинами⁴⁴; в Германии также происходили внутренние беспорядки, в то время как императоры ее боролись против папства; Англия страдала под управлением Генриха III, и ее бароны были вынуждены обратиться за третейским судом к Людовику в споре с собственным королем.

Само собой разумеется, что король не мог один переделать весь существовавший в его время строй и видоизменить весь склад современной ему жизни. Насилие было делом самым обыкновенным. Наконец, далеко не все подданные Людовика ценили своего короля. Жители тех провинций, которые были добровольно уступлены Людовиком Генриху III во имя добрых отношений между сюзереном и его вассалом, не могли простить Людовику Святому его уступки и долго не признавали праздника, установленного в честь него католической церковью. Много было и отдельных его порицателей в обществе, не понимавшем, как можно обходиться без насилия. А что это было за общество, мы увидим из песен трувера Рютбёфа.

Мы не знаем ни года рожденья, ни года смерти Рютбёфа. Он жил в Париже, но нет никакого основания считать

его уроженцем этого города. Он сообщает нам, что женился в 1261 году, но из другого его же стихотворения мы узнаем, что брак, о котором он говорит так определенно, не был первым. Не был он и счастлив в браке. Сам поэт говорит, что опечалил им своих друзей и доставил большую радость врагам.

Чтоб ненавистникам своим
Доставить радость бытия,
Женился я...
<...>
Дверь дома вечно заперта,
Царит в нем всюду пустота,
Он беден, гол.
Порою в нем и хлеба нет;
Вот отчего не домосед,
Конечно, я.
Меня встречают плохо там;
Привета нет, коль не вернусь
Я с чем-нибудь.
Вот что мою стесняет грудь!
Коль пусты руки, заглянуть
Не смею в дом.
Вот жизнью я живу какой!
Живу надеждою, и в том
Весь праздник мой*.

Рютбёф сравнивает себя с мучениками, которых жарили, побивали камнями и четвертовали, но их мучения, говорит он, окончились, а его мучения, спасибо женитьбе, будут продолжаться в течение всей жизни. Заканчивает он свое стихотворение молитвой о том, чтобы Господь зачел ему все его злоключения и удостоил его рая. В другом стихотворении он также жалуется на свое домашнее неустройство, говорит о болезни жены, о своей собственной болезни, совпавшей с ее, о том, что он отдал своего ребенка кормилице, а последняя грозит ему вернуть его обратно, если он не заплатит ей за труд. Хозяин требует платы за квартиру, нет дров, нет одежды, друзья его покинули — вот с какими жалобами обращается он к графу Пуатье, который оказывал ему раньше поддержку.

* Этот и другие переводы для очерка о Рютбёфе сделан нами.

Несколько лет спустя он обратился со своими жалобами уже к самому королю Людовику Святому. Трудно винить Рютбёфа за его настойчивое попрошайничество. Поэтическое дарование его оплачивалось скудно, а других источников у поэта, которому не повезло родиться сеньором, не было.

Рютбёф питался плодами, которые приносила ему его поэзия. Среди его поэтических произведений встречаются такие, которые были написаны по заказу. Если такие заказы и оплачивались удовлетворительно, они представляли редкие явления. Рютбёф жил так, как жили все бродячие труверы и жонглеры. Здесь напоят и накормят, там дадут какой-нибудь подарок, а то и просто рекомендательное письмо к богатому, но не всегда щедрому родственнику. Как ни беден был сам Рютбёф, но при деньгах и он ссужал беднякам: по крайней мере, одно их стихотворений он написал на своего должника, подобно ему самому, не отличавшегося аккуратностью в уплате долгов. В заключение стихотворения он просит своего должника обещать уплатить долг хотя бы в завещании.

Причина бедности Рютбёфа, кроме малого заработка, заключалась еще в том, что он, будучи при деньгах, не слишком дорожил ими, жил довольно беззаботно, любил хорошо покушать и поиграть в кости. Писал Рютбёф в самых разнообразных жанрах: тут и лирические песни, и сатиры, и аллегорические поэмы, и драматические произведения, и жития святых, и стихотворные рассказы или фавльо.

Обратимся прежде всего к его лирическим произведениям. В нескольких песнях Рютбёф прославляет Деву Марию. Одна из них написана по образцу любовных кансон, но напрасно стали бы мы искать последние у Рютбёфа. Запрос на такие песни выставлялся только дамами высшего общества; Рютбёф не вращался среди них, да песни этого рода и не подходили бы к общему характеру и направлению его поэзии.

Известны его стихотворения, написанные по поводу смерти того или иного сеньора. Все они довольно однообразны, и сами личности почивших не обнаруживают в них своих индивидуальных черт; преломляясь сквозь поэтическую призму Рютбёфа, они дают большей частью один сплошной и притом однообразный спектр, в котором трудно подметить какой-нибудь преобладающий цвет.

Таких пьес четыре. В одной он оплакивает Ансо де л'Иль-Адана, но так, что по его произведению невозможно решить вопроса о том, кем именно был этот Адан. Он отмечает только одну резкую черту покойного, именно — его любовь к охоте, но эта черта в то время была принадлежностью большинства, если не всех, представителей высшего общества. Обращают на себя внимание только следующие слова: «Человек быстро достигает верхушки колеса фортуны; все служат такому человеку, оказывают ему почести, любят его. Но вот фортуна очень скоро поворачивает свое колесо: лица, которым служили, падают в грязь, а служившие бегут по ним».

Другая жалобная песнь написана по случаю смерти графа Неверского, умершего в Палестине. Сердце покойного было перевезено из Палестины в Сито. «Сердце графа, — говорит Рютбёф, — покоится в Сито, его душа — в небесной обители, а тело — за морем; вот прекрасный раздел». В заключение своей песни поэт обращается с воззванием к королю и сеньорам, чтобы они отправились на помощь городу Сен-Жанд'Акр, где уже не развеивается более знамя графа Неверского.

Третья жалобная песнь посвящена памяти Тибо V, графа Шампани и Бри, короля Наварры. Тибо V, сын знаменитого трувера Тибо IV, умер на Сицилии, возвращаясь из Крестового похода в Тунис. Умершего ненавидели его дядя и тетка, сами рассчитывавшие наследовать Наваррское королевство. Свою ненависть они выражали в клевете, распускавшей ими про своего племянника. Так, по крайней мере, говорит в своей песни Рютбёф. До Крестового похода в Тунис молодой король не проявил себя никакими рыцарскими подвигами. Пользуясь этим, родные распускали слух, что Тибо не обладает никакой доблестью. Против этого ложного обвинения и возражает в своем произведении Рютбёф: «Первым он отправился в поход и последним возвращался оттуда... Он был пэром среди баронов, отцом для бедных, другом и братом людей среднего состояния». В последнем предложении поэт играет словами *raig* — пэр и *rege* — отец; к подобной игре слов Рютбёф обнаруживает в своих произведениях большую склонность. Рисую дальше нравственный облик почившего, он говорит о его доброте; он кормил бедняков по два раза в день, своим личным примером он возбуждал отвагу во всех.

Четвертая песнь воспевает умершего в Италии, при возвращении из того же Крестового похода, графа Пуатье. В начале песни Рютбёф рисует образ истинного христианина. Тот, кто любит Бога и служит Ему, боится Его, охотно слушает Его слово, не страшится ни болезни, ни смерти. Он не поддастся искушению, принесет в жертву свою жизнь, оставит мать, отца, жену и детей, покинет свою страну и будет биться за Бога до смерти. Тогда он получит награду за свою службу. Таков был граф Пуатье. Он был зеркалом рыцарства. Таким образом, истинный христианин представляется Рютбёфу истинным вассалом Бога: он «служит Ему», он «принесет в жертву свою жизнь». В песни Рютбёфа встречается одна очень характерная черта. В Средние века был сильно распространен обычай клясться именами тех или других святых. Очевидно, обычай этот не одобрялся известной частью общества, усматривавшей в нем своего рода богохульство. По словам Рютбёфа, покойный граф вместо того, чтобы говорить «клянусь Св. Марией», говорил «клянусь Св. Гарией», то есть совершенную бессмыслицу. Этот прием графа поэт выставляет как доказательство его благочестия. Наряду с этим Рютбёф восхваляет графа Пуатье за то, за что вообще хвалили представителей знати средневековые певцы, а именно — за щедрость:

Нам говорят об Александре,
 О чувствах, щедрости его,
 О всех делах, но ничего,
 Конечно, не проверить нам;
 Приврать здесь может всякий сам;
 Ведь нас же не было тогда!
 Но если ждет судьба благая
 Того, кто благ и щедр всегда,
 То граф живет в селеньях рая.

Вполне оригинален Рютбёф в области сатиры; сатира — его сфера. В своих сатирах он касается всех современных вопросов: чрезмерного увеличения числа монашеских орденов, борьбы университета с нищенствующими монахами, церкви и светского общества, Крестовых походов... Ни один общественный слой не ускользнул от его сатирического внимания. То он рисует перед нами торговца, который и тогда обманы-

вал покупателей так же, как обманывает их теперь; то нападает на рабочих и на крестьян, которые хотят получить как можно большую плату за возможно меньший труд, не щадит он ни прево, ни мэров, ни духовенства, несмотря на свою религиозность.

Особенно доставалось от него монашеским орденам. «Теперь у нас, — говорит он, — так много орденов; я не знаю, кто изобрел их. Любит ли их Бог? Нет, они не из Его друзей!» Затем следует припев, повторяющийся после каждого из тринадцати четверостиший: «Ханжи и бегины испортили весь свет». Братьев миноритов, как и проповедников, он упрекает за стяжательство, за то, что они приобрели богатства⁴⁵. «Кто не повинуется этим двум орденам, тот, несмотря на всю свою честность, может прослыть за еретика», — предупреждает поэт.

Нападки Рютбёфа на монашеские ордена были вызваны действительностью. Дело в том, что благочестие Людовика Святого проявилось и в чрезвычайном развитии монашества. «Подобно тому, — говорит Жоанвиль, — как переписчик, окончив книгу, раскрашивает ее золотом и лазурью, так и король разукрасил свое государство прекрасными аббатствами, большим количеством странноприимных домов и обителей как братьев-проповедников, так и других монашествующих орденов». Рютбёф возмущается этим. Он отмечает тот факт, что недостаточно было быть просто честным человеком, чтобы иметь право на уважение, но необходимо еще было принадлежать для этого к какой-либо из монашеских конгрегаций.

Впрочем, Рютбёф говорит, что и сам хотел бы сделаться монахом, чтобы спасти свою душу, но никак не может найти подходящего для себя ордена, так как все они отличаются друг от друга только одеждой и наименованием. Все монахи поживают превосходно, да и не заботятся ни о чем другом. Некоторые из них живут как настоящие сеньоры; иной из них мало делает для своих друзей, но зато много — для своей подруги. Не мешало бы, например, августинцам вспоминать каждое утро и каждый вечер о том, что слишком хорошо питаемая плоть вливает отраву в душу. Монахов общины Сито Рютбёф хвалит за их ум и религиозность, но прибавляет при этом, что они не нравятся ему, когда делаются торговцами и слишком забывчивыми в деле милосердия.

Мы не станем перечислять здесь монашеские ордена и указывать, в чем именно обвиняет сатирик каждый из них; мы отметим только те недостатки, которые, кроме указанных нами выше, направляли сатиру Рютбёфа против монашеских орденов. Все это — наши старые знакомые: ханжество, гордость, властолюбие, гневливость. Он обвиняет монахов в том, что они распускают всякого рода клеветы, вмешиваются в семейные дела, стремятся распознавать чисто семейные тайны.

Если Рютбёф, человек благочестивый, правоверный католик, вооружался так против монахов, то, конечно, были серьезные причины, побуждавшие его к этому. Очевидно, непомерное развитие монашества в царствование Людовика Св. внесло в тогдашнюю жизнь много нежелательных и возмущавших всякого честного и независимого человека явлений. Этих явлений не мог не замечать и король. По крайней мере, Жоанвиль говорит, что Людовик, будучи в радостном расположении духа, любил слушать рассуждение на тему: «Честный человек стоит большего, чем бегин», то есть монах вообще.

Нападая на духовенство вообще, Рютбёф делает различие между богатыми прелатами и сельскими священниками; последних он берет под свою защиту. «Сельский священник, — говорит он, — добывает себе хлеб с большим трудом и не в состоянии купить себе даже небольшой богослужбной книжки, у прелатов же — полные желудки, библии и псалтири: эти люди жирны и всегда спокойны. Когда они приходят к бедному священнику, кажется, что к нему пришли короли: им нужен такой парад, которого не может вынести на своих плечах человек бедный. Хоть закладывая свое облачение, а ставь им такие кушанья, которые не показаны в Писании. Если их не ублажить как следует, если бедняга сделает какой-нибудь промах, его сочтут за дурного человека даже в том случае, если он равен по своей жизни самому Св. Петру».

Снисходительно относится Рютбёф и к другому виду клириков, а именно — к студентам. Эта снисходительность не мешает ему, впрочем, при случае и бранить их, если они того заслуживали. В XIII веке между парижскими студентами

происходили непрерывные раздоры. В 1218 году парижский официал* был вынужден прибегнуть к суровым наказаниям тех, «кто прибегал к помощи оружия и днем, и ночью наносил раны другим студентам» и творил бесчинства другого рода. Столкновения между студентами происходили на «национальной» почве: «нация» французская враждовала с пикардийцами, представителями Нормандии и англичанами. Говоря современным языком, враждовали между собой землячества, кружки земляков, крепко державшихся друг за друга в стенах университета.

Французская «нация», более многочисленная, требовала себе больших привилегий, другие не уступали, а результатом этих столкновений нередко являлось кровопролитие. В стихотворении, относящемся к одному из подобных столкновений, Рютбёф дает молодежи несколько мудрых советов. Зачем, говорит он, покидать родину и переселяться в Париж, где люди вместо того, чтобы запастись мудростью, теряют свой рассудок?

В Париж является учиться
 Крестьянский сын. Отец-бедняк,
 Чем только может поживиться
 С своей земли, все, кое-как
 Собрав с поспешностью возможной,
 Вручает сыну, чтобы он
 С нуждой не сведался тревожной,
 А сам — бедняга — разорен!
 Вот сын его в Париж явился;
 Он хочет жить, как все живут,
 Все, для чего отец трудился,
 Он промотает живо тут.

<...>

Вот пост великий настает:
 Поститься б юноше не худо,
 А он по-прежнему живет.
 Ему б терзаться власяницей,
 А он в кольчугу облечен,
 И пьет безумно, пьет сторицей,
 Как в дни веселья не пил он.

* Духовный судья, назначавшийся епископом.

Тут подвернутся забяки,
 И скоро ссоры видишь ты,
 И здесь, и там, повсюду — драки,
 Аудитории ж пусты,
 Ну разве это не несчастье?

Но в Парижском университете происходили и волнения другого рода. Волнения эти вызывались столкновениями между профессорами, принадлежавшими к белому духовенству, и профессорами-доминиканцами. Доминиканцы приобрели в это время огромное значение. Преимущества, которыми они пользовались, естественно, вызывали зависть в среде белого духовенства, и, так как доминиканцы пользовались особым покровительством папы, белое духовенство выставляло из своей среды борцов за независимость французского духовенства от Римской курии. Во главе профессоров, принадлежавших к белому духовенству, стоял в описываемое время Гильом де Сент-Амур⁴⁶. Он резко нападал на доминиканцев и с кафедры, и в своих литературных произведениях. Но смелого профессора вынудили покинуть Париж и удалиться в свой родной город Сент-Амур. Рютбёф горячо протестовал против его изгнания. По его мнению, король не может осудить кого бы то ни было без суда, а папа не имеет никакого права простираť свою юрисдикцию на Францию. В увлечении Рютбёф грозитя Божьим наказанием, которое постигнет виновных в этом деле:

Прелаты, принцы, короли,
 Какое зло творим мы дома!
 Из нашей выгнали земли
 Достопочтенного Гильома.
 Ну где же видано когда,
 Чтоб так безумно поступали?
 Чтоб без допроса, без суда
 Совсем невинного изгнали?
 От Бога скроется ли что?
 Того, кто, правду нарушая,
 Изгнал Гильома, Он за то
 Из Своего изгонит рая!..
 <...>
 Когда настанет день Суда
 И снидет вновь на нас Распятый,

Что вы ответите тогда
Пред справедливую расплатой?
Он вас потребует в тот час
На Страшный суд за злодеянья.
Позор и страх сомкнут у вас
Уста для самооправданья.
А я? Я смерти не страшусь,
Смотрю в глаза я смерти смело;
Легко я с жизнью разлучусь,
Коль нужно так, за это дело!

И это — не пустые слова: необходимо было иметь Рютбёфу много смелости, чтобы говорить таким языком с всесильными монахами, с папой и королем.

В то время университетские смуты приносили для высшего образования большой и трудно поправимый вред. Доминиканцы выпросили себе у парижского архиепископа сначала одну кафедру богословия, потом вторую и скоро прочно водворились в нем. Проникнув в университет, они стали отказывать в повиновении общим для всех правилам и требовать для себя особенного, исключительного положения. Когда сослуживцы пригрозили им исключением из своей среды, доминиканцы обвинили их в заговоре против церкви и короля и пожаловались в Рим, папе. При этом они принимали самый смиренный, самый невинный вид. Вот что говорил, например, в собрании профессоров и студентов Парижского университета францисканец Жан де Парм, обращаясь к профессорам, принадлежащим к белому духовенству: «Вы — наши учителя и сеньоры, вы просветили нас; мы благодарны вам и готовы засвидетельствовать свою благодарность молитвами и проповедями. Мы — ваши дети и служители. Если мы и обладаем каким-либо знанием, то получили его от вас. И самого себя, и братьев, состоящих под моим началом, я предоставляю в ваше распоряжение. Мы — в ваших руках. Делайте с нами все, что покажется вам хорошим и справедливым». Таковы были слова, но совсем не таковы были чувства.

Рютбёф боролся с «университетскими монахами» в продолжение целых семи лет и подвергся за это различным неприятностям. Положение его было в высшей степени затруднительное. Оно сделается вполне понятным, если мы будем

иметь в виду, что одним из монахов, преподававших в это время в Парижском университете, был знаменитый богослов Фома Аквинский. Эта борьба для Рютбёфа и его единомышленников была непосильным делом. Рютбёф в ней весьма пострадал. Папа Александр IV приказал сжечь его сочинения, направленные против монахов; над поэтом нависла угроза инквизиции.

Товарищи изгнанного Сент-Амура подали королю Людовiku коллективную просьбу о его возвращении. Король дал суровый ответ, назвал в своем ответе Сент-Амура чудовищем, которое не достойно прощенья (правда, в то же время он написал папе послание, в котором хлопотал за изгнанника). Только после смерти папы Александра IV и его ближайшего преемника⁴⁷ Сент-Амур был возвращен в Париж, где его встретили с распростертыми объятиями.

Сатира Рютбёфа не щадила ни светского общества, ни церкви. В одной и той же сатире достается за жадность и духовенству во всех его видах, и судебным властям, и купечеству, и ремесленникам, и крестьянам. Он нападает и на рыцарство, которое уже не проявляло по отношению к менестрелям щедрости своих предшественников. Особенно выдается среди других произведений его сатира о «язвах мира». Рютбёф указывает три язвы: первой страдают миряне, второй — духовные лица, а третьей — рыцарство. Среди мирян нет больше взаимной любви. Сердца людей исполнены горечи, злобы и зависти; человек оказывает свою услугу другому только в тех случаях, когда требует этого его личный интерес. Не признается и родство: если родители бедны, они уже не считаются за родителей. Только богатые люди имеют семьи. Никто и не подумает помочь беднякам, но зато каждый норовит обобрать того, кто стоит ниже его. Духовные лица необыкновенно скупы и жадны; они берегут свои богатства только для себя. Если бедняки и получают что-либо от них, их прибыль до смешного ничтожна. О язвах рыцарств, однако, Рютбёф говорит довольно осторожно высказываясь в том духе, что лучшие рыцари давно умерли и современные ему рыцари совсем не похожи на прежних.

Громя сильных мира сего, поэт хочет укрыться за фиктивной личностью, им же придуманной, но и ему самому, как

говорит он, неизвестной. Его сатира «Жизнь мира» начинается рассказом о том, как поэт гулял в одно майское утро в саду и нашел там, под боярышником, пергаментную книжку, с содержанием которой и пожелал познакомить своих читателей. А содержание таково:

Святая Церковь жалуется: с нею
Воюют все, а дети Церкви спят;
Никто из них заботою своею
Не отвратит тех бед, что ей грозят.

Хромает Суд, и Право падать стало,
Закон нетверд, и Правда несильна,
И стынет Милость, что порой пылала,
А Вера где?.. Едва видна она.

Рим должен быть основою святою,
Теперь же в нем царит продажность, зло,
И те грязны, кто должен чистотою
Своей сиять: всем хуже оттого.

Пребенду* тот получит, несомненно,
Кто принесет с собою деньги в Рим.
«Дай только нам, получишь непременно,
А денег нет — тебя мы не хотим».

Когда-то Франция была страной свободной,
Свободных нет во Франции людей:
Здесь и прелат, и рыцарь благородный
Уже давно забыли все о ней.

Не тронут Бога груды золотые,
Хотя б в одну все были снесены;
Слова молитв горячие, простые
И сердце чистое — одни Ему нужны.

Напомню речь Иуды Маккавея:
Все золото не даст победы нам,
Не даст ее и тот, кто всех смелее, —
Один Господь ее дарует Сам!..

* Доход, приносимый с церковного имущества.

Выше мы сказали уже, что Рютбёф касался в своих произведениях и Крестовых походов. Он воспевал их участников, как, например, Жоффрау де Сержиня, одного из лучших рыцарей Людовика Святого. Из произведений Рютбёфа, посвященных Крестовым походам, особенно известно то, в котором он изображает беседу двух рыцарей, обсуждающих эти предприятия. Оно называется «Спором крестоносца и некрестоносца», и вот в чем заключается его содержание. «Однажды, — говорит Рютбёф, — я ехал верхом по своему делу, глубоко задумавшись. Недалек был день Св. Ремигия. Я думал о том, как сильно бедствуют жители Акра, у которых в настоящее время нет ни одного друга; неприятель же так близок к ним, что свободно может поражать их своими стрелами и копьями. Я так углубился в свои думы, что сбился с дороги, как это нередко случается с теми людьми, которые рассуждают сами с собой. Я наткнулся на прочный, крепко запертый дом, совершенно мне неизвестный. Внутри него находились люди, которых я и попросил впустить меня. То были четыре рыцаря, умевшие хорошо говорить по-французски. После ужина они вышли погулять в сад, расположенный вблизи леса. Я не хотел вмешиваться в их разговор, так как слышал от одного куртуазного человека следующее: иной думает, что он развлекает компанию, между тем как только расстраивает ее, а в этом нет ничего хорошего. Двое из них предоставили разговаривать между собой двум другим, а сами начали слушать их. Я оставался совершенно один около изгороди и прислонился к ней. Среди шуток и забав они вели между собой беседу, которую я перескажу вам. Были произнесены слова “свет”, “Бог”, и с этого они начали свою беседу».

Таково вступление, с которого начинается стихотворение Рютбёф. Не вникая во все подробности стихотворения, мы, за некоторыми исключениями, только в общих чертах изложим мысли, высказывавшиеся обеими спорящими сторонами. Один из собеседников возложил на себя крест и хотел принудить к тому же другого, но последний долго и упорно возражал на все его доводы.

«Крестоносец: Бог вложил в тебя разум, благодаря которому ты умеешь отличать добро от зла, друзей от врагов. Если ты

воспользуешься своим разумом как следует, ты получишь за это награду. Святая земля бедствует, ей необходимо помочь. Ты хвалишься своею доблестью: докажи ее — ступай в Святую землю.

Некрестоносец: Ты хочешь, чтобы я бросил свое имущество и оставил своих детей на попечение собакам, а сам умчался вдаль. Не думаю, чтобы это было разумно. Хорошо сказано: “береги то, что имеешь”. Ты хочешь, чтобы я возложил на себя крест и, отдав сто су за сорок*, отправился за море. Не думаю, чтобы Бог учил так безрассудно сорить деньгами.

Крестоносец: Ты родился на свет нагим, теперь ты хорошо одет. Что же сделал ты для Бога, который во сто крат возвратит то, что Ему дают? Теперь легко быть удостоенным Царства Небесного. Святые Петр и Павел заплатили за него гораздо дороже: они заплатились головой и шеей.

Некрестоносец: Дивлюсь я людям, которые испытывают великую нужду, чтобы скопить немножко денег, а потом тратят их на дорогу в Астурию** или в Рим. Они гонятся за приключениями. А между тем можно угодить Богу и оставаясь на своем месте, живя своим наследственным достоянием. Безумец тот, кто идет на кабалу.

Крестоносец: Неужели ты думаешь снискать милость Божию, живя в веселье, не испытывая никаких волнений? Что же, по-твоему, безумцами были святые мученики, претерпевавшие тяжкие страдания, чтобы получить искупление? Люди замыкаются в монастырские кельи, чтобы достигнуть блаженства. Не следует избегать со страхом тех бед, которые переносят ради Господа, хотя бы такой бедой была смерть.

Некрестоносец:

Сеньор, замолкните! Не дело —
Меня к безумию склонять;
Ступайте к тем, ступайте смело
Вы тех к походу призывать,

* Любопытная подробность, указывающая на размеры процентов, которые брались в таких случаях лицами, ссужавшими крестоносцев деньгами.

** На поклонение мощам Св. Иакова.

Кто помешается над нами.
Прелаты, клирики должны
Отмстить врагам за Бога сами, —
Они на то вознесены.
Их жизнь — сплошные наслажденья;
Зовите их, а не меня;
Бесплодны ваши убежденья, —
Не попадусь к вам в сети я!
Прелаты все живут отлично,
У них достаточно всего;
Им совершенно безразлично,
Идет ли дождь, иль нет его,
Но дует ветер. К подчиненью
Они склонили всех людей.
Вот как идут они к спасенью
Дорогой избранной своей!
И, право, было бы неладно
Склонять их с этого пути:
Дорога эта так отрадна,
Что лучшей трудно и найти.

Крестоносец:

Оставь прелатов ты в покое,
Оставь духовных, как и я!
Взгляни на зрелище иное:
Ты посмотри на короля!
Чтоб получить блаженство рая,
Он плотью жертвует своей,
Он вдаль уходит, покидая
Своих возлюбленных детей.
Нет, не внушает опасенья
Ему томительный поход...
А тот достоин осужденья,
Кто с ним туда же не идет.
Живет он лучше нас с тобою:
Ты не забудь, что он — король,
А все же жертвует собою
Он за Того, Кто вынес боль,
Кто вынес крестные страданья,
Кто допустил, чтобы над Ним
Творили люди надруганья. —
Ему ль служить мы не хотим?

Нет, кто Ему служить не станет,
Тот слезы горькие пролет,
Тот жизнь беспутную проклянет,
Но все ж утраты не вернет!

Некрестоносец:

Нет, не покину я порога;
Хочу пожить в своем кругу.
Идите, скатертью дорога!
Идти я с вами не могу.
Скажите вашему султану,
Что он меня не устрошил,
А коль сюда придет, то стану
Я с ним бороться, что есть сил.
В его же землю не пойду я...
Не вреден здесь я никому,
И не грозит, со мной враждуя,
Никто покою моему.
Ложусь я спать довольно рано,
Люблю я выспаться вполне,
И без вражды, и без обмана
Живу я в милой стороне.
Клянусь Св. Петром! Уверен
Я в том, что лучше жить мне тут;
Вот почему я не намерен
Надеть стеснительный хомут.

Крестоносец:

Ты жить собираешься в покое,
А долго ль жить дано тебе?
И жизнь людская что такое?
Яйцо в непрочной скорлупе.
Несчастный! Всюду за тобою
Смерть ходит по твоим следам
И над твоею головою
Дубину держит здесь и там.
Она разит неотразимо;
Ей возраст жертвы нипочем;
Она ее не бросит мимо...
Скажи, ты думал ли о том?

Некрестоносец: Удивительное дело! Те люди, которые отправляются за море, обеспечивают блаженство своей души, но, возвратившись домой, не слишком-то благоденствуют. Если Бог присутствует в мире, то, конечно, Он пребывает и во Франции, и нет никакой надобности искать Его где-то за морем, среди людей Ему враждебных. Ваше море так глупо, что я имею полное основание опасаться его.

Крестоносец: Ты не боишься смерти и знаешь, что тебе суждено умереть, а между тем питаешь страх к морю.

Безумец в полном смысле слова!
 Умрет в своей постели тот,
 Умрет позорно, как корова,
 Кто вместе с нами не уйдет.
 Коль обрету я смертью тела
 Блаженство вечное души,
 Во имя светлого предела
 Мне все дороги хороши!
 Готов я кинуться в сраженья,
 Готов идти в темницу я,
 И не составят преткновенья
 Жена и дети для меня!

Некрестоносец: Прекрасный, дорогой сеньор! Я отказываюсь от своих слов: ты победил меня, ты поставил мне мат*; я возлагаю на себя крест».

Это произведение в высшей степени характерно. Неудачи, испытанные пылкими крестоносцами в Святой земле, разочарования, постигшие их, сделали свое дело. Рыцари стали подвергать свои чувства анализу рассудка. Их духовный кругозор стал расширяться: Бог — везде, а потому и вечное блаженство можно заслужить везде. Бог не требует от них, как властный сюзерен, только ленной службы, только войны за Него: к спасению ведут многие, различные пути. Доводы, приводимые крестоносцем, так сильны, что окончание произведения является для читателя сюрпризом. Но Рютбёф был

* Выражение заимствовано из любимейшей в Средние века игры в шахматы.

сторонником крестоносных предприятий; он был одних воззрений с Людовиком Святым, а потому и доставил победу крестоносцу над скептиком. Сам он был весьма религиозен и не мог усомниться в идее Крестовых походов.

Религиозность Рютбёфа выразилась и в других его произведениях. Однако, если судить в общем, эти произведения нельзя отнести к разряду удачных. Исключения составляют только отдельные строфы, дышащие горячей верой, на которую сомненье не наложило ни одного пятна. Прислушайтесь к следующим стихам, в которых наш трувер воспевает Богородицу:

Тебе мы молимся, когда
Бушуют бури и волненья;
Ты — наша ясная звезда,
Ты — якорь нашего спасенья,
Корабль, желанная страна!
Тебе любовь, Тебе служенье:
Всесовершенна Ты Одна.
Ты — наш цветок и украшеньё;
Ты, голубица без пятна,
Приносишь пленным утешенье.
Ты — замок крепкий и скала,
Ты не боишься нападений:
Как ни была бы рать сильна,
Не взять ей этих укреплений.
Ты — тот источник, чья струя
Поит нас влагою бесценной;
Ты — тот эфир, что, жизнь даря,
Дает растения вселенной;
Ты — утра чистая заря,
Ты — горлинка любви нетленной!

Мы не будем говорить здесь о драматических произведениях Рютбёфа: он — не драматург. Изобразив и личность поэта, и характер его поэзии, мы закончим настоящий очерк его завещанием, так называемым «Раскасянием Рютбёфа».

«Мне надо, — говорит Рютбёф, — покончить с рифмами». Он сокрушается о том, что, отдаваясь игре и другим развлечениям, забывал о псалмах и не служил как следует Богу. «Как осмелюсь я сказать на Страшном суде хоть слово, когда и са-

ми праведные будут трепетать? Всю свою жизнь я наполнял свой желудок за счет других людей, жил на счет их существования. Хорошим юристом считается тот, который умеет лучше лгать, но если я скажу, что не обращался к покаянию по неведению, эта отговорка не спасет меня». Бог даровал человеку чувство и знание, создал его по Своему подобию и пострадал за него. Человеку нетрудно распознать своего врага, который стремится завлечь его в темницу, откуда никто не выберется ни путем просьб, ни откупом, хотя бы сулил богатства. Поэта сокрушает то обстоятельство, что он творил волю своего тела, слагал рифмы и распевал их против одного, чтобы понравиться другому. Здоровья его сердцу не могут вернуть ни доктора, ни аптекари. Поэт знает только одну искусную даму-врача⁴⁸. Такого искусного врача еще не было ни в Лионе, ни во Вьенне, ни во всем мире. Нет такой застарелой раны, которая не могла бы очиститься и закрыться, как только эта дама стала бы лечить ее. Она извлекла из позорной жизни блаженную египтянку и вручила ее Богу безупречной и чистой*. Конечно, она сжалится и над христианской душой поэта. Он полон думами о смерти, которая разит не только слабых, но и сильных. Как бы ни был силен человек, при наступлении ее он теряет почву под ногами. Когда тело погибнет, останется душа, и ей придется отдать отчет перед Богом во всем, что делал человек до самой своей смерти. Пора идти на покой, покинуть этот свет. Рютбёф выражает при этом надежду, что покаяние пришло еще не слишком поздно, что Господь помилует его.

Не без сожалений мы расстаемся с Рютбёфом, с этою прямой, искренней, честной личностью, с этим врагом всего ложного и дутого, врагом фарисейства в различных его про-

* Здесь подразумевается Св. Мария Египетская, житие которой написал Рютбёф. (Христианская святая Мария Египетская (втор. пол. V — перв. пол. VI века) с двенадцати лет торговала своим телом в Александрии, но, явившись в Иерусалим, куда во время праздников вместе с паломниками стекались на заработки блудницы, и помолвившись перед иконой Богородицы, осознала свое падение и удалилась в пустыню, где провела 47 лет в полном уединении. Считается покровительницей кающихся женщин. — *Прим. ред.*)

явлениях. Он дорог нам как верный друг просвещения, как друг всех оскорбляемых и унижаемых, знакомых с горечью нужды. Он прежде всего — сатирик, но про его сатиру можно сказать то же, что справедливо говорят про юмор Гоголя. Сквозь постоянный смех последнего проступают слезы над теми несовершенствами, которые он осмеивает. Сатира Рютбёфа не пропитана насквозь желчью, как сатира Ювенала. Читая сатирические произведения Рютбёфа, чувствуешь невольно, что их писала рука бесконечно любящего людей человека. Его многословные подчас тирады, его звонкий и выразительный стих, его бесчисленные, не передаваемые на наш родной язык каламбуры не заглушают от нас биения его любящего сердца. Строгий к другим за их неправду, Рютбёф был строг и к самому себе. Он ставил себе в своем завещании в большую вину то, что жил милостями других... Но мы хорошо знаем, что без этих милостей он умер бы с голоду.

Романы Круглого стола

В очерке, посвященном труверам и их поэзии, мы уже дали общую характеристику поэмам бретонского цикла, иначе называемых романами Круглого стола. В настоящем очерке мы обратимся к более подробному их рассмотрению. В V веке Европа представляла своеобразное зрелище. В ней происходили почти непрерывные передвижения народов. Эти народы искали прочных мест для своей оседлости. Западная Римская империя умирала вполне естественной смертью, благодаря чему открывалась обширная территория для водворения на различных ее местах этих народностей.

Именно в это время, около половины V века, была занята варварами и Британия. Римское правительство было слишком слабо, чтобы помешать этому, оно даже отозвало свои легионы, защищающие Британию, и коренное население ее получило новых повелителей, среди которых преобладающими элементами были англосаксы. Но утверждение в этой стране новых народностей не могло все-таки совершиться без борьбы коренного населения с пришлым, тем более что пришельцы не могли сразу же занять всей территории острова. Борьба эта была упорна и выдвинула из среды коренного населения многих героев.

Но всех их превзошел король бриттов, населявших южные местности острова, по имени Артур; жил он в VI веке. Совершенно понятно, что он сделался достоянием легенд. Они такой густой сетью покрыли эту личность, что теперь нет никакой возможности отделить действительность от мифа. Над созданием этих легенд, над их развитием много потрудились национальные британские певцы — барды. В эпоху народных войн звон мечей сливался с аккордами арф и воинственные крики — с песнями бардов. Нередко сами барды брались за мечи и считали высокой честью идти впереди своих отрядов. Они вращались, таким образом, в самом водовороте современных событий. Они поддерживали воинственный жар своих соотечественников, смело вступались за всякого невинно страдающего, умели обуздывать гордых и могучих. Такая деятельность необычайно возвышала их над толпой; она и объясняет нам то влияние, которое оказывали барды на своих соотечественников. Это влияние приобретало особенную силу еще и потому, что звание барда было наследственным. Авторитет певца увеличивался еще авторитетом его предков. От отца к сыну вместе с золотым кольцом и арфой переходило не только уважение к личности барда, но и уважение к отечественной старине и любовь к добродетели. Пышно цвели новые поколения поэтов под кровом старых, как молодые отпрыски дубов в тени своих могучих, столетних, широколиственных прадедов.

В песнопениях бардов личность короля Артура занимала точно такое же место, какое занимает личность Карла Великого в *chansons de geste*. Барды воспевали его подвиги, те тринадцать больших побед, которые будто бы одержал он над пришельцами. Они вплетали в свои песни о нем много чудесного — из области древней национальной мифологии. И чем более протекало времени, тем более вырастала и становилась чудеснее личность короля Артура. Да это и понятно. Геройская борьба бриттов не увенчалась успехом. Вот что говорит Св. Гильда⁴⁹, живший в VI веке, в своем сочинении «О гибели Британии»: «Святотатственная рука варваров, пришедших с востока, распространяет пожары от одного моря до другого. И в самом деле, пламя остановилось только после того, как сожгло города и поля почти по всей поверхности острова и как бы вымело его своим красным языком до

западного берега. Все жители деревень, настоятели храмов, жрецы и народ погибли от меча или от огня. Обломки стен, камни, священные алтари, изуродованные и окровавленные трупы были похожи на остатки винограда, которые давит страшный пресс».

Оставшиеся в живых были обращены в рабство. Те из них, которые не хотели покоряться, ушли в западные, гористые части острова. «Остальные же переправились в Галлию через океан, в западную часть Арморики, которую населяли их предки и где жили еще люди той же расы, говорившие на том же языке. Во время своего переезда они пели под своими парусами с громкими стенаниями: “Господи, Ты отдал нас, как овец для пиршества, Ты рассеял нас среди народов!”».

Саксы, подчинив себе почти всю нынешнюю Великобританию, не оставили в покое тех бриттов, которые удалились в Уэльс и Корнуэльс. Борьба продолжилась. Барды по-прежнему пользовались большим уважением в народе. Предмет их песнопений был тот же: они восхваляли и прославляли правителей героической эпохи. Но эти герои стали постепенно менять свой характер. В эпохи, подобные той, которую переживали бритты, народ особенно дорожит славным прошлым и, благоговей перед ним, неустанно украшает его всеми цветами своего поэтического воображения. Чем более протекало времени, тем более теряли герои человеческий облик и превращались в какие-то сверхъестественные существа. Христианство, все более и более проникая в жизнь, наложило на героическую поэзию свой собственный отпечаток, привнесло в нее свои элементы. Так из разнородных элементов сложился бретонский цикл, в котором опозитизированный Артур становится центральной фигурой. Все главнейшие элементы легенды о короле Артуре мы встречаем уже собранными в латинской хронике Ненния⁵⁰, написанной в IX веке.

Норманны, утвердившись в начале X века в Северной Франции, овладели и Бретанью, а во второй половине XI века покорили Англию. Это сближение норманнов с бриттами содействовало распространению среди французов бретонских легенд и поэзии бардов. Древние кельтские саги стали распеваться жонглерами; в то же время эти саги получили твердую и определенную форму в латинских хрониках. Осо-

бенно замечательно в этом отношении XII столетие. Именно в это время бенедиктинский монах из Уэльса Гальфрид Монмутский⁵¹ написал свою «Историю бриттов»⁵², которой суждено было повлиять на средневековую поэзию. История Гальфрида представляла собой, в сущности, вольное переложение хроники Ненния⁵³. Эта «История» несколько раз переводилась на французский язык и вызвала во Франции множество подражаний.

Таким образом, поэзия бардов проникала во Францию двумя путями: один из них пролагался хроникой Монмута — так, между прочим, возник «Роман о Бруте», написанный норманнским поэтом Васом⁵⁴; другой — расчищался по-прежнему жонглерами и труверами, которые охотно черпали свои сюжеты из богатой сокровищницы мифов о короле Артуре и его сподвижниках, заседавших за Круглым столом этого короля. Круглый стол помимо своих волшебных свойств был удобен еще в том отношении, что устранял всякие споры из-за мест: здесь все были равны.

Название «Романа о Бруте» объясняется следующим образом. После Энея, основавшего свое царство в Италии, на престол вступил его сын Асканий. У него был сын Брут, который имел несчастье застрелить на охоте отца. Он бежал в Грецию, собрал вокруг себя рассеянных до того времени троянцев и освободил их от греческого ига. Женившись на дочери побежденного им греческого короля, Брут спросил богиню Диану, где основать ему королевство. Диана указала ему на остров, расположенный за Галлией. В тридцать дней достигает Брут берегов Африки, проезжает через Геркулесовы столбы и, совершив целый ряд подвигов, прибывает, наконец, в Альбион. Здесь он основывает город Триновант, или Новую Трою (Troja nova, потом — Lud, Londunum, Лондон). По имени Брута остров стал называться Британией, а население его — бриттами. Таким образом, король Артур происходит от воспетого Вергилием Энея.

«Роман о Бруте» начинается с рассказа о рождении короля Артура, который с пятнадцатилетнего возраста начинает совершать подвиги: он покоряет множество земель и истребляет великанов. Ему покоряются Ирландия, Дания, Норвегия, Франция и даже Италия. В этих мнимых завоеваниях Арту-

ра как будто сказалось воспоминание об Александре Великом. Другая сторона его деятельности напоминает нам Тезея: он очищает землю на огромном пространстве от великанов и всякого рода чудовищ. Он вооружен магическим копьем, Калибурном, которое подарили ему феи острова Авалона, и щитом, на котором находится изображение Девы Марии. Его военный крик: «Да поможет Бог и Святая Мария!»

Вас изображает короля Артура в его резиденции, Карлионе уэльском. В большие праздники собираются при его дворе, участвуют в устраиваемых им турнирах лучшие из королей, баронов и рыцарей Европы: все они относятся к Артуру как к величайшему из существовавших когда-либо на земле монархов. Затем поэт перечисляет нам его придворных и говорит: «Для них-то он учредил военный орден Круглого стола, о котором бретонцы передают много всяких басен. Все рыцари были равны между собой, несмотря ни на свое положение при дворе, ни на свой титул; всем им прислуживали за столом совершенно одинаковым образом; никто из них не мог похвастаться тем, что занимает за столом лучшее место, чем его сосед; между ними нет ни первого, ни последнего. Не было ни шотландца, ни бретонца, ни француза, ни норманна, ни анжуйца, ни фламандца, ни бургундца, ни лотарингца, ни одного вообще доброго рыцаря, откуда бы он ни происходил — с запада или с востока, который не счел бы своей обязанностью побывать при дворе короля Артура. Сюда приходили из всех стран рыцари, искавшие себе славы. Они являлись сюда и для того, чтобы определить здесь степень своей куртуазности, и для того, чтобы повидать королевство Артура, познакомиться с его баронами и получить богатые дары. Бедные люди любили Артура, богатые — воздавали ему большой почет; иноземные короли завидовали ему и боялись его: они боялись, что он завоеует, пожалуй, весь свет и лишит их самих королевского достоинства». Но и эта блестящая картина имеет свои тени; и у короля Артура есть враги — и даже среди близких ему людей.

Несчастья начинают раздражаться над головой героя непосредственно за его блестящими победами. Победив великана и римлян, торжествующий Артур возвращается к себе домой и узнает по дороге, что ему изменил племянник Мордред, что

он овладел и сердцем его жены, и его царством. Артур разбил Мордреда в сражение, но племянник не пожелал сдаться. Происходит вторая битва; в этом сражении пали почти все предводители обеих сторон и получил смертельные раны сам Артур. Казалось бы, что на этом и должна окончиться поэма, но дело обстоит иначе. Неожиданно Артур обретает бессмертие. Когда он упал раненый на землю, его подняли таинственные духи и унесли на остров Авалон, откуда он снова возвращается в мир людей.

Даже в самых кратких указаниях на короля Артура рядом с его именем упоминается имя волшебника Мерлина. Древнейшая из легенд о Мерлине излагается Васом в том же самом романе о Бруте. Содержание этой легенды, которую излагали и другие авторы, сводится в общих чертах к следующему. Мерлин — сын монахини и воздушного духа. Король саксов Вортигерн хочет, по совету гадалей и звездочетов, принести его в жертву богам, чтобы закрепить постройку создаваемой им крепости, над которой он трудится долго и напрасно. Мерлин, хотя и мальчик по виду, обнаруживает такие свойства, которыми не обладает ни один из королевских гадалей. «Вы желаете узнать, государь, — говорит он, — отчего разрушаются стены вашей башни? Если вы хотите, я скажу вам это. Знаете ли вы, что под этой башней есть большое подземное озеро? А под водой лежат два дракона: один из них белый, другой — красный. На каждом из них лежит по большому тяжелому камню. Но камни эти несколько их не беспокоят: так велики и сильны эти чудовища. Но когда на заложенном тобой фундаменте воздвигаются башенные стены, они начинают сильно давить на воду, а вода давит на драконов. Тогда драконы начинают поворачиваться и производят этим сильное волнение на озере: земля колеблется, и стены твоей башни рушатся. Теперь, государь, прикажите рыть землю под башней и казните меня, если слова мои не оправдаются на деле». Все, сказанное Мерлином, подтвердилось фактами. Оправдалось на деле и предсказание Мерлина о скорой смерти Вортигерна. «Не думай, — говорил ему Мерлин, — что построенная тобой башня спасет тебя от смерти». Вортигерн был сожжен в своей же собственной башне, и бритты, которыми он правил насильственно и не по праву, освободились

от тирана. После этого Мерлин оказывал всевозможные услуги королям бриттов: Пендрагону, Утеру, и в особенности сыну последнего, знаменитому Артуру. Он помогал Артуру в его первом поединке, содействовал ему в приобретении волшебного меча, ради Артура он превращался и в жонглера, и в отшельника, и в старца, и в карлика, и даже в оленя. Мерлин присутствовал и при дворе короля, в кругу его блестящих рыцарей. Но потом он покинул королевский двор. Дело в том, что он полюбил красавицу Вивиану, жившую при дворе Артура, и как только красавица эта удалась от блестящего общества славного короля, Мерлин последовал за ней.

Роман Васа сам по себе еще не может быть отнесен к романам Круглого стола, но в нем имеются налицо те главные элементы, которые вошли потом в эти романы. Как и следовало ожидать, труверы, ухватившись за прекрасные сюжеты, которые представляют сказания об Артуре и волшебнике Мерлине, переделали их на свой лад. Сотрапезники Артура превратились у них в рыцарей, знакомых со всеми правилами куртуазии; эти рыцари действовали и говорили, как действовали и говорили французские бароны XII века.

Большое значение в истории развития поэзии бретонского цикла имели Роберт де Борон⁵⁵ и Кретъен де Труа⁵⁶, деятельность которых относится к XII столетию. Роберт де Борон написал большую поэму, не дошедшую, к сожалению, до нас в полном виде. Наиболее, впрочем, интересной для нас является сохранившаяся целиком первая часть поэмы, так как в ней мы встречаемся впервые со сказанием о Св. Граале, которое в бретонских романах сплетается обыкновенно со сказаниями о короле Артуре, волшебнике Мерлине, феях и всякого рода волшебниках и волшебницах*. Она открывается рассказом об искуплении, которое автор рассматривает как освобождение от власти дьявола. Затем роман повествует о предательстве Иуды и Тайной вечере.

Иисуса увели. В доме Симона, где он в последний раз беседовал со своими учениками, остался сосуд, в котором Хри-

* Мы пользуемся пересказом русского ученого-исследователя Дашкевича, помещенным в его книге «Сказание о Св. Граале», Киев, 1877.

стос священнодействовал. Один из евреев унес сосуд и отдал его потом Пилату.

У правителя Иудеи состоял на службе *chevalier*⁵⁷ по имени Иосиф. Он видел много раз Иисуса и полюбил его. Присутствуя на совещании иудеев, замышлявших погубить Богочеловека, Иосиф не осмелился противоречить им. Но, узнавши о смерти Иисуса, он решился в глубокой скорби спасти от поругания хотя бездыханное Тело Его. Явившись к Пилату, он напомнил ему о своей службе и попросил в награду Тело Распятого. Удивленный правитель тотчас же согласился исполнить его просьбу. Иудеи не позволяли, однако, снять Тело Иисусово и ушли от креста только после того, как Иосиф явился вторично — уже в сопровождении Никодима, посланного Пилатом.

Иосиф принял в свои руки Святое Тело и тихо положил его на землю. Омывая Его, он заметил кровь, струившуюся из ран, и ужаснулся, вспомнив, что ею был рассечен камень, находившийся у подножия креста. Иосифу пришел на мысль сосуд Тайной вечери, который перед тем был отдан ему Пилатом, и благочестивый муж нашел, что каплям божественной крови наиприличнее было поместиться в этом сосуде. Иосиф взял сосуд и собрал в него кровь из язв на ногах, руках и боку. После этого, обвинивши Тело Иисуса богатой тканью, положил его в приготовленную для себя гробницу.

Весть о воскресении Христа смутила иудеев, и они решили предать смерти Иосифа и Никодима, которых считали виновниками потери Иисуса. Предупрежденный Никодим успел скрыться, Иосиф же был схвачен в постели, жестоко избит и потом заключен в принадлежавшую Каиафе темницу, которую так закрыли, что башня казалась снаружи каменным столбом. Никто не знал, что случилось с Иосифом. Что касается Пилата, то он был сильно раздражен и огорчен его исчезновением, потому что не имел около себя ни лучшего друга, ни столь прямодушного и храброго человека.

Казалось, что все было кончено для Иосифа. Но истинные друзья познаются в несчастьи, и Иосиф не был забыт Тем, за кого потерпел. Иисус явился к нему в темнице и принес сосуд, содержащий Божественную кровь. Увидевши свет, Иосиф возрадовался сердцем, исполнился благодати Св. Духа и воскликнул:

— Всемогущий Боже! Откуда может происходить этот свет, как не от Тебя?

— Иосиф, Иосиф! — сказал Иисус. — Не смущайся, тебя спасет сила Моего Отца.

— Кто Ты, говорящий со мною? Мой ослепленный взор не может узнать тебя.

Тогда Иисус рассказал все, сделанное им для человеческого рода.

— Как, Господи? — спросил Иосиф. — Так ты — Иисус Назарянин, сын Марии, Тот, которого Иуда предал за тридцать сребреников, которого распяли иудеи и которого я положил в своей гробнице?

— Я тот самый, — отвечал Иисус.

— О, благий Господи! Сжался надо мной! Я заключен сюда ради Тебя и всегда много любил Тебя, хотя не осмеливался сказать Тебе этого, боясь, что Ты не поверишь мне, так как я пребывал в обществе искавших Тебе смерти.

— Мой друг остается добрым и с моими врагами, — отвечал Иисус, — и ты можешь видеть это на себе. Ты был моим другом, и я хорошо знал тебя и оставил тебя среди них потому, что предвидел, что ты поможешь мне там, где не осмелятся помочь мои ученики, и ты это сделал из любви к моему Отцу, Который даровал тебе волю и силу для такого служения и оставил тебя служить Пилату, столь любившему тебя, что я был отдан тебе и остаюсь твоим.

— О, Господи! не говори мне, что Ты — мой!

— Так, Иосиф, — возразил Иисус, — принадлежу всем добрым, и все добрые — мне. И знаешь ли, что ты приобрел тем, что я был тебе дарован? Ты возымеешь непрестанную радость, когда окончишь жизнь на земле. Я не привел сюда ни одного из своих учеников, потому что никто из них не ведает о нашей любви. Знай, что она будет явственна для всех и опасна для неверящих. Ты будешь обладать памятником моей смерти, а после тебя — те, которым ты его вверишь. Вот он.

И Иисус вручил Иосифу драгоценный сосуд с кровью, собранной Иосифом, который скрыл было этот сосуд в тайном, ему одному известном месте своего дома.

Иосиф пал на колена, возблагодарил, но указывал на свое недостойнство. Спаситель повелел, однако, взять Грааль и хра-

нить его. Грааль должен был иметь трех хранителей. Потом Иисус возвестил, что никогда таинство не будет совершаться без того, чтобы не вспоминался подвиг Иосифа. Дело Иосифа будет представляться взорам христиан, пока будет стоять вселенная. Иисус сообщил затем какие-то таинственные слова, которых поэт не передает. В конце Спаситель сказал:

— Всякий раз, как ты будешь нуждаться, проси совета у трех сил, составляющих одно, и у Девы, носившей Сына, и ты будешь иметь совет в своем сердце, потому что в тебе будет говорить Св. Дух. Я не вывожу тебя теперь отсюда, потому что не наступило еще время, и ты останешься в этой темнице, в которой будет пребывать такой же мрак, какой был в ней, когда ты был в нее ввергнут. Не смущайся; твое освобождение будет принято за великое чудо неверующими, и ты расположишь к любви ко Мне своего освободителя.

Спаситель скрылся, а Иосиф остался в темнице. Мало-помалу о нем позабыли. Прошло много лет, хотя Иосиф не замечал того, так как годы казались ему часами.

Римский император, сын которого, Веспасиан, был болен проказой, узнал от одного путешественника о чудесах, какие творил некогда Иисус, умерщвленный иудеями при Пилате. Рассказ пилигрима был выслушан потом императорскими советниками, и в Иудею была отправлена комиссия для исследования обстоятельств смерти Пророка и для открытия чего-нибудь принадлежавшего ему.

Посланные императора успели разведать истину о смерти Иисуса. Им удалось также узнать, что у одной старушки хранился его образ. Она сначала запиралась в том, но потом созналась и так объяснила происхождение образа: «Я несла для продажи сделанный мною покров. Случилось так, что мне встретились ведшие Пророка. Руки у него были связаны; за ним шли все иудеи. Увидев меня, Пророк подозвал и просил утереть ему лицо ради Великого Бога. Я сделала это и отошла. Его увели, нанося ему побои. Пришедши домой и взглянув-ши на полотно, я увидела там отпечаток этого образа».

Вероника (так звали женщину, которой принадлежал образ) отправилась с императорскими посланными в Рим, и Веспасиан был мгновенно исцелен, как только увидел изображение.

Веспасиан задумал отомстить виновникам смерти исцелившего его Пророка* и прибыл в Иудею во главе огромного войска.

Обманутые заключением в темницу Пилата, иудеи откровенно рассказывали все подробности распятия Иисуса, обвиняя правителя в неверности императору. Каково же было их удивление, когда их схватили. На требование выдать Тело Иисусово иудеи отвечали, что оно было отдано Иосифу Аримафейскому и что если бы им был представлен этот последний, то и они возвратили бы Тело Иисуса. Многие из иудеев были казнены, а от остальных Веспасиан вновь потребовал выдачи Иисуса или же Иосифа.

Наконец один из иудеев согласился, под условием сохранения ему жизни, указать место, где заперли Иосифа.

Когда отвалили камень у входа в темницу, Веспасиан наклонился и воззвал Иосифа; ответа не было.

— Sire, — сказали ему бывшие с ним, — вы воображаете чудо, думая, что этот человек может быть еще жив.

— Я не поверю, что он мертв, пока не увижу его.

Он потребовал веревку, позвал еще несколько раз Иосифа и, не получивши ответа, спустился в темницу. Осмотревшись, он заметил в одном углу свет и направился туда. Иосиф поднялся навстречу к нему и назвал его по имени. Веспасиан удивился и воскликнул:

— Благословен Господь, спасший тебя, потому что один Он мог сделать это!

Веспасиан и Иосиф бросились друг к другу и поцеловались. На вопрос Веспасиана о том, кому он должен приписать свое исцеление, Иосиф произнес длинную речь, в которой изложил историю творения мира и человека, падения последнего и искупления, Веспасиан вполне убедился словами Иосифа и уверовал.

Когда увидели Иосифа оставшиеся вне темницы, они были изумлены, равно как и иудеи.

Иудея, указавшего место заключения Иосифа, посадили с семейством в лодку и пустили в море на волю Провидения.

* Так евангельские повествования, апокрифические рассказы и передаваемые историей события переплетаются с поэтическим вымыслом де Борона.

С остальными же иудеями Веспасиан «делал, что хотел». Он продавал их римлянам и уступал по 30 человек за один динарий.

Из самого пересказа легенды о Св. Граале легко усмотреть, что она зародилась на Востоке, в Святой земле. Сказание о Св. Граале не имеет, таким образом, кельтского или бретонского происхождения. Ее зерном является легенда об Иосифе Аримафейском. Легенда эта стала распространяться во Франции с того времени, как останки Иосифа Аримафейского были привезены сюда из Св. земли в царствование Карла Великого, а позже монахи Гластонберийского монастыря доставили их в Англию — приблизительно за сто лет до ее завоевания норманнами. Отсюда возникло сказание о путешествии Св. Иосифа Аримафейского в Англию и о его проповеди здесь; это сказание приписывает ему и само основание Гластонберийской обители. По другому сказанию, сам Иосиф не был в Англии, а послал туда своих родственников. Во всяком случае, авторы романов Круглого стола переплели легенду об Иосифе Аримафейском и Св. Граале с древними бретонскими сагами: так сложился разнородный материал романов Круглого стола.

Второй из названных нами писателей, Кретьен де Труа, является уже настоящим представителем поэзии бретонского цикла. Он написал, по просьбе графини Шампанской Марии, несколько романов. Мы остановим свое внимание в настоящем очерке только на романе «О рыцаре Льва»⁵⁸, так как знакомство с его содержанием может дать ясное представление о романах бретонского цикла светско-рыцарского характера.

В Троицын день король Артур находился со своим двором и рыцарями в городе Кардуэле. Поэт изображает рыцарей в обществе дам и девиц: одни из них говорят о любви, другие рассказывают о своих приключениях. Один из рыцарей по имени Калогренан рассказал о приключении, случившемся с ним семь лет тому назад и окончившемся не к чести для него. В брецилианском лесу он увидел великана, пасшего диких зверей — львов и леопардов. Он был весь черный и такого роста, который превышал вдвое обыкновенный человеческий рост. Он сидел на вершине горы. У него была только одна нога и один глаз, помещавшийся посреди лба. В его ру-

ках была железная палица, которую не могли бы поднять два человека. Вид его был безобразен. Этот великан сказал нашему рыцарю, что неподалеку находится чудесный фонтан. «Если ты, — прибавил он, — осмелишься зачерпнуть висящим около фонтана ковшом воду и нальешь ее на камень, начнется такая буря, что ты можешь считать себя храбрейшим рыцарем, если вынесешь ее». Жаждавший подвигов Калогренан пошел по указанию великана и скоро подошел к чудесному фонтану, над которым возвышалась прекрасная сосна. Бассейн фонтана был сделан из чистого золота, а расположенная около него площадка выложена изумрудами и рубинами. Калогренан зачерпнул воды в фонтане и вылил ее на площадку. Немедленно поднялась страшная буря, сопровождаемая дождем, градом, молнией и громовыми ударами. Но вот непогода улеглась, сосна покрылась птицами, распевавшими сладкие песни. Калогренан заслушался их поневоле. В это время появился откуда ни возьмись черный рыцарь, который с яростью накинулся на Калогренана, обвиняя его в том, что вызванная им буря разорила его лес и поколебала его дворец. Черный рыцарь победил Калогренана и оставил его в очень печальном положении.

Выслушав рассказ Калогренана, один из рыцарей по имени Ивейн заявил, что он отомстит неизвестному рыцарю за обиду, нанесенную Калогренану. «Клянусь головой! — воскликнул Ивейн. — Я отомщу за ваш позор!»

Пришел сам король Артур и, узнав о предполагаемом предприятии Ивейна, сказал, что сам пойдет посмотреть на волшебный фонтан в сопровождении всех своих рыцарей. Но Ивейн, боясь, что кто-нибудь вырвет из его рук прекрасный повод отличиться, а потому не простившись ни с кем, поспешил к волшебному фонтану. Он, как и Калогренан, вызвал бурю и сразился в поединке с черным рыцарем, но победил его, нанеся ему смертельную рану и, увлекшись преследованием побежденного, проникнул в его замок. Когда Ивейн въехал во двор замка, ворота быстро захлопнулись и убили его коня. Таким образом, Ивейн очутился в положении пленника и был бы непременно убит, если бы его не выручила молодая служанка Люнетта, когда-то бывшая в качестве посланницы при дворе короля Артура и отлично при-

нятая там: она дала Ивейну волшебное кольцо, которое делало его невидимым.

На похоронах черного рыцаря Ивейн, не будучи сам видимым, увидел вдову погибшего рыцаря и влюбился в нее. Благожелательная к Ивейну Люнетта взялась устроить брак между ним и прекрасной вдовой

— Madame, — сказала она раз своей госпоже, — я удивляюсь, видя, как вы сокрушаетесь; неужели вы думаете, что ваша скорбь возвратит вам вашего барона?

— Нет, — отвечала вдова, — но я желала бы умереть вместе с ним.

— Зачем? Бог защитит вас и даст вам другого сеньора, такого же сильного, каким был прежний.

— Бог не может дать мне такого, который был бы подобен умершему.

— Подобен умершему? Да если вам только угодно получить его, я дам вам его; за это я могу поручиться.

— Уйди прочь, замолчи! Я не найду себе такого же мужа.

— Конечно, не найдете, если не пожелаете найти. Но скажите мне, пожалуйста, кто защитит вашу землю, когда на следующей неделе придет к фонтану король Артур? Вы должны были бы подумать о том, как защитить свой фонтан, а вы между тем не перестаете плакать! Дорогая моя дама, времени терять нечего. Я, ваша бедная камеристка, не могу равняться силами с рыцарями; вы отлично знаете это.

Дама отлично сознает, что совет Люнетты хорош, но у нее то же безумие, которым страдают все дамы; все они действуют, как одна: отговариваются своей слабостью и отказываются сделать то, чего желают*.

— Уйди, — сказала она, — не говори со мной больше ни слова; если же ты станешь еще раз говорить об этом, я прогоню тебя; твоя болтовня наскучила мне.

— Как угодно, madame, — отвечала служанка, — по всему видно, что вы — женщина, так как вы сердитесь на тех, кто хочет оказать вам услугу.

Она вышла и оставила свою госпожу в одиночестве. Последняя скоро успокоилась и даже подумала про себя, не сле-

* Мы передаем здесь только мнение трувера.

лала ли она глупости, выпроводив служанку? Ей очень хотелось теперь узнать у Люнетты, как она могла бы доказать ей на деле то самое, о чем говорила на словах. Размышляя таким образом, она стала ждать возвращения своей служанки.

Люнетта не заставила себя ждать слишком долго.

— Madame, — сказала она, входя в ее комнату, — хорошо ли, что вы убиваете себя своей печалью? Вы забываете о своей замечательной красоте. Неужели вы думаете, что всякая удаль на свете умерла вместе с вашим сеньором? Можно найти сотню не только таких, но и лучше него.

— Да поразит тебя Господь, если ты обманываешь меня. Назови же мне хоть одного.

— Вы не поблагодарите меня за это, а может быть, еще и рассердитесь.

— Я ничего не сделаю тебе, уверяю тебя.

— Ну, вот и хорошо! Скажите мне, пожалуйста, когда бьются двое рыцарей и один из них побеждает другого — который из них сильнее? Я отдала бы предпочтение победителю, а вы?

— Мне кажется, что ты строишь мне западню и хочешь поймать меня на слове.

— Напротив, я веду вас прямо к цели: ведь должны же вы признать, что победитель вашего мужа был сильнее его?

— Я еще никогда не слыхала таких безумных речей. Уходи, злая! Уходи прочь, безумная, не показывайся мне больше на глаза!

— Я хорошо знала, madame, что слова мои вам не понравятся; я сказала вам об этом с самого начала. Но вы обещали не сердиться на меня и не сдержали своих слов.

Сказав это, Люнетта вышла. Но она вернулась на следующее утро и возобновила прерванный разговор. Дама сидела, склонив голову; она хорошо сознавала, что поступила дурно, выбрав девушку. Она как умная женщина смирилась и сказала своей служанке:

— Я хочу попросить у вас прощения за оскорбительные выражения, которые я употребила по отношению к вам. Знаете ли вы сами рыцаря, о котором говорили мне? Что это за человек? Из какой он народности? Достоин ли меня?

— Он достоин вас, madame, клянусь вам Господом! У вас будет премилый сеньор и самый чистосердечный, самый красивый из всех потомков Авеля.

— Как зовут его?

— Сеньор Ивейн.

— В самом деле? Это имя не мужицкое. Ивейн — франк, я хорошо это знаю; он — сын короля Уриена.

— Совершенно верно, madame.

— Но когда же мы можем увидеть его?

— Через пять дней.

— Ах, это ужасно долго! Я бы очень желала видеть его здесь в настоящее время. Пусть придет сегодня вечером или завтра, если это возможно.

— Madame, я не думаю, чтобы могла даже птица пролететь в один день такое далекое расстояние. Но я пошлю одного мальчика, который ходит очень быстро: он будет при дворе Артура завтра вечером.

— Этот срок очень долог! Скажите ему, чтобы он прибыл сюда завтра или даже раньше, если это возможно. Если он поторопится, он может пройти в один день вдвое больше обыкновенного; ведь день долог, а он может сделать день из ночи: луна светит ярко. Когда он вернется сюда, я дам ему все, чего он только пожелает. Но что же вы стоите здесь? Ступайте, не мешкайте, приведите его ко мне.

Люнетта сделала вид, что она отправила посланного на поиски за сеньором Ивейном, а через день привела его утром за руку к своей госпоже. Он дрожал и не смел приблизиться к даме. Первая заговорила служанка:

— Хорош рыцарь, который входит в комнату прекрасной дамы, но не отваживается приблизиться к ней и ничего не говорит ей. — С этими словами она потащила его за собой, приговаривая: — Подойдите же, рыцарь! Или вы, может быть, боитесь, что моя госпожа вас укусит? Просите у нее прощения за смерть того, кто был ее сеньором.

Сеньор Ивейн сложил руки, опустился на колени и сказал:

— Madame! Я не буду просить прощения у вас, но заранее прощаю вас за все обиды, которые вам будет угодно нанести мне.

Дама оценила застенчивость рыцаря и объявила, что охотно прощает его. Язык у Ивейна развязался — во всяком случае, изъясняясь в своей любви, он произнес целый ораторский монолог, занимающий в романе около ста стихов. Знакомство их закончилось, как и следовало ожидать, свадьбой, но роман не оканчивается на этом.

Рыцарь Ивейн стал защитником чудесного фонтана и побивал всякого, кто лил из него воду на площадку и тем вызывал в лесу страшную бурю. Тем временем Артур отправился вместе с рыцарями искать пропавшего без вести Ивейна. Он пришел к волшебному фонтану и вылил зачерпнутую из него воду на чудесную площадку. Произошел обычный эффект. На место происшествия сейчас же явился Ивейн. Никто из товарищей не мог узнать его, так как он весь был покрыт вооружением. Он легко победил вышедшего на бой рыцаря Кекса, обезоружил его и только после этого открылся Артуру и своим бывшим сотрапезникам. Конечно, он не преминул рассказать свою историю и пригласил короля Артура погостить в его замке.

Пока Ивейн забавлял своих гостей различными празднествами, они соблазняли его, уговаривая, чтобы он покинул волшебный фонтан и вернулся с ними к Круглому столу. Ивейн не пожелал отстать от их рыцарских подвигов и уехал вместе с ними, обещая своей прекрасной супруге вернуться через год. На прощание прекрасная супруга подарила отъезжающему мужу волшебный перстень, обладавший силой открывать темницы.

Ивейн проливал слезы, но, вернувшись к прежней жизни, он позабыл об обещании, данном супруге. Последняя была так возмущена поведением мужа, что послала ему формальное запрещение являться к ней на глаза. Это запрещение привело Ивейна в настоящее отчаяние. Он покинул блестящее общество Круглого стола и убежал в пустыню, где бродил, как безумный, питаясь сырым мясом. Но рассудка он не потерял — его спасли три дамы, лечившие от безумного отчаяния какой-то таинственной мазью. Ведя бродячую жизнь, полную всяких неожиданностей и приключений, он направляет деятельность на защиту всех слабых, всех невинных и обижаемых существ. Убежав от людей, он нашел себе

друга в царстве животных. Раз он увидел льва в самом ужасном положении: вокруг него крепко обвилась змея, готовая его задушить. Ивейн и здесь явился защитником страдальца: он убил змею. Лев оказался существом в высшей степени благодарным. Он склонил голову перед Ивейном, как вассал перед сеньором, опустил перед ним на задние лапы, протянул ему, как руки, передние лапы и оросил лицо рыцаря слезами благодарности. Не довольствуясь этим, лев стал всюду следовать за своим избавителем, как разумное существо: охотился для него, исполнял обязанности оруженосца и сторожил его ночной покой. По этой причине Ивейн и получил прозвище рыцаря Льва. Слава об его героизме распространилась во все стороны. Между прочими подвигами он освобождает Люнетту, сразившись за нее в судебном поединке, и наконец приезжает к фонтану и льет воду на камень. Никакой рыцарь не появился на этот вызов, чтобы сражаться с ним, и это значит, что супруга не изменила ему. По совету все той же Люнетты она решает примириться с мужем, рыцарем Льва, и роман оканчивается радостным воссоединением супругов.

Этот роман представляет собою не что иное, как развитие бретонской сказки об Овене. Важнейшие различия между ним и источником сводятся к следующему. В романе «встречаются большие лирические отступления, состоящие в жалобах на свое время, также больше роскоши в фантазии, больше чудесного, менее сказочных преувеличений (Ивейн побивает не всех рыцарей Артура, как в сказке об Овене, а только одного Кекса), больше искусственности, больше знания человеческого сердца и больше желания останавливаться на его движениях. В последнем отношении особенно замечательны переговоры дамы с Люнеттой после смерти Черного рыцаря»*.

Сопоставляя указанный здесь роман о рыцаре Льва с поэмой о Рауле Камбре, мы легко усмотрим различие между поэмами французского цикла и романами Круглого стола. В последних нет той суровости, которая резко проступает в поэмах французского цикла. Ее место занимают галантность и кур-

* Цитата взята из сочинения проф. Кирничникова «Очерки из истории средневековой литературы», М., 1869.

туазия. В романах, если угодно, больше альтруизма: герои борются не только для того, чтобы одолеть своего врага, но и для восстановления чьего-либо нарушенного права, для защиты той или другой страдающей личности. В романах значительно более развит элемент психологический: обособившаяся человеческая личность привлекает к себе особенное внимание труверов. Но рядом с этим здесь нет той непосредственности, того пыла, которыми отличались *chansons de geste*. Мы говорили уже о чудесном, о волшебном элементе как о начале, чуждом *chansons de geste* и отличающем от них романы или поэмы бретонского цикла. Само христианство принимает в последних какой-то новый, мистический отпечаток; припомним роман об Иосифе Аримафейском.

Из романов Кретьена де Труа, в которых нераздельно слились светский и духовный элементы, особенно выдается его роман о Персевале, к сожалению не оконченный автором. В его основе, как и в основе романа о рыцаре Льва, лежит одна из бретонских сказок, а именно — сказка о Передуре, или волшебном фонтане, но с ней слилась христианская легенда — та самая легенда, с первоначальным видом которой мы познакомились из пересказа поэмы де Борона об Иосифе Аримафейском. С Персевалем же, или Парцифалем, мы познакомимся из подробного пересказа лучшей поэмы Вольфрама фон Эшенбаха, посвященной этому герою.

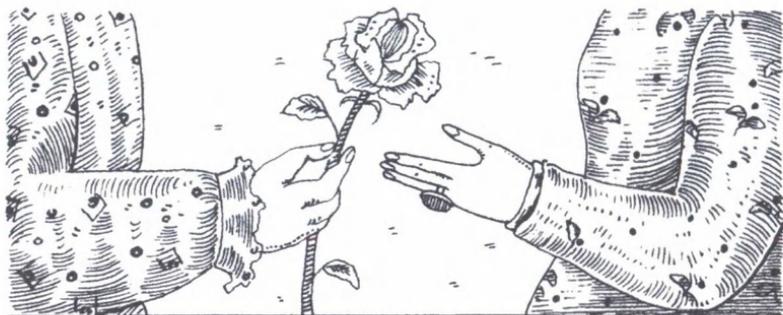
Самый популярный из романов Круглого стола — роман о Тристане и Изольде; с его содержанием мы познакомимся в пересказе поэмы Готфрида Страсбургского, прекрасно развившего этот интересный сюжет.

Уже одни немецкие имена двух только что упомянутых нами поэтов, заимствовавших сюжеты для своих произведений из Франции, свидетельствуют о том влиянии, какое романы Круглого стола имели на Германию. Но влияние это не ограничивалось только одной Германией, оно проникло и в другие земли Западной Европы. Так поэзия, великая и благотворная сила человеческого духа, сближала между собой различные народности.

Миннезингеры

Миннезингеры и судьба миннезанга

После сказанного уже нами о трубадурах и труверах по миннезингерах говорить придется немного. «Любовь и поэзия, — говорит один из немецких исследователей, — прекраснейшие цветы на человеческом древе жизни. Они пробудились к жизни сияющей солнцем весной — в богатый песнями период времени, обнимающий собой XII и XIII столетия, тот период, который обозначается в истории литературы именем “периода швабской поэзии”, “золотого периода рыцарско-романтической поэзии”, “периода романтического миннезанга” или коротко и ясно — “периода миннезингеров”»*.

Под «миннезангом» (Minnesang) разумеется искусственная, рыцарская, преимущественно лирическая поэзия, процветавшая в Германии в блестящую эпоху Гогенштауфенов⁵⁹, ей покровительствовавших. Она развилась под влиянием

* Ludwig Bechstein в издании «Geschichte und Gedichte des Minnesängers Otto von Bottenlauben», Leipzig, 1845. (Людвиг Бехштейн (1801—1860) — немецкий писатель и поэт, составитель сборников народных сказок. — Прим. ред.)

различных обстоятельств. Могучее влияние оказали на нее трубадуры и труверы, фантастические сказания Востока, занесенные в Германию при посредстве Крестовых походов, наконец — подъем народного духа, стремление к поэзии и песне, естественно проявившееся в определенный период народной жизни. Предметом песнопений в такую пору является прежде всего любовь. Под «миннезангом» разумеется прежде всего поэзия любви. Певцы же периода миннезанга назывались миннезингерами.

Мы говорили, что поэзия трубадуров не служила только одной любви; то же самое приходится сказать и о миннезингерах. Миннезингеры отзывались и на современные политические события, прославляли князей, выражали в своих произведениях религиозные чувства и призывали к участию в Крестовых походах. Была и другая струя: подобно трубадурам и труверам, они нападали на современное им общество и на отдельных лиц за их недостатки и пороки, не разбирая положения, какое лица эти занимали на различных ступенях общества. Пробивалось в них ясным ключом и национальное чувство.

Если любовь не была единственным предметом их песнопений, то и лирика не была единственной формой их поэзии. Миннезингеры отдавали свои силы и на служение эпосу, но их эпос живо изобличал лирическую природу своих творцов. Наглядным примером послужит нам в этом отношении поэзия Вольфрама фон Эшенбаха.

Лирика эпохи миннезанга еще в большей степени, чем эпос, составляла принадлежность рыцарского сословия. Среди поэтов было много владетельных особ и даже императоры. Приводим здесь в вольном переводе одно из двух дошедших до нас стихотворений императора Генриха VI:

Я приветствую милую песней своей,
 Я не в силах уж больше страдать;
 Закатились те дни, когда мог перед ней
 Свои песни я сам распевать!
 Как уныло кругом, как печалюся я!
 Если встретится нам дорогая моя,
 Передайте привет от меня.
 Когда с нею я был, я властителем был

Необъятных сокровищ и стран,
 А теперь нет ее, след прекрасный простыл —
 Все рассеялось, словно туман.
 Лишь печаль разрастается в сердце моем:
 То я в счастья живу, то я плачу по нем,
 И все близится гроб с каждым днем.
 Всей душою люблю свою милую я,
 И корона повсюду со мной —
 Обе в сердце моем, на уме у меня,
 Но мне тяжко с короной одной.
 Нет, я радость одну бесконечно ценю —
 Радость с милою жить, и за ту, что люблю,
 Я бы отдал корону свою.
 Кто не станет мне верить, тот станет грешить.
 Я бы с милой, блаженствуя, жил
 Без короны своей, а без милой прожить
 Не могу я на свете, нет сил.
 Что останется мне без нее, дорогой?
 Никому не желаю я доли такой:
 Лучше ведать в изгнании покой!

Так как мы уже знакомы с трубадурами, то лучше всего характеризовать немецких певцов любви, сопоставляя их с поэтами Прованса. Первоначальная рыцарская поэзия немцев носит на себе следы самобытного происхождения. Она далека в эту пору от провансальской лирики, так как воспевает не утонченную, не условную, искусственную любовь, подчиняющуюся известным правилам и порядку, а простое, здоровое, вполне реальное чувство.

Но с течением времени утонченность, выработанная в Южной Франции, проникает и сюда. Лирическая поэзия немцев из оригинальной превращается в подражательную. Живое, человеческое чувство превращается в «служение дамам». И сама форма произведений соответственно содержанию меняет свой характер.

Стихотворные размеры становятся чрезвычайно разнообразными, рифма достигает своего высшего развития. Но, сделавшись подражательной, любовная лирика немцев навсегда сохранила известную индивидуальность, только ей свойственную. Прежде всего, любовь, воспеваемая миннезингерами, отличается большей скромностью и носит на се-

бе следы идеализма, так долго отличавшего немцев от других западноевропейских наций. В их любви есть что-то светлое, мечтательное, возвышенное. В этой ее особенности сказался во всей полноте исторически выработавшийся характер немецкого народа.

«Рыцарская поэзия в Германии, — по словам проф. Кирпичникова, — не могла назваться веселым искусством (*gai saber*), так как немецкая натура сейчас же сказала в обработке мотивов печальных, трагичных. В трубадурах жизнь бьет ключом; они наслаждаются ею без оглядки, довольные собой и всем окружающим; даже в песне, воспевающей безнадешную любовь к высокопоставленной красавице, сквозит самодовольная улыбка ограниченного, но уверенного в себе романца, сына кроткой, услужливой природы. В песне миннезингера перед нами северный человек, вдумчивый, склонный к уничтожающей всякую полную радость рефлексии, ищущий темных сторон и в наслаждении, человек, у которого моменты увлечения жизнью сменяются часами горького презрения к ней».

Приведенная характеристика является удачным обобщением, но и она допускает исключения. Такое исключение представляет, например, старейший из немецких миннезингеров Генрих фон Фельдеке⁶⁰. Своей беззаботностью и весельем он сильно напоминает трубадуров. Его мировоззрение светло. Он хвалит каждого человека, который умеет быть счастливым, не теряя своей чести, и нападает на тех завистливых людей, сердца которых переполняются горечью при виде чужого счастья. Правда, и он, подобно всем средневековым поэтам, недоволен современностью, но это недовольство является естественной тенью его возвышенного взгляда на жизнь. Любовь в его представлении связывается с честью, и разрыв между ними сулит всякие беды.

Стремясь к истинной любви,
Стремилась к чести в то же время;
Теперь пороки расцвели —
Иное народилось племя.
Кто знает то, чего уж нет,
И то, что есть, тот чаёт бед,
Выносит опасений бремя.

Любовь представляется поэту настолько светлым чувством, что никакие страдания и тревоги не в состоянии омрачить ее. Счастлив тот, кто любит, не опасаясь страданий, так как сердце, испытавшее истинную любовь, способно на все лучшее.

Кто, о любви мечтая, мог
Служить любви без опасений
Ее страданий и тревог,
Тот был счастливецом вне сомнений.
Все, что есть лучшего, все в ней...
Что с жизнью случилось бы моей,
Не знай и я любви волнений?

Неизбежные страдания любви ослабляет своими могучими силами природа. Разлука с возлюбленной теряет для Фельдеке острый характер, когда он слышит пение птишек и видит перед собой деревья в цвету.

Характерной чертой миннезингеров является их религиозность. Трубадуры, подобно древним эллинам, слишком любили земную жизнь с ее радостями и даже страданиями, чтобы мечтать о небесной. Если они и начинали мечтать о ней, то делали это обыкновенно на склоне лет, испив полную чашу житейских радостей. Южнофранцузский рыцарь, даже поселившись в стенах монастырской обители, оставался самим собой. Его не умеряли и не умиряли ни поэтические монастырские галереи, навевающие раздумье и светлую грусть, ни церковные службы с курящимся фимиамом, гармоническим пением братии и могучими, потрясающими до глубины души звуками органа, ни правильное, размеренное, спокойное течение монастырской жизни.

Перед нами два образчика таких рыцарей, изображенные в *chansons de geste*. Рыцарь Ренуар поступает в монастырь. До этого времени он еще ни разу не бывал в церкви, и все, что он видит в монастыре, приводит его в крайнее изумление. Все же он позволяет совершить над собой пострижение, облачается в монашескую рясу. Когда же аббат предписывает ему носить власяницу, поститься четыре дня в неделю и ходить каждую ночь к заутрене, Ренуар выходит из терпенья. Он заявляет своему духовному начальнику, что все это — вранье,

и клянется, что он будет есть, невзирая ни на какие уставы, хорошую дичь и жирных каплунов, а пить будет на свой лад и только в тех случаях, когда почувствует к этому охоту.

О другом рыцаре-монахе, Гильоме Курносом, рассказывается, что, поступив в монастырь, он сделался истинным страшилищем для всей братии. Чтобы избавиться от нежеланного монаха, аббат посылает его за рыбой, но считает нужным предупредить, что дорога лежит через лес, что в этом лесу он может встретить разбойников, которые станут отнимать у него монастырские деньги или припасы, купленные для обители. «Ладно, — ответил Гильом, — я сумею защитить себя: пойду, заберу на всякий случай свое оружие». — «Этого нельзя, — отвечал аббат. — Устав Св. Бенедикта воспрещает инокам употребление оружия». — «А если разбойники нападут на меня?» — спрашивает Гильом. «Вы должны, — отвечает аббат, — именем Господа просить их, чтобы они пощадили вас». — «А если они потребуют мою шубу, мою сорочку, мои сапоги?» — «Все это надо будет отдать им, сын мой», — отвечал смиренно аббат. «Да будет проклят ваш устав! — воскликнул тогда Гильом. — Я предпочитаю ему устав рыцарей: они сражаются с сарацинами и часто получают крещение в их крови, тогда как вы только и умеете пить да есть, голодать да спать».

В этих изображениях есть, конечно, ирония трувера по адресу монастырей, но есть и отражение житейской правды. В противоположность трубадурам немецкие лирики охотно применяли свои сложные метры к возвышенным религиозным сюжетам. Самая идеальность их отношений к женщине питалась в известной степени культом Девы Марии.

Наконец, различие между миннезингерами и трубадурами сказалось еще в отношении их к природе. Человек, избалованный постоянными красотами природы, привыкает к ним. Он начинает сознавать их только в том случае, если судьба забросит его в новую обстановку, под новое печальное, серое небо, в холодное и сырое место, с жалкой растительностью. Вот почему трубадуры и относились к природе более или менее равнодушно: они пользовались ее дарами, как дарами любящей матери, невольно заимствовали ее яркие краски для своей поэтической палитры, но все же они были не-

благодарными детьми. Иначе относится к природе тот, кого она не балует слишком много и даже подвергает тяжелым испытаниям. Трубадуры касаются природы только мимоходом; она служит иногда только рамкой для их произведений, суть дела не в ней. Множество произведений миннезингеров, напротив того, посвящены именно природе. Вполне подходящим примером может служить следующее небольшое стихотворение Генриха фон Фельдеке:

Лето прекрасное к нам собирается.
 Пташки все веселы в нашей стране;
 Пенье задорное их разливается,
 Песнями лето встречают оне,
 Вольно орлу по весне возрожденной
 Крыльями резать небес синеву!..
 Знайте, на липе, давно оголенной,
 Я подсмотрел молодую листву!

Национальная самобытность немецкой лирики всего лучше выражается в ее истории: подражательной и чисто искусственной она была недолго; вышедши из народного направления баварских и австрийских поэтов Кюренберга⁶¹, Дитмара фон Айста⁶² и др., она через одно, много — два поколения возвращается к нему в лице Нейдхарта⁶³, Тангейзера⁶⁴ и др. Да и в период подражательности лучшие из поэтов, как мы увидим из следующих очерков, представляли характерные черты истинно немецкого образа мыслей. Но так или иначе, каким бы путем ни пошла немецкая лирика любви, ей суждено было, как и всему живому в мире, отцвести и исчезнуть. Нейдхарт перенес служение дамам в крестьянскую среду, Тангейзер осмелял его. Наконец, Ульрих фон Лихтенштейн, оставшийся верным занесенному из Франции служению дамам, довел его своими пресловутыми подвигами и описанием их до абсурда.

Прежде чем обратить свое внимание еще на одну из ступеней, которую развивали миннезингеры, мы скажем несколько слов об Ульрихе фон Лихтенштейне и его поэзии. Ульрих фон Лихтенштейн жил во второй половине XII и первой половине XIII века. Его известное произведение «Служение женщине» представляет его автобиографию. Он решил по-

святить себя этому служению, еще будучи ребенком, когда ему приходилось слышать разговоры старших. Предметом своего служения он выбрал, как думают, герцогиню Меранскую, у которой состоял пажом. О подвигах, совершенных им в честь своей высокопоставленной и замужней дамы, он и рассказал в своем поэтическом произведении. Поступивши к ней на двенадцатом году в качестве пажа, он прожил близ нее в этом звании пять лет. Несмотря на сомнение, которое он испытывает по вопросу о том, не слишком ли она знатна для него, он начинает служить ей. Он приносит ей цветы и приходит в восторг, если рука дамы прикоснется к букету в том месте, где касалась букета его рука. Прислуживая ей за столом и подавая ей воду для умыванья рук, он с наслаждением выпивает эту воду после того, как дама вымыла в ней свои руки. Наступила для Ульриха неизбежная пора расстаться со своей дамой, но ее образ остается запечатленным в его сердце навсегда.

Получив посвящение в рыцари от герцога Леопольда Австрийского в 1222 или 1223 году, он решает провести свою жизнь в рыцарских подвигах в честь своей дамы. Он завязывает сношения с ней при посредстве одной из своих родственниц. Но ни убеждения последней, ни стихи Ульриха, посланные высокопоставленной даме, не производят на нее желаемого впечатления. Она отказывается дать свое согласие на служение со стороны Ульриха, так как считает это служение слишком высокой честью для него. При этом она проговаривается в разговоре с родственницей поэта, что у него чересчур безобразная губа. Недолго думая, Ульрих фон Лихтенштейн отправляется в Грец к хирургу, который и совершает над его губой операцию. Операция была настолько серьезной, что Ульрих проболел довольно много времени и не был в состоянии ни есть, ни пить. Но его не смутило это обстоятельство. «Мне было, — говорит он, — и очень тяжело, и очень хорошо: тяжело потому, что тело мое было изранено, хорошо же потому, что душа была здорова: меня принудила к этому любовь, и, хоть мне было тяжело, я был весел».

Все та же родственница поэта написала даме обо всем совершившемся и направила к ней новое стихотворение Ульриха, Дама согласилась повидать поэта и выслушать его. Об-

стоятельства были очень удобные. Ульрих был приглашен участвовать в поездке верхом, которую она предприняла, окруженная своим двором. Пять раз пытался наш несчастный поэт заговорить со своей дамой, но не мог: от робости его язык совершенно онемел. Но вот поездка окончилась, кавалькада подъехала к дому, в котором дама должна была переночевать. Наш рыцарь подошел к ее стремени. В присутствии толпы пажей и рыцарей она обратилась к Ульриху с насмешливыми словами: «Вы недостаточно сильны, чтобы помочь мне слезть с лошади». Над этой шуткой, по словам самого Ульриха, много смеялись. В довершение всего, слезая с лошади, она вцепилась в его волосы, как будто для того, чтобы удержать равновесие, и значительно сократила их количество. Это было сделано, прибавляет Ульрих, незаметно для других. Но он и сам не замечает, что над ним издеваются. На одном турнире он ломает в честь своей дамы сто копий, на другом получает рану в палец.

Случилось это в Триесте в 1227 году. Лечили палец дурно, и он совершенно омертвел. Когда дама усомнилась в действительности этого происшествия, Ульрих отрубил погибший палец и послал ей, сопроводив эту странную посылку стихотворным посланием. Увидев это нелепое доказательство любви, дама заявила, что никогда не ожидала подобного поступка от человека, располагающего пятью здоровыми чувствами. Несмотря на явные насмешки, Ульрих не прекратил своих диких походов. Так, например, он разъезжал, нарядившись Венерой, в сопровождении соответствующей свиты, и попирал при этом всякие правила чести и человеческое достоинство. Он очень подробно и с видимым удовольствием описывает свой женский наряд и наряды своих спутников, свои турниры, свои праздники, всю роскошь, которой он предавался, поскольку обладал лучшим состоянием⁶⁵.

Все это, конечно, глупо в высшей степени. Что должна была испытывать его жена, которую он навещал изредка во время своих дурачеств? К сожалению, мы ничего не знаем о ней. Все это совершалось не во имя рыцарской чести, не во имя чистой любви. Он надеялся, что так ему удастся сломить упорство дамы и добиться ответа на свою любовь. Нас

удивляет только то обстоятельство, что высокопоставленной даме не надоело наконец подшучивать над ним и тем еще более подзадоривать его. Она потребовала последнего испытания. Ульрих должен был вмешаться в толпу прокаженных, которые каждое воскресное утро собираются перед ее замком за милостыней. Ульрих согласился. Он добыл себе рублище и чашку прокаженных, окрасил волосы серой краской и засунул себе в рот корень, от которого лицо распухло и покрылось бледностью. В таком виде он в толпе прокаженных явился в назначенный день к замку и стал горько жаловаться на свою болезнь и нищету. Когда вынесли прокаженным пищу и питье, он подсел к ним и ел вместе с ними, с трудом преодолевая отвращение. Так, во всяком случае, рассказывает обо всем сам поэт в «Служении женщине».

Зная тот ужас, который возбуждали в то время прокаженные, мы не можем поверить этому рассказу. Вероятнее всего, те тридцать прокаженных, с которыми он явился к замку, были такими же ряжеными, каким был и он сам. Он разыгрывал роль Венеры, а теперь отлично разыграл роль прокаженного. И кстати, трудно предположить, чтобы герцогиня, дорожившая, надо полагать, здоровьем и красотой, могла допустить Ульриха после описанного случая в свою комнату. А между тем их свидание состоялось. Свидание это и началось, и окончилось при оригинальных обстоятельствах. Служанки обожаемой Ульрихом дамы втащили его ночью на простынях через окно в комнату госпожи. Конечно, к этому времени он совершенно преобразился и сбросил страшный наряд.

С увлечением описывает Ульрих фон Лихтенштейн свою прекрасную даму, ее чудный наряд, обстановку ее комнаты. Явившись перед ней, поэт стал на колени и начал умолять ее о любви. Дама, как и следовало ожидать, отвечала ему решительным отказом, но, видя упорство Ульриха, предложила ему дать ей еще одно доказательство своего расположения. Он должен был сесть на простыню, чтобы в таком положении его спустили из окна немного вниз по стене замка и потом втащили обратно. Дама подвела его к окну; он сел в простыню, и его стали опускать. Когда он стал требовать, чтобы его снова втащили наверх, дама стала говорить ему любезно-

сти и просить у него поцелуя. Услышав это, Лихтенштейн забыл все на свете, выпустил просынь из рук и полетел в замковый ров. Он лишился чувств и, конечно, сломал бы себе шею, если бы, как он говорит, Бог не принял его под свою защиту.

Несмотря на неудачи и насмешки, Ульрих фон Лихтенштейн совершал подвиги во славу своей дамы в продолжение целых трех лет. Наконец поведение дамы охлаждает поэта: он отказывается служить ей. Но, принимая во внимание, что «не следует жить без дамы и без любви», он выбирает себе новый предмет служения и совершает в честь новой дамы такие же глупости, какие совершал в честь прежней. Тогда он наряжался Венерой: носил тонкую рубашку, ослепительно-белый кафтан и мантию из белого бархата, на которой были вышиты золотом изображения зверей; на своих фальшивых косах, перевитых жемчужными нитями, он носил чепец, а сверх него надевал шляпу с павлиньим пером. Теперь он нарядился королем Артуром, окружил себя двенадцатью подобными себе чудаками, которые стали разыгрывать роли паладинов знаменитого короля и носили их имена. Тогда он разъезжал по разным землям под видом богини любви; теперь предпринял путешествие в качестве короля Артура, вернувшегося на землю из райской обители, чтобы восстановить общество Круглогс стола.

Много изумительных вещей рассказывает в своей автобиографии Ульрих фон Лихтенштейн. Читая его описание, положительно отказываешься порой верить в его достоверность и готов принять все это произведение за пародию на рыцарское служение. К сожалению, для этого нет никаких оснований. Он рассказывает о своих приключениях таким самонадеянным тоном, что всякое сомнение отпадает само собой.

Вот до какого уродства дошло в Германии занесенное сюда из Франции пресловутое «служение женщине». Подражатели далеко оставили за собой оригиналы. «Провансальские трубадуры, — говорит профессор Петров⁶⁶, — как известно, виртуозы этого искусства. Они тоже удивляли мир разными курьезами галантерейной практики. Фанатики, подобные Пьеру Видалю, одевались в волчьи шкуры в честь своих

дам и творили тому подобные глупости. Но до самоистязания там дело не доходило. Лихтенштейн превзошел всех своих современников и достиг той черты, дальше которой любовная служба не пошла в своем развитии. В уродливом вырождении века он дошел до последнего предела уродливости и в этом смысле как тип целого порядка жизненных явлений имеет право на место в истории»⁶⁷.

Почти все исследователи сравнивают Ульриха фон Лихтенштейна с Дон Кихотом Ламанчским, но нам кажется, что немецкий Дон Кихот неизмеримо ниже испанского. Последний смешон, но все же он борется за возвышенные рыцарские понятия, обнажает свое копье за правду, за угнетенных и беззащитных. Немецкий же Дон Кихот совершает свои чудачества ради эгоистической и грубой любви. Рыцарство во второй половине XIII века уже пало, по крайней мере в Германии. Миннезанг постигла та же участь. Кроме внутренних причин, естественно вызвавших это падение, здесь действовали и те войны, те усобицы, которые принесло с собой междоусобице. Но в то время как падало рыцарство, выросло все более и более городское сословие. Если князья и рыцари разуверились в своих идеалах и втянулись в тину материальных интересов, горожане, напротив того, обнаружили влечение к духовным интересам. Опечаленные музы покинули тогда холодные залы рыцарских замков и княжеских дворцов и переселились в города, которые стали опоясываться каменными зубчатыми стенами наподобие замков и монастырей. Но вопрос о городской поэзии уже выходит за пределы нашей задачи.

Кроме лирики и эпоса поэзия этого периода выливалась и в формы поучительных произведений. Эти произведения нередко достигали больших размеров, а по своему содержанию направлялись обыкновенно против придворной лжи и испорченности нравов. Из таких дидактических произведений отметим здесь два — «Скромность» Фрейданка и «Скакуна» Гуго фон Тримберга⁶⁸.

Фрейданк был странствующим певцом. Единственным фактом, известным нам из его жизни, является его участие в Крестовом походе Фридриха II. Фрейданк не сопровождал своего государя в Иерусалим, но остался в Птолемаиде⁶⁹, где

работал над каким-то произведением. Может быть, этим произведением и была дошедшая до нас «Скромность», хотя некоторые исследователи предполагают, что он работал над другим произведением, которое не дошло до нашего времени. Обыкновенно заглавие дошедшего до нас произведения Фрейданка переводится на русский язык словом «скромность», но оригинальное название «Bescheidenheit» имело в ту пору несколько значений, и, может быть, ближе всего подходило бы к немецкому оригиналу русское название «Житейская мудрость». Произведение Фрейданка рассматривает всевозможные отношения, вызываемые человеческой жизнью, с точки зрения несложной, но чистой морали.

По удачному выражению Вильгельма Гримма⁷⁰, произведение Фрейданка представляет как бы мировое зеркало, в котором отражаются различные сословия, начиная с пап и императоров и кончая слугами, общественные и домашние отношения, религия, добродетели и пороки. Поэма Фрейданка состоит из бесконечного ряда мудрых изречений, не соединенных, впрочем, одной логической нитью. Зато в ней много простоты, искренности и убежденности, и она не утомляет читателя в такой степени, в какой утомляют его другие дидактические произведения. Вся поэма Фрейданка насквозь проникнута самым чистым благочестием, непритворной и горячей любовью к людям, верой в торжество свободы и правды. Вера автора несокрушима и светла, она повинуется велениям церкви, но всегда умеет отличить истинное учение Христа от последующих наслоений, сложившихся историческим путем. Порицая еретиков за искажение церковного учения, он обнаруживает в то же время необыкновенную для своего времени веротерпимость, свидетельствующую о высоком развитии его ума и сердца. «Кто может, — говорит он, — разрешить спор между христианами, евреями и язычниками, кроме Бога, который создал мир и все, что находится в нем, не спрашивая совета ни у кого? Прежде чем Он создал их, Он уже предвидел их споры, их взаимную вражду».

Служите Господу, не мудрствуя нимало;
Служенье то есть мудрости начало,
Тот сам себя введет в обман, конечно.

Кто, забыв про то, что вековечно,
Отдастся весь житейской суете:
Он строит дом непрочный на песке.
Кто хочет жить, спасенья не губя,
Тот должен жить, отрекшись от себя.
Кто всей душой своей возлюбит Бога,
В том добродетелей всегда безмерно много.
Будь это благо или зло,
Все, что во мраке свершено,
Все то, что на сердце таится,
Все светом Божиим озарится.

Вальтер фон дер Фогельвейде

Гуго фон Тримберг в одном из своих произведений, написанном в 1300 году, то есть несколько десятилетий спустя после кончины Вальтера фон дер Фогельвейде, почтил память последнего следующим выразительным двустихием:

О, Вальтер Фогельвейде! Будет
Тот жалок, кто тебя забудет!

Это изречение Тримберга не утратило, как нам кажется, своего значения и до настоящего времени. Вальтер фон дер Фогельвейде, величайший лирик немецкого Средневековья, решительно заслоняет собой всех остальных немецких лириков этой эпохи. И многочисленность его произведений, и их необыкновенное для того времени разнообразие по содержанию, и их теснейшая связь с современными поэту событиями и явлениями, и их замечательная жизненность и яркость останавливают на себе, и останавливают надолго, внимание каждого, кто задумает только заглянуть в сокровищницу немецкой средневековой поэзии. Эпоха, в которую жил Фогельвейде, давно уже сделалась достоянием истории, давно

уже отцвела, но он, словно волшебник, отразил ее, как в магическом зеркале, в своих произведениях.

Вальтер фон дер Фогельвейде жил во второй половине XII века и в первой половине XIII века, когда поэзия была могучей силой. XIII век есть полное выражение средневекового идеала: он видел расцвет его форм, он же присутствовал и при начале их разрушения. Литературная производительность этого столетия поразительна.

Мишле⁷¹, не только изучивший, но и прочувствовавший Средние века, называет XIII век веком литературным. Другой чертой в характере этого века является его необычайное богатство событиями не только в численном, но и в качественном отношении. Обращая внимание только на важнейшие события, мы видим на фоне XIII столетия такие могущественные фигуры, как папа Иннокентий III и император Священной Римской империи Фридрих II; это век Людовика Святого и Филиппа Красивого, зарождения английской конституции, Ганзы и других городских союзов, век кулачного права и тайных судилищ в Германии. Правда, певец наш не был свидетелем всех отмеченных здесь лиц и событий, но он был современником развития тех элементов, из которых они сложились; он дышал той атмосферой, которая создала их. Люди того времени поражают целостностью характеров, строгой последовательностью и в добре, и в зле. Злодейство феодала проявляется рядом с самоотвержением монаха, аскетизм сменяется диким разгулом чувственности; тут — поклонение культу красоты, а там — семейная тирания. Женщины смягчают резкие краски, но и на них отражаются иногда типичные черты рыцарской гордости.

XIII столетие выдвинуло не только Людовика Святого, но и святую ландграфиню Елизавету Тюрингскую⁷², которую профессор Герье⁷³ справедливо сравнивает с неувядающей розой. Нравы и идеалы людей, говорит он, могут изменяться, но всегда сохранит для них свою прелесть этот чистый, светлый облик, полный смирения, милосердия и любви. Таков XIII век, век Вальтера фон дер Фогельвейде.

В точности нам не известны ни время, ни место рождения Фогельвейде. Новейшие исследователи относят время его рождения к десятилетнему периоду от 1160 до 1170 года

и называют его родиной Тироль. Он был рыцарского происхождения, но его род не был значительным. Он часто жаловался на свою бедность, и, конечно, последняя заставила его смотреть на свой поэтический дар как на средство к жизни. «Петь и сказывать, — говорит он, — научился я в Австрии». Эти слова поэта выводят нас, как нить Ариадны из лабиринта, из области мифа и догадок в сферу действительности.

В то время в Австрии правил герцог Фридрих I Католик, сын того австрийского герцога Леопольда, который захватил в плен английского короля Ричарда Львиное Сердце, возвращавшегося домой из Палестины после участия в Третьем Крестовом походе. Придворным поэтом Фридриха был Рейнмар Старший⁷⁴. У него-то и учился Фогельвейде слагать песни и подражал ему в своих ранних произведениях. В 1195 году Фридрих возложил на себя крест, спустя два года отправился в Палестину и умер в 1198 году во время Крестового похода.

Со смертью своего покровителя Фридриха поэт покинул Вену и отправился скитаться по Австрии, Германии и Франции, как странствующий шпильман. Скитальчество его продолжалось около двадцати лет. Он появляется то при одном, то при другом дворе, то у духовных, то у светских владетелей, жаждет подарков и благодарит за них. До нашего времени сохранилась заметка, занесенная в расходную книгу Пассауского епископа Вольфгера 12 ноября 1203 года; из нее мы узнаем, что проезжий епископ дал Вальтеру фон дер Фогельвейде в Цейсельмауре на Дунае (в Нижней Австрии) деньги на покупку шубы. В другой раз от светского высокопоставленного лица поэту достался алмаз. Но это были счастливые моменты. Чаще он встречал довольно холодный прием. Но наш поэт проявлял в таких случаях замечательное благодушие. Так, например, он довольно осторожно и деликатно шутит по поводу встречи, устроенной ему в баварском аббатстве Тегернзе. Много слышал он об этом аббатстве, сделал большой крюк, чтобы заглянуть и под его кровлю, и разочаровался: вместо доброго монастырского вина его попотчевали водой.

Впрочем, Фогельвейде не вращался при княжеских дворах только ради прибыли. Его увлекала в странствования беспокойная, вечно ищущая, вечно стремящаяся, неугомная

природа. Обращаясь к князьям, он не проповедовал им одну только щедрость. «Вы, князья, — пел он, — облагораживайте свои чувства чистой добротой; будьте кротки с добрыми друзьями, будьте горды по отношению к врагам, крепко поддерживайте право и благодарите Господа за то, что многие люди служат вам своим телом и своим имуществом! Будьте щедры и миротворны, являйтесь в блеске своего достоинства! Тогда будут восхвалять вас чистые, милые женщины. Носите в себе стыд, верность и благодравие, этот залог уважения! Любите Бога и судите справедливо, внимая жалобам бедняков! Не верьте тому, что говорят вам лжецы, следуйте добрым советам, и тогда вы будете гражданами царства небесного!»

Что же это за «добрые советы», о которых говорит поэт? Да все та же возвышенная рыцарская программа, которую можно вполне определенно резюмировать словами: Бог и честь. Низок, по мнению поэта, тот, кто побуждает своего господина ко лжи или к неисполнению обещанного. «Пусть такой человек охромеет, если он дает своему господину совет, склоняясь перед ним; если же он настолько знатен, что делает это сидя, то пусть у него отнимется язык». По поводу же самих князей, позволяющих обманывать себя, он напоминает фигляров, которые показывают в своих походных палатках то дикого сокола, то горного павлина, то какое-либо чудо, каковые в конце концов оказываются обыкновенной вороной. Поэт пришел чисто практическим путем к замечательному для своего времени выводу, что рождение не дает еще никаких человеческих преимуществ, что все люди равны между собой, что они — братья друг другу. Он не только нападает на все дурное, но и смеется над ним. Однако он боится, что его сатира, бичуя виноватого, заденет и невинного. Он готов даже примириться со злым человеком, если только тот желает исправиться.

Само собой разумеется, что скитальческая жизнь не только обогащала Вальтера фон дер Фогельвейде житейским опытом, умудряла его, тревожила его мысль, — она сверх того обогащала его музыкальный запас. Разъезжая по Европе со своим неизбежным инструментом — гигой — в руках, он слышал самые разнообразные мелодии. Он пел не только при дворах князей, но и на улицах, играл для танцев и хороводов.

Выезжая на свой дневной заработок, он обращался к Богу с молитвой о даровании счастья, о ниспослании небесного заступничества. Сохранилась его утренняя молитва, прелестная в своей детской простоте. Поэт молит Бога о том, чтобы Он позаботился о нем, как, в свою очередь, когда-то и сам Он, и Его Мать были предметом заботы верно служившего Им архангела Гавриила. Эта непосредственность, эта искренняя простота — отличительная черта поэзии Вальтера фон дер Фогельвейде. Главный же ее предмет — человек с его любовью и страданием, надеждами и стремлениями, радостями и горестями. Поэт прост и правдив, он подкупает естественностью.

О любви наш миннезингер имеет самое возвышенное понятие. Кому от истинной любви не было ни хорошо, ни грустно, тот, по его мнению, понапрасну теряет свои дни. Любовь представляется ему убежищем всех добродетелей; без нее ни одно сердце не может испытывать настоящей радости; без любви никто не может снискать и Божьей милости. Вот почему он убеждает молодежь стремиться к истинной любви. Кто обладает любовью хорошей женщины, тот, по мнению поэта, будет стыдиться всякого дурного дела. Похвала милых женщин — лучшая награда для князей за их добродетели. Вот как Вальтер фон дер Фогельвейде воспевает свою даму:

Когда цветы выходят из травы,
Улыбкой ясною светило дня встречая
С его живым, играющим лучом,
И пташки малые, беспечны и резвы,
Зарею раннею пленительного Мая
Поют весну, и песнь их бьет ключом,
Испытываю я блаженство неземное.
Вы мне скажите, с чем могу сравнить его я?
Не отвечаете? Так я за вас решу:
Есть что-то лучшее, но что? О том сейчас скажу.

Представьте, что в собрание людей,
Своею красотой и свежестью блистая,
Явилась дама знатная; она
Идет, но не одна, со свитою своей,
По сторонам порою взор кидая,
Приятности, изящества полна.

Как звезды перед солнцем, перед нею
 Стоят все женщины... И Май с красой своею,
 И пышные цветы поблекнули совсем:
 Мы все любимся тогда виденьем чудным тем.

Желаете ль вы истину узнать?
 Пойдемте все сейчас на светлый праздник Мая:
 Во всей красе раскрыл он нам свой рай.
 Угодно ль вам теперь сравнение начать?
 Ответьте мне, словам моим внимая:
 Что лучше? Женщины ль прекрасные иль Май?
 Когда бы мне, друзья, на выбор предлагали
 Одно из двух, ей-ей, решенья бы не ждали...
 И ты, красавец Май, скорей бы Мартом стал,
 Чем разлучился бы я с тем, что сам себе избрал!

Но песнями любви далеко не исчерпывается могучий талант великого миннезингера. Он слагал песни во славу Бога и Богоматери, он высказывал в своих произведениях глубокие мысли о скоротечности и тленности всего земного, об обязанностях и достоинстве императора, о правде и неправде папства по отношению к императору. Вальтер фон дер Фогельвейде — первый, а может быть, и величайший из политических певцов Германии. Политическая песнь употреблялась до него только случайно, только по поводу отдельных исключительных событий, а он развил ее до высшей степени.

1198 год, с которого началась скитальческая жизнь нашего поэта, был поворотным годом в истории Германии. В последние годы царствования Фридриха Барбароссы и в правление его преемника Генриха VI Германия наслаждалась внутренним миром. Со смертью Генриха VI в 1197 году этот мир был нарушен, и снова наступила тяжелая эпоха междоусобий. Фридрих, трехлетний сын Генриха, остался королем обеих Сицилий под опекой папы. Князя Германии признали его наследником императорского престола еще при жизни отца. Но могущественнейший из средневековых пап Иннокентий III, опасаясь усиления власти Гогенштауфенов в Италии, не желал соединения двух корон — Священной Римской империи и Сицилийского королевства — в руках одного правителя. В дело вмешался дядя маленького Фридриха — Фи-

липп Швабский, поначалу он было радел в пользу племянника, но потом стал сам домогаться императорской короны. Папа воспротивился и этому. Тем временем архиепископ Кельнский и другие, большей частью духовные, князья снарядили посольство к Оттону Брауншвейгскому с предложением, чтобы он возложил корону на себя. Отношения между двумя сильными немецкими князьями накалились. Папа принялся всюду раздувать эту гибельную для Германии вражду — она была ему на руку.

Волнение, поднявшееся под влиянием этих событий в Германии, нашло себе отражение в поэзии Вальтера фон дер Фогельвейде. Обратимся к его собственным словам.

«Сидел я на камне, — пел наш миннезингер, — заложил ногу на ногу, на них утвердил свой локоть и приковал к руке свой подбородок и щеку; меня тревожили беспокойные думы о том, как следовало бы людям жить на свете. И я не мог найти в себе никакого решительного ответа на такой вопрос: каким образом возможно обладать тремя предметами так, чтобы ни один из них не пострадал при этом? Из двух предметов, Чести и Богатства, один вредит другому; третий предмет, Милость Божия, неизмеримо ценнее двух упомянутых; я бы очень желал поместить их все три в один ящик. Увы, никак нельзя достигнуть того, чтобы в одном и том же сердце уместились и Богатство, и Честь, а к тому же и Милость Божия...

Я слышал, как в Риме лгут и обманывают двух государей. Из-за этого поднялась величайшая ссора, которая когда-либо была на свете, да вряд ли когда и будет; наступила беда, ужаснейшая из всех бед... Я слышал, как в далекой обители раздавались громкие жалобы: это плакал отшельник и жаловался Господу на свое горькое страдание: “Горе нам, папа чересчур молод; помоги, Боже, христианскому миру!”*

Я слышал, как шумят воды, как плавают рыбы; я видел все, что есть в мире: лес, поля, древесные листья, тростник и траву. Я видел все, что ползает, летает или ходит по земле, и я могу сказать вам: никакое из живых существ не живет без

* Папе Иннокентию III при избрании на престол было всего 37 лет — необыкновенный возраст для папы.

вражды — и дикие звери, и пресмыкающиеся, и птицы ссорятся между собой, но все же их жизнь устроена, ибо у них есть и государи, и право, и господа, и рабы.

Горе тебе, немецкий народ! Есть ли порядок у тебя? Даже у комаров есть свой король!.. Филипп, возложи на себя осиротелую корону и прикажи людям следовать за собой!»

Из последних слов Фогельвейде мы видим, что он стоял на стороне Филиппа. Приглашение возложить на себя корону, обращенное к Филиппу, становится понятным, если иметь в виду то обстоятельство, что древние императорские регалии находились в именно в руках Филиппа. И действительно, Филипп короновался императорской короной в Майнце в сентябре 1198 года, несмотря на то что соперник его Оттон IV короновался в Ахене за три месяца до этого. Впрочем, то, что регалии, употребленные при короновании Оттона, не были настоящими древними регалиями, тогда как Филипп короновался древней короной, имело в глазах современников этих событий особенную цену. По этому поводу наш поэт сложил следующую песнь:

Корона старше, чем король Филипп, годами,
 Но посмотрите все, не чудо ль перед нами?
 Кузнец сковал ее как будто для него!
 Она пришла так к его главе державной,
 Что мысль их разлучить считаю я бесправной,
 Никто из них величья своего
 Не потерял. Ее камней сиянье
 Сливается с его чудесной красотой.
 Любуются князья картиной дивной той,
 Что представляет нам его коронованье!
 Кто потерял дороги след, сюда,
 Сюда смотрите все: корона золотая
 Укажет верный путь; камнями блистая,
 Она горит, как яркая звезда!

В той счастливой случайности, что древняя германская корона пришла как раз к голове Филиппа, певец усматривает счастливое предзнаменование как для нововенчанного государя, так и для Германии. Все, сбившиеся с прямого пути, приглашаются следовать за драгоценной короной

Филиппа, которая соберет их воедино и выведет на истинный путь, как чудесная звезда, приведшая волхвов в Вифлеем. В красивой песне Фогельвейде чувствуется уверенность в правоте своей партии. Но если партия Филиппа имела своего певца в лице Вальтера фон дер Фогельвейде, то на стороне враждебной партии стоял другой гениальный певец средневековой Германии — Вольфрам фон Эшенбах.

Вальтер фон дер Фогельвейде не ограничился восторженным приветом по адресу императора Филиппа, но указал ему и средство, которым он мог бы упрочить свою власть и даже расширить ее. Он видит это средство в щедрости. «Щедрость, — говорит он по этому поводу, — вознаграждает проявляющего ее, как посев, от которого с избытком получают то, что бросили в землю».

Немецкие исследователи любят очень много говорить о германской верности. Но пресловутая германская верность все-таки в значительной части случаев оставалась в области высоких идеалов, в сфере, так сказать, надземной. Несомненно, что не столько личная преданность, сколько личные интересы заставляли различных влиятельных лиц становиться на сторону той или иной политической партии. Мы отнюдь не имеем в виду бросить тень на симпатичную и откровенную личность немецкого певца, мы хотим только сказать, что очень многие из немецких князей и других влиятельных особ становились под знамена Филиппа, а не Оттона, привлекаемые материальными благами.

Филипп старался уменьшить число своих врагов и увеличить число своих приверженцев, щедро одаряя всех деньгами и землями. Дошло до того, что он, можно сказать, совершенно разорил себя своей щедростью, но аппетиты кое-кого из такого рода его «приверженцев» были неутолимы. Тем не менее Вальтер фон дер Фогельвейде, обращаясь к Филиппу, ставил ему в пример щедрого Саладина, который сказал, что руки государя должны представлять собой подобие сита, и короля английского Ричарда Львиное Сердце, которого выкупили из плена исключительно потому, что прежде он был щедр. Создается впечатление, что и сам поэт, несмотря на разорение Филиппа, был все еще не вполне доволен его щедростью.

Нельзя, однако, сказать, что Вальтер фон дер Фогельвейде стал на сторону Филиппа, потому что оказался в толпе тех, кто получал от него подачки. Причина в другом — Филипп был сыном и братом императоров, царствовавших перед ним в Германии. Он состоял, кроме того, в свойстве с императором Византии. Эти обстоятельства представлялись поэту весьма важными: они узаконивали в его глазах права Филиппа на престол Священной Римской империи.

Но есть и еще одно основание, которое обращает на себя особенное внимание, когда, ознакомившись с произведениями Вальтера фон дер Фогельвейде, проникаешь в сферу его мирозерцания. Оттона поддержал папа, его возводила по ступеням императорского трона рука чужеземца. Не говоря уже о неприятных, отталкивающих сторонах в деятельности тогдашней Римской курии, одного чужеземного вмешательства в чисто домашний вопрос Германии было достаточно, чтобы всякий истинный патриот Германии отшатнулся от ставленника папы. А таким патриотом и был наш певец. Нелишне, может быть, указать и еще на один момент: Филипп, как и все Гогенштауфены, считался покровителем поэзии и поэтов и сам был поэтической натурой.

Участь Филиппа оказалась печальной. В 1208 году он пал от руки убийцы⁷⁵. Его приверженцы после этого толпами стали переходить на сторону Оттона. Чтобы привлечь в свой лагерь бывших врагов, он обручился с осиротевшей дочерью Филиппа Беатрисой. Когда Оттон торжественно вручил ей на Вюрцбургском сейме кольцо, ему изъявили покорность даже такие приверженцы Гогенштауфенов, которые служили последним в продолжение трех поколений. Оттон вознаграждал всех деньгами и обещаниями, а потом и только обещаниями, так как его кошелек скоро истощился.

Но теперь, во всяком случае, уже нельзя было сказать, что Оттон был провозглашен меньшинством князей. Его провозгласили императором все владетельные князья, присутствовавшие на пышном сейме во Франкфурте. После этого Оттон стал объезжать всю Германию, чтобы повсюду своим личным участием заложить конец потрясениям. Казалось, что над Германией торжественно разгорается заря лучшего будущего. «Новый свет занялся над Германи-

ей, — восклицает современный летописец*, — новая эра радости и мира».

Мог ли ко всему этому относиться равнодушно Вальтер фон дер Фогельвейде? Есть полное основание утверждать, что переход его на сторону Оттона совершился не сразу. Это произошло только тогда, когда Оттон разошелся с папой по примеру своих предшественников — Гогенштауфенов.

Иннокентий III требовал полного подчинения, полной покорности императора Священной Римской империи. Последний должен был, по требованию папы, истреблять еретиков, воздерживаться от всяких посягательств как на Церковную область, так и на те итальянские владения, которые зависели от нее или были с ней в союзе, не возобновлять притязаний на королевство Неаполитанское и всячески поддерживать сюзеренные права пап над ним, отказаться от всякого вмешательства в выборы духовных лиц и т. п. Только на таких условиях Иннокентий соглашался короновать его в Риме императорской короной. Встретившись с Оттоном в Виттербе, гордый папа приветствовал его словами: «Се есть сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение». Но между Иннокентием III и Оттоном IV не могло быть продолжительного согласия: слишком различны были их интересы. Поводом к новой борьбе послужили стремления Оттона восстановить императорские права в Италии.

Оттон вторгся с войском в Апулию. Иннокентий отлучил его от церкви и при посредстве майнцкого архиепископа возбудил к деятельности партию, стоявшую за Фридриха, сына императора Генриха VI, — того самого Фридриха, чьи права будто поначалу отстаивал Филипп. Богемский король, герцоги Австрийский и Баварский, ландграф Тюрингский и многие другие объявили его истинным государем: ведь давным-давно, когда Фридрих еще лежал в колыбели, они принесли ему клятву в верности.

Было снаряжено посольство, чтобы пригласить Фридриха в Германию. Оттон, узнав об этом, поспешил покинуть Апу-

* Арнольд Любекский. (Арнольд Любекский (ум. ок. 1212) — немецкий хроникер, аббат бенедиктинского монастыря Св. Иоанна в Любеке. — *Прим. ред.*)

лию и вернулся в Германию. Все еще веруя в свою звезду, он отправился в замок Норгаузен и отпраздновал свадьбу с Беатрисой. Но на четвертый день после свадьбы Беатриса внезапно умерла; говорили о том, что ее отравили. Тем временем юный Фридрих, новый ставленник папы, на которого Иннокентий III возлагал большие надежды, ступил на немецкую почву. В 1212 году папа признал его законным германским королем.

Вассалы снова встали перед выбором, и большинство из них устремилось к Фридриху. Вынужден был выбирать и Вальтер фон дер Фогельвейде. Но для него ситуация облегчалась тем, что Фридрих не только покровительствовал певцам, но и сам был миннезингером. И наш поэт поспешил оказаться вблизи нового светила. Кроме личных расчетов, этому способствовало и патриотическое чувство певца. Дело в том, что Иннокентий III ошибся в расчетах: очень скоро обнаружилось, что папа воспитал в новом императоре своего злейшего врага.

Поводом к открытой борьбе Фридриха с папством послужило неисполнение дававшегося им несколько раз обета отправиться в Крестовый поход. Очевидно, мысль о походе была внушена пятнадцатилетнему юноше Иннокентием III. И мы не ошибемся, если скажем, что стремления пап⁷⁶ направить молодого немецкого государя в Палестину вытекали не столько из чистого источника веры и христианской ревности, сколько из мутного потока политических страстей и интриг. Папам необходимо было отвлечь императора от итальянских и вообще европейских дел, где он легко мог повредить папским интересам даже невольно, подпав враждебным папству влияниям. Необходимо было заставить Фридриха исполнять папскую волю, требовалось закалить его преданность папскому престолу в горниле жизни. Но кося наша на камень, и в конце концов Фридрих II Гогенштауфен стал злейшим врагом папства.

Изобразив общий фон исторических событий этой необыкновенно живой и необыкновенно важной эпохи, обратимся к нашему поэту. Он был убежденным борцом против папских притязаний, против вторжения церкви в права светской власти. В своих произведениях он восставал про-

тив духа стяжания и расточительности римского двора, против продажи грамот на отпущение грехов, против произвольных интердиктов, против непоучительного для мирян образа жизни духовенства. Но в то же время Вальтер фон дер Фогельвейде побуждал Фридриха отправиться в Крестовый поход, чему причиной было его глубокое благочестие. Правда, благочестие не ослепляло его глаз, не отуманивало его рас-судка.

На Пасхе 1213 года папа приказал выставить по всей Гер-мании кружки, в которые должны были опускаться сборы на Крестовый поход. Поэту эти кружки представляются в ви-де живых существ. Он останавливается перед одной из них и говорит со злобой: «Скажи, госпожа Кружка, для того ли послал тебя к нам папа, чтобы ты его обогатила, а немцев ограбила?» Не следует упускать на виду эпохи, не следует за-бывать, что речь идет о XIII веке, веке высшего расцвета пап-ской власти. Изучающие Реформацию дивятся смелости Лю-тера, но миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде жил за три столетия до Лютера!

В ту пору еще не была разрушена легенда о даре импера-тора Константина⁷⁷. Поэт верит в ее реальность, но находит, что император дал римской кафедре слишком много — не только крест, но корону и копье, символы светской власти. Если бы и Константин предвидел бедственные последствия своего дара, то ни за что не сделал бы его. Вальтер фон дер Фогельвейде сравнивает папу Григория IX со знаменитым Сильвестром II (Гербертом), прослывшим за свои научные занятия служителем черной магии⁷⁸. Разделяя заблуждения масс, великий миннезингер подписывается под этой мол-вой, но прибавляет, что Сильвестр губил своими поступка-ми только самого себя, тогда как новый папа влечет к поги-бели все христианство.

В весьма резких выражениях Вальтер фон дер Фогельвейде говорит о продаже индульгенций. Нам при крещении, заме-чает он, запрещается покупать и продавать Божью благодать. Не менее остро отзывается он об интердиктах (церковных отлучениях). Это было страшное оружие, к которому часто прибегали средневековые папы; касались интердикты порой не только отдельных лиц, но и целых областей. Когда импе-

ратора Фридриха II постигло папское отлучение в 1227 году, наш поэт, несмотря на свою ревность к Крестовым походам, высказался следующим образом: «Господин папа, я не боюсь за себя, за свою душу, за ее здоровье, так как остаюсь послушным вам. Мы слышали, как вы повелевали христианам заботиться об императоре, называть его господином и преклонять перед ним колена, — вы сообщили ему тогда благословение Господне. Ведь невозможно же предположить, что вы позабыли об этом. Вы говорили тогда, обращаясь к императору: “Кто благословляет тебя, да будет и сам благословен! Кто проклянет тебя, да постигнет и его самое сильное проклятие!” Подумайте же, во что вы ставите духовную честь?»

...Бродячая жизнь истомила поэта, он стал мечтать о своем собственном уголке. И его мечты осуществились, кажется, с укреплением на престоле Фридриха II. По-видимому, ему был подарен лен. Вот в каких выражениях Фогельвейде описал чувство, испытанное им при этом: «У меня есть лен! Вселенная, есть лен у меня! Теперь я не боюсь больше отморозить свои ноги, и не придется мне больше обращаться с просьбами к недоброжелательным господам. Благородный король, щедрый король устроил так, что у меня будут летом — свежий воздух, а зимой — тепло. Теперь, кажется, я сделался более доброжелательным к своим соседям; они не смотрят уже более на меня немилостиво, как это делали раньше. Слишком долгое время я был бедняком против своей воли. Я был так склонен к ругани, что само дыхание мое было отравлено; теперь король очистил его, очистил и мою песнь».

Прекрасная иллюстрация к словам «слишком долгое время я был бедняком против своей воли» следующее грациозное стихотворение:

Богиня счастья ко мне
 Всегда повертывала спину;
 Она безжалостна вполне...
 Что делать мне, друзья? Я сгину!
 Зайду ль вперед, она — за мной
 И ни за что не удостоит
 Хоть взглядом бедного порой;
 Да, призадуматься здесь стоит!

Желал бы, право, братцы, я,
 Чтоб на затылке были, что ли,
 У ней глаза; тут на меня
 Она взглянула б против воли!

В таком же игривом тоне составлено и его завещание. Свое несчастье он оставляет людям, исполненным ненависти и зависти; свою печаль — лжецам; свое безумие — тем, кто любит неискренно, а женщинам — томление по сердечной любви. Он делит все заблаговременно, чтобы наследники не поссорились между собой.

Впрочем, лучшие его стихи проникнуты меланхолией. В них основным тоном звучит убеждение в суетности всего земного.

Увы! куда, минувшее, ты скрылось?
 И было ль ты? иль все мне только снилось?
 И жизнь моя была ли наяву
 Иль сном была? ответить не могу.
 Теперь пора настала пробужденья...
 Но, Боже мой, какие измененья
 Вокруг меня! Ни места, ни людей
 Не узнаю, что в юности моей
 Когда-то знал. Утратил безвозвратно
 Я все, чем жил, что было так приятно!
 Где детства сверстники? Увы мне! Вместо них
 Я вижу стариков едва-едва живых...
 Затоптан луг, порублена дуброва,
 Одна река — остаток от былого —
 Течет теперь, как и тогда текла.
 О, боже мой, как много в жизни зла!
 В иные дни и радость улыбалась,
 Но что же от нее на долю мне осталось?
 И эти дни пленительные где?
 Так мимолетен след удара по воде.

Увы, увы!

А молодое наше поколение
 Внушает мне невольно сожаленье:
 Печальны лица молодых людей,
 Забот не знающих, не знающих скорбей!
 Не так бы жить, поверьте, подобало
 Всем тем, кто жил еще так мало, мало.

В какое я собрание ни войду,
 Заране знаю, в нем веселья не найду;
 И пляс, и смех заботы отогнали...
 Печальный год; такого мы не знали!
 Убором головы похвастать ни одна
 Не может женщина... О, где ты, старина?
 А рыцари в мужицкой их одежде!
 И все теперь не то, что было прежде.
 Из Рима к нам послания пришли,
 С собой вражду и горе принесли.
 Ужель теперь за радости бывлые
 Мне суждено страдать? Слова пустые!
 Слова греховные! Кто мыслит о земном,
 Тому блаженствовать не суждено потом.
Увы, увы!

Увы! как все нам время отравило,
 Что было так пленительно, так мило!
 И в меде желчь находим мы теперь,
 Прекрасен мир по виду, но не верь
 Его цветам: он изнутри невзрачен,
 И черен он, и, как могила, мрачен!
 Кто прожил жизнь, тот мыслит об одном —
 Загладить все греховное в былом
 Своим раскаяньем недолгим в настоящем.
 Вы, рыцари, оружием блестящим
 Наделены: кольчугою, мечом,
 Что в церкви освящен, и шлемом, и щитом!
 На вашем месте я, нуждающийся, бедный,
 Старался б заслужить себе в борьбе победной
 Награду верную. Не в золоте она,
 Не в лене дорогом. Награда мне одна
 Теперь является желанной, неизменной:
 Желал бы я копьем добыть венец нетленный!
 Я б за море уплыл, и не слышали б вы
 Уж больше моего печального *увы!*

Умер Вальтер фон дер Фогельвейде, вероятно, вскоре после 1230 года. Место его вечного упокоения в саду Вюрцбургской соборной церкви, под деревом, из-под ветвей которого разлетались по всему саду соловьиные песни. С его могилой связана прекрасная легенда. Будто бы поэт, любивший природу и резвых пташек, завещал, чтобы на его могиль-

ный камень насыпали пшеничные зерна и ставили воду для птиц, для чего он просил сделать в камне четыре углубления. И долгое время память великого певца свято чтилась, и птички каждый день находили на его могиле обильную пищу. Но в XV столетии капитул собора нашел более удобным потреблять эти зерна самому, сделав изменение в завещании Вальтера фон дер Фогельвейде, и в годовщину смерти певца каноникам стали раздавать пшеничные хлебы*. Сад, в котором был похоронен поэт, окружили крытыми галереями и высекли здесь эпитафию, написанную латинскими стихами:

Pascua, qui volucrum vivus, Walthere, fuisti,
 Qui flos eloquii, qui Palladis os, obiisti,
 Ergo quod aureolam probitas tua possit habere,
 Qui legit hie dicat: Deus istius misere!**

* У Лонгфелло есть прекрасное стихотворение на эту тему⁷⁹.

** Ты, Вальтер, бывший при жизни пажитью для птиц (Такое именно значение имеет его фамилия. — *К. И.*), цветком красноречия, устами Паллады, ты умер. Поэтому, чтобы твоя честность могла получить небесный венец (ореол), пусть всякий, читающий это, скажет: «Боже, будь милостив к нему!»

Вольфрам фон Эшенбах

Если произведения лирического поэта тесно сплетаются с его жизнью, с его личными взглядами и чувствованиями, то эпические произведения почти совершенно заслоняют от наших взоров образ самого певца. Творец эпического произведения, создавая его, сам становится на место читателя или слушателя. Он смотрит на свое создание, как смотрит на него посторонний. Перед ним проносятся волшебной вереницей лица и события, но они как будто чужды ему, как будто не созданы его собственным мозгом. Он созерцает их и точно записывает все свои поэтические видения, и только.

Но Вольфрам фон Эшенбах был слишком живой, слишком пылкой натурой для того, чтобы сделаться эпиком в полном смысле этого слова. Его эпос слишком субъективен, в нем ярко отразилась личность самого поэта. Он не может быть спокойным созерцателем своих же собственных созданий и беспристрастным рассказчиком всего им виденного. Он вступает в среду своих персонажей, беседует с ними, сам живет среди них. Порой он потешается над ними, как потешался бы, без сомнения, над живыми существами. Его юмор неподделен; он бьет неудержимо, как ключевая струя; он не останавливается ни перед кем. Он сравнивает стройный стан

прекрасной дамы с зайцем, протянутым на вертеле; об одном рыцаре, плакавшем от радости, он говорит, что глаза его негодились бы никуда в качестве колодцев, так как не удерживают в себе воды.

О жизни Вольфрама мы знаем очень немного. Родился он около 1170 года в Северной Баварии, в Эшенбахе (так назывались и замок, и местечко), близ Анспаха. Происходил он из древнего рыцарского рода; на его происхождение указывает постоянно прилагавшееся им самим, прилагаемое и до сих пор к его имени слово «Herr» (господин). Он гордился своим рыцарским происхождением, своей рыцарской жизнью и придавал последней гораздо больше значения, чем своим поэмам из рыцарской жизни и песням любви.

В «Парцифале», важнейшем из своих крупных произведений, он высказался в том смысле, что желал бы быть любимым более за свое рыцарство, чем за свое пение: «Мое призвание — рыцарство; пусть сохранится мое мужество; а кто меня любит за пенье, тот, думается мне, плохо знает меня». В другом месте он с гордостью говорит: «Zum Schildesamt bin ich geboren» — я родился, чтобы носить щит, быть рыцарем.

В знаменитой Манесской рукописи⁸⁰, заключающей в себе произведения и портреты миннезингеров, сохранилось изображение Вольфрама фон Эшенбаха. Перед нами рыцарь в кольчуге, поверх которой надет безрукавный кафтан*; на поясе висит рыцарский меч; на голове шлем с опущенным забралом; в левой руке — щит, в правой — копьё; перед ним стоит покрытый длинной попоной конь, которого придерживает за узду мальчик в простом одеянии. Рисунок производит такое впечатление, точно Вольфрам фон Эшенбах готов сейчас же ринуться в бой. Никто не скажет, глядя на это изображение, что видит перед собой поэта: перед ним — рыцарь, и только.

Вольфрам представляет оригинальную личность в том отношении, что не получил никакого образования: он не умел ни читать, ни писать. Все свои произведения он творил на память. Он последний крупный поэт из тех, что создавали

* Ваппенрок — надевался для предохранения металла от сырости и во избежание слишком сильного нагревания его солнцем.

свои поэтические произведения, не зная грамоты. Память его была феноменально обширна. Он удерживал в памяти (по словам Шерера⁸¹) «все, что профану, знавшему только по-немецки и немного по-французски, было доступно из тогдашней науки, из поэзии, богословия, астрономии, географии, естествознания, он брал все, что доставляло ему из широкой жизни внимательное наблюдение, что видел и переживал рыцарь в битве и на турнире, охотник в лесу и в поле, человек в доме и обществе, и все это он отдавал своей живой фантазии и быстрому остроумию как богатый, всегда широкий и пригодный для неожиданных комбинаций материал вымысла и творчества». Но он не мог обходиться без секретаря, который читал ему и записывал диктуемое им.

Отсутствие школьного образования имело для этого крупного таланта свои выгодные и невыгодные стороны. Школа не наложила на него своей печати, не надломилась его личных особенностей; его вдохновение, его творчество были непосредственны; его восприимчивость сохранила свою первоначальную, девственную силу. Но зато, с другой стороны, он не обладал тем чувством меры, которое он получил бы от образования. У него мы не находим никакой перспективы: один и тот же масштаб применяет он и к крупным фактам и личностям, и к мелочам. Ему ничего не стоит посвятить 600 стихов какому-нибудь ничтожному эпизоду. Нередко он повторяется и самые простые истины высказывает как какое-то откровение свыше. Его изложение отличается характером обыкновенной разговорной речи; стих и рифма иногда страдают; та или другая метафора свидетельствуют об отсутствии у автора развитого вкуса. Но и недостатки эти по-своему интересны.

Рыцарь Вольфрам фон Эшенбах был беден, о чем он сам не раз говорит в своих произведениях. Он был обладателем небольшого замка Вильденберг, находящегося на расстоянии часового пути от Анспаха. Здесь он жил с женой и дочерью. Причина его бедности заключалась, вероятно, в том, что он не был старшим в своей семье. К чести его следует сказать, однако, что он редко жалуется на свою бедность, а иногда даже весело подшучивает над ней. С другой стороны, бедность несколько не ослабляла его рыцарской гордости и не сделала из него поэта-ремесленника, превращающего свой поэтиче-

ский талант в средство, которое могло бы дать материальное обеспечение. В одном месте Вольфрам фон Эшенбах называет своим господином графа Вертгейма, но он служил последнему не в качестве придворного поэта, а рыцаря, оставаясь совершенно свободным, не заградив для себя возможности перейти к другому лицу. По-видимому, он вел страннический образ жизни, как и Вальтер фон дер Фогельвайде, но из других побуждений: Вальтер переходил с места на место, чтобы добывать себе заработок, а Вольфрам и здесь руководствовался чисто рыцарскими побуждениями. По его словам,

Кто жизнью рыцаря живет,
Тот в жизни много стран пройдет.

Однако он не избегал тех мест, где жили знаменитые покровители поэтического искусства. Так, например, он пользовался гостеприимством в замке Гейштейн и воспевал маркграфиню Фобургскую, сестру Людовика Баварского, жившую там до 1204 года. В 1206–1207 годах он участвовал в знаменитом состязании певцов в Вартбурге.

К началу XIII века по северному склону горных хребтов, разделяющих Германию на северную и южную части, сложилось могущественное владение ландграфов Тюрингских. Власть ландграфа Германа, покровителя нашего поэта, простиралась над Тюрингией, Гессеном и Остерландом в Саксонии. Двор его помещался в крепком замке Вартбург, на вершине высокой, поросшей лесом горы, у подножия которой расстился городок Эйзенах. Вартбург особенно нравился поэтам за находимое ими здесь покровительство и радушный привет. Сюда, в этот замок, являлись самые знаменитые певцы — Генрих фон Фельдеке, Вальтер фон дер Фогельвейде, Вольфрам фон Эшенбах и другие. Особенно хвалит щедрость хозяина, ландграфа Германа, уже известный нам Вальтер фон дер Фогельвейде, который ярко изображает блестящую и необыкновенно шумную жизнь при его дворе и ставит ландграфа выше всех современных князей.

Больше же всего прославила ландграфа «Вартбургская война» — такое название получило уже упомянутое состязание певцов. Участниками его, если верить поэме под этим

же названием («Krieg von Wartburg» — «Вартбургская война»), написанной не ранее второй половины XIII столетия, были Рейнмар Старший, Иоанн Битерольф, Генрих фон Риспах, мейстер Клингсор из Венгрии, Вольфрам фон Эшенбах, Вальтер фон дер Фогельвейде и Генрих фон Офтердинген⁸².

Поэма эта заключает в себе слишком много легендарных элементов и появилась слишком много времени спустя после «Вартбургской войны», чтобы можно было видеть в ней верное изображение поэтического состязания. Но важно другое: она является свидетельством того, что в пору расцвета миннезанга при дворах германских князей устраивались состязания, подобные изображенному. Поэма прекрасно иллюстрирует эпоху. И в то же время знакомит нас со взглядами современников на Вольфрама фон Эшенбах.

По-видимому, Вольфрам находился в очень хороших отношениях с ландграфом Германом. При его дворе он начал своего «Парцифалья», здесь же он и окончил его, вернувшись после продолжительного отсутствия. Как в этой поэме, так и в другой, называемой «Виллегальм», немецкий поэт находился в большой зависимости от французских оригиналов. Оригинал «Виллегальма» был сообщен Вольфраму самим герцогом. Впрочем, законченным трудом Вольфрама является только «Парцифаль»; «Виллегальм» он не дописал.

Парцифаль — сын Гамурета Анжуйского и Герцелоиды, одной из испанских королев. Злополучный Гамурет, увлекаемый страстью к военным приключениям, покидает любимую супругу, чтобы отправиться на Восток, на помощь своему другу халифу Багдадскому. Герцелоида напрасно целых полгода ждет возвращения мужа. Тревожимая страшными сновидениями, она начинает ждать несчастья. И действительно, с Востока приходит весть о гибели Гамурета. Через две недели после этого и родился Парцифаль.

Она страшно боится, что сын пойдет по следам доблестного, но несчастного отца. Она хочет удалиться от всех и от всего, что могло бы возбудить в нем стремление к рыцарской деятельности, и поселяется в дремучем лесу.

Туманом солнце ей казалось;
Она всех радостей чуждалась;

Что день, что ночь, ей все равно,
В ней сердце горечи полно.
Прошло с тех пор немного дней;
В пустынный лес страны своей
Она уходит, там селится...
Но не к цветам она стремится:
Из желтых, розовых цветков
Она не вьет себе венков;
Чтоб рос в тиши, вдали от света
Ребенок милый Гамурета,
Чтоб уберечь его от бед,
Она живет, покинув свет.

Никто, по приказанию Герцелоиды, не смеет говорить при ее сыне о рыцарях. Она воспитывает его в полном незнании света. Но, несмотря на это, в мальчике зарождаются смутные стремления. Он делает себе лук, стреляет в лесных пташек, и, когда какой-либо из пернатых певцов падает на землю мертвым, мальчик заливается горькими слезами. Когда он купается утром в потоке, а над ним разносится пение птиц, сладкие звуки вздымают, волнуют его юную грудь. С плачем прибегает он к милой матери, но не может объяснить ей, что с ним случилось. Мать замечает, как сильно действует на ее сына пение птиц. Она видит признаки «влеченья чего-то жаждущей души», она боится, что это возбужденное увлечет Парцифалья к отважным подвигам. Она приказывает своим людям переловить всех птиц, но Парцифаль просит оставить их в покое.

Между тем мать дает своему сыну первые уроки и рассказывает о Боге. «Он, — говорит она, — светлее дня, но есть и другой, который зовется владыкой ада; нужно отвращать свои мысли от него и от всякого колебания, вызываемого сомнением». Так безмятежно вырастает ее сын.

Раз Парцифаль охотился с дротиком за оленями. Откуда ни возьмись, подъехали к нему два рыцаря. Их шлемы и панцири озарены лучами утреннего солнца, роса сверкает на их оружии; от них как будто исходит сияние. «Он светлее дня», — проносится в мыслях Парцифалья... Быстро опускается он на колени и спрашивает у одного них: «Вы Бог?» Они смеются над ним и заявляют, что они — рыцари. На во-

прос же Парцифалья, что такое рыцари, они объясняют: «Рыцарское звание сообщает король Артур; если вы, молодой человек, хотите быть рыцарем, идите к нему: очевидно, что вы сами рыцарского происхождения». Он удивляется рыцарям, ошупывает их коней, их вооружение, а они любуются его поразительной красотой «и находят, что еще никогда со времен Адама не было мужского лица прекраснее, чем у него». Покой Парцифалья нарушен навсегда.

Бежит он к матери своей,
О всем рассказывает ей;
Она от ужаса упала,
Ее речь сына испугала...

Тайна раскрыта, ее хитрости не привели ни к чему; она чувствует, что сын улетит от нее, как молодой орел. Тогда она прибегает к последнему средству. Ей невозможно больше отказывать сыну, страстно желающему ехать к королю Артуру. Но она хочет, чтобы свет разочаровал сына при первой же встрече с ним. С этой целью она устраивает ему такую одежду, какую носили шуты. Прощаясь с ним, мать дает ему различные наставления и говорит, что он, как рыцарь, должен получать поцелуи и колечки благонравных дам. Она долго смотрит ему вслед, но как только он скрывается из глаз, падает на землю. Вскоре она умирает от тоски по сыну.

Парцифаль, не подозревая о том впечатлении, которое произведет на людей, едет по лесу; он полон самыми радостными, самыми светлыми мечтами. Уже на следующее утро после его отъезда с ним случилось приключение. Он подъезжает к месту, на котором было разбито несколько палаток.

Одна из них особенно красива. Он, недолго думая, входит в нее и видит спящую красавицу Ешуту, жену герцога Орила. «Ты должен получать поцелуи и колечки благонравных дам», — вспоминает он наставление матери, наклоняется над красавицей, чтобы поцеловать ее и завладеть ее кольцом.

Она просыпается в страшном испуге, принимает Парцифалья за сумасшедшего и, чтобы отвязаться от него, дает ему и поцелуй, и кольцо. Он жалуется на свой голод. Все еще опасаясь его, Ешута указывает Парцифалью стол, на котором он

находит вино и пищу. Насытившись, Парцифаль продолжает свое путешествие. Скоро наталкивается он на новое приключение. Он видит женщину, которая склонилась на колена и безутешно плачет над убитым рыцарем. Женщина эта — Сигуна, его родственница. Она оплакивает Шιονатуландера, павшего в поединке с Орилом. Парцифаль рвется в бой с Орилом, чтобы отомстить ему, но Сигуна, боясь, что юноша не справится с герцогом, направляет его в другую сторону. Едучи по указанной дороге, Парцифаль прибыл наконец в Нант, где живет король Артур. Но еще недалеко от города он встретился с отважным Итером. Лицо этого рыцаря бело, волосы рыжи, доспехи и кафтан красного цвета, красной попоной покрыт его конь. Итер дает Парцифалю поручение к королю Артуру. Дело в том, что, будучи при этом дворе, Итер пролил вино на колени королевы. И вот он поджидает теперь здесь, не явится ли для поединка с ним, чтобы наказать его за неучтивость, храбрейший из рыцарей Артура.

Появление Парцифалья в шутовском одеянье при дворе короля Артура производит сильное впечатление. Одна из придворных дам, Кунневара, давшая обет никогда не смеяться, не могла удержаться от смеха при его виде и громко расхохоталась. И поплатилась тем, что один из рыцарей, сенешаль Кей, ударил ее в присутствии всего двора; ему было досадно на то, что на долю не известного никому мальчишки выпала честь, которой не удалось добиться славным рыцарям, — при всем старании они не могли рассмешить эту даму.

Грубая расправа возмутила Парцифалья, и он пообещал отплатить за нее. Но прежде он просит короля, чтобы тот позволил ему вступить в поединок с «красным рыцарем» Итером; когда же позволение было дано, он вызывает Итера и убивает его. После этого Парцифаль вынужден покинуть двор, так как смерть отважного Итера вызвала необычайное сожаление и обрушила на него сильные упреки.

Быстро, как птица, несется Парцифаль вперед. К вечеру он подъезжает к замку, которым владеет седовласый старец Гурнаманц де Грахарц. Этот замок — своего рода школа для молодых рыцарей. Здесь Парцифаль обучается фехтованию, искусству метать копьё и объезжать лошадей. Но дело не ограничивается только этим. Его учат одеваться со вку-

сом и держать себя правильно в церкви, за столом и в присутствии дам. Особенно предостерегает его Гурнаманц от бесплезных вопросов. Одним словом, он проходит курс куртуазии и становится настоящим рыцарем. Теперь ему недостает только подвигов, и он едет за ними в Пельраперу, столицу Бробарцского королевства, в котором царствует королева Кондвирамурс. Она прекрасна; она цветет, как роза, покрытая сверкающими капельками утренней росы. Но ей грозят большие бедствия; она уже испытывает их, так как осаждена в своей столице неприятелем. Для Парцифалья это находка. Он берет прекрасную королеву под свою защиту, побеждает неприятельских вождей и отправляет их ко двору короля Артура, к Кунневаре, которая была оскорблена ударами грубого рыцаря в его присутствии. Все побежденные им должны изъявить ей свою покорность. Город освобожден от врагов, и прекрасная королева отдает руку и сердце юному герою.

Но вскоре он покидает ее, увлекаемый стремлением к подвигам и желанием повидаться с матерью. Наконец Парцифаль подъехал к озеру, на берегу которого сидят рыбаки. У одного из них, богато одетого, Парцифаль спрашивает, где бы мог он найти себе пристанище. Рыбак указывает на скалистую дорогу, и Парцифаль приезжает к замку Граалья, но сам не знает о том, куда приехал. Спустили подъемный мост. На замковых дворах тихо; между камнями растет трава, впечатление получается такое, будто отсюда навсегда изгнаны и радость, и рыцарские потехи. Но, проникнув внутрь замка, Парцифаль находит в нем такое великолепие, которое еще никогда не представлялось человеческому взору. В парадной зале, освещенной тысячью люстр, собрались рыцари и дамы. Перед камином, в котором горят дрова сандалового дерева, лежит больной, покрытый дорогой шубой король Амфортас⁸³; на голове его соболя шапка, а на ней сверкает необыкновенный рубин. В короле Парцифаль узнает рыбака, указавшего ему путь к замку.

Больной приглашает гостя сесть около себя; кругом полагаются рыцари. На глазах Парцифалья происходят совершенно непонятные явления. В дверь входит оруженосец; в его руках копье, по рукояти которого стекает кровь. Со всех сторон поднимаются при этом громкие вопли печали. Затем

дверь отворяется снова, и в залу входит длинная вереница прекрасных девушек, одетых в алое сукно и бархат, с венками из цветов на головах... Они несут драгоценную утварь: золотые подсвечники с горящими свечами, два столбика из слоновой кости, доску из прозрачного камня, которую опускают на столбики перед королем, и два серебряных ножа острее стали — их девушки кладут на образовавшийся стол.

За ними шествует царица.
Как светозарная денница,
Ее чудесный лик сиял:
Казалось всем, что день настал.
Девицы перед ней покров
Несут; он соткан из шелков
Арабских; цвет его зеленый
Ласкает взор наш восхищенный.
И над покровом пышным тем
Она несет желанный всем,
Для всех таинственный предмет;
К нему стремится целый свет;
Отрадой служит он и раю;
В нем совмещен, но как, не знаю,
Конец с началом. Тот предмет
Зовется Граалем...

Рыцари садятся за сто накрытых столов, по четыре за каждый. На маленькой тележке привозят золотую посуду. Грааль дает пищу и питье. Сто оруженосцев служат перед Граалем; каждый отправляет свою должность за одним из столов; к чему только они ни протянут руки — к еде или питью, все посылает им Грааль в чаши и на блюда. Но, несмотря на окружающее великолепие, в зале царит уныние. Парцифаль видит перед собой больного короля, замечает всеобщее молчание, но не спрашивает ни о чем. Светское воспитание сковывает его язык. Наконец пир кончен, и все вынесено из залы так же торжественно, как было принесено туда. Гостеприимный хозяин дарит своему гостю превосходный меч, который он носил сам в те счастливые, давно закатившиеся дни, когда он был здоров. После этого король отпускает его на покой.

Парцифалю прислуживают оруженосцы благородного происхождения, раздевают его, и он засыпает на великолеп-

ной постели. Но тяжкие сновидения волнуют его душу, пугают его.

Солнце стояло высоко на небе, когда он проснулся. Напрасно он ожидает слуг. На ковре лежит его вооружение, которое он сам должен надеть на себя. Одевшись, он проходит несколько горниц, но все они пусты, как будто все вымерло кругом. Вокруг могильная тишина. У лестницы привязан его конь; тут же его щит и копье. Он садится на коня и, как во сне, выезжает на подъемный мост. Вслед Парцифалю раздаются бранные слова слуги; он называет его гусем* за то, что он не задал ни одного вопроса.

Парцифаль не понимает этих слов; он едет вперед, погруженный в свои размышленья... А между тем от одного его вопроса зависело вечное спасение. Спасение открывалось ему в Граале, но он остался равнодушным, он был слишком занят светскими думами, и душа его не раскрылась для восприятия глубокой веры. Смутно догадывается он, что им утрачено что-то бесценное, и даже решает вернуться в замок Грааля по следам своего коня, но следы разделились, а вскоре и совсем исчезли.

Его думы были прерваны плачем женщины. Посмотрев в ту сторону, откуда доносился плач, он увидел под липой Сигуну. Она все еще не нашла утешения в своей скорби. Сигуна объяснила ему, что он, не задав вопросов по поводу виденных им чудес, упустил великое счастье. Кроме того, она упрекнула его в бессердечии, в том, что он остался безучастным к страданиям Амфортаса.

Еще так недавно Парцифаль стремился к одним подвигам и славе. В его душе не было места для любви. Теперь в нем совершается перемена. Его душа раскрылась для любви. Он думает о покинутой им Кондвирамурс.

Раз Парцифаль увидел, как сокол охотится на диких гусей. Один из гусей был настигнут, из его раны упали на чистый снег три капли крови. Видя, как снег окрашивается кровью, как белое соединяется с красным, рыцарь вспоминает цве-

* Очевидно, прозвище гуся было самым обидным в рыцарском обиходе. (В «Вартбургской войне» Генрих фон Офтердинген также обзывает своих соперников «гусями». — *Прим ред.*)

тушее лицо Кондвирамурс. «Кондвирамурс, — восклицает он, — я вижу здесь твое лицо». Он впадает в какое-то мистическое оцепенение и все смотрит, смотрит на капли крови. Тем временем в расположенном неподалеку лагере короля Артура узнали, что в лесу находится неизвестный рыцарь. Двое самых неукротимых рыцарей, Сегреморс и Кей (тот самый, что ударил засмеявшуюся девушку), выезжают, чтобы помериться с ним силой. Однако ни их крики, ни удары рукояткой копья не выводят Парцифалья из оцепенения. Только случайный поворот коня отвлек его взор от капель крови, и он наконец увидел перед собой двух изготовившихся к бою рыцарей, напал на них и сбил обоих с ног. Кей сломал при падении руку и ногу; это возмездие за удары, нанесенные им девушке.

Король Артур выезжает навстречу к Парцифалю. Он знает о его рыцарской доблести — ведь Парцифаль всех, кого побеждал, отсылал ко двору Артура. Таким образом, Парцифаль снова очутился за Круглым столом, среди доблестных рыцарей. Но пир прерывается внезапным появлением посланницы уродливой волшебницы Кундрии. Она объявляет присутствующим, что рыцари Круглого стола обесчестили себя, так как приняли в свою среду Парцифалья, который не задал в замке Грааля ни одного вопроса.

Все смотрят на Парцифалья с сожалением. Лишь Кунневера и его друг рыцарь Гаван стараются поддержать его упавший дух; они убеждают его положиться на Бога. «Что такое Бог? — в гневе и отчаянии восклицает Парцифаль. — Если бы Он был всемогущим, Он не допустил бы этого!» В отчаянии покинул он веселый круг короля Артура. Его преследовали насмешливые слова Кундрии: «Я думала, что я безобразнее тебя, но выходит, что я лучше тебя. Скажи мне: когда перед тобой сидел неутешно печальный рыбак, почему ты не обратился к нему со словами утешения? Неверный гость, неужели ты не сжалился над горем своего хозяина? Он дал тебе меч, которого ты не заслужил. Ты видел, как несли перед тобой Грааль, видел серебряные ножи и окровавленное копьё, но не сделал ни одного вопроса! Пусть язык выпадет у тебя изо рта! Один вопрос принес бы тебе больше, чем стоят все земные блага. Теперь честь твоя заболела, никакой врач не мо-

жет исцелить тебя. Горе в том, что так опустился, так обесчестил себя сын Герцелоиды!»

...Прошло пять лет. В мрачном состоянии духа Парцифаль въезжает в пустынную и скалистую долину. Здесь он встречается с толпой странников-богомольцев. Все они босы и одеты в грубые серые кафтаны. Увидев Парцифалья, одетого в полное рыцарское вооружение, один из странников, почтенный седовласый рыцарь указывает ему на неприличие его одежды, на то, что в такой святой день (дело происходит в Великую пятницу*) не следует разъезжать в полном вооружении. Парцифаль резко отвечает ему: «Что мне за дело до начала года, до числа недель, до наименований дней? Когда-то я служил Единому, который называется Богом; мне говорили, что Он может помочь мне, но вместо помощи Он послал мне позор». Тогда рыцарь напоминает ему о событии, воспоминанию о котором должен быть посвящен настоящий день:

Коль не язычник вы, тогда
 Меня поймете без труда.
 Отправьтесь босиком сейчас
 Туда, где были мы как раз.
 Совсем отсюда недалеко
 Живет пустынный одиноко.
 Он может вам совет подать;
 Ему вы все должны сказать,
 И, видя ваше сокрушенье,
 Он вам дарует отпущенье.

Оставшись один, Парцифаль вдумывается в советы почтенного рыцаря.

Он думал: если так силен
 Господь, и если знает Он
 Все помышления людей,
 И правит волею зверей,
 И может привести коня
 На путь желанный для меня,
 Его готов я прославлять, —

* Великая пятница упоминается в эпических произведениях средневековых певцов довольно часто.

Он может помощь ниспослать!
Господь, как добрый кастеллан,
Нам верный путь укажет сам,
Он сам нас к цели приведет;
Иди же, добрый конь, вперед!

Конь, предоставленный самому себе, приходит к пещере, в которой пустынный Треврицент приуготавливает себя к небу. Парцифаль согревается у огня пустытника, в котором узнает своего дядю, узнает от него о чудесах Грааля и знакомится с историей рода Титуреля. Пустынный сообщает ему также о смерти его матери.

Полная тишина и уединение успокаивают Парцифалья; речи пустытника содействуют его внутреннему преобразению. Его душа воскресает и оживляется чувством пламенной веры. Незаметно проводит он в гостях у святого человека целых четырнадцать дней. Из пещеры пустытника Парцифаль выносит душевный покой: он уходит оттуда «с душой, открытой для добра».

...Прошло еще пять лет. И вот мы снова видим Парцифалья за гостеприимным столом короля Артура. Так же роскошен королевский пир. И опять во время пира приезжает Кундрия, но теперь не с проклятиями, а как вестница мира и радости. Она призывает Парцифалья быть королем Грааля: теперь он вполне достоин этой чести, ибо на самом Граале появились письма, призывающие Парцифалья на царство.

Со слезами радости на глазах отправляется Парцифаль с Кундрией в замок Грааля. Им навстречу выходят рыцари-тамплиеры. Все смотрят на него как на нового короля. Болезнь их старого короля Амфортаса снова обострилась. В замковой зале, в которую вступил Парцифаль, приняты все меры к облегчению его страданий. Всюду разбросаны ароматные травы. Горит алойное дерево. Ложе Амфортаса усыпано драгоценными камнями, обладающими целебной силой. Все напрасно. Но когда Парцифаль задает ему вопрос, который не задал при первом свидании, Амфортас не только выздоравливает, но и становится молодым. Этому чуду предшествовала горячая молитва Парцифалья о больном перед Граалем.

От Кундрии Парцифаль узнал, что после его разлуки с Кондвирамурс она родила ему двоих сыновей-близнецов Кардеиза и Лоэнгрину. Парцифаль едет к ней. Описание их встречи считается одним из лучших мест поэмы. Поцелуй соединил Парцифала с Кондвирамурс, так долго живших в разлуке друг с другом.

Таково в общих чертах содержание «Парцифала». Вольфрам изображает нам в этой поэме рыцарство во всем его блеске, на высоте его положения. Особенно он щедр на описания всякого рода — оружия, платья, коней и т. п. Но широкая и пестрая картина рыцарской жизни не была единственной задачей автора. Он хочет этими образами высказать свою любимую идею, свое глубокое убеждение. По отношению к этой идее можно провести параллель между «Парцифалем» Вольфрама и «Фаустом» Гете.

Фауст смутно стремится к чему-то, чего-то ищет, бросается от наслаждения к наслаждению и наконец отыскивает смысл жизни, отыскивает свое счастье. Оно не в любви прелестной, беззаветно преданной и глубоко несчастной Маргариты, оно не в дивно прекрасной, гордой и властной Елене, оно не в славе, не в собственности, оно — в труде, в труде упорном, постоянном, на пользу людей, на пользу всего мира. «Важность в подвиге, — говорит Фауст Мефистофелю, — а не в славе».

Парцифаль — Фауст XIII века. Это все тот же бессмертный человеческий тип, высший тип человечества, не удовлетворяющийся настоящим, вечно стремящийся вперед к совершенно неясному, но смутно чувствуемому идеалу. Парцифаль, как и Фауст, заблуждался, глубоко падал, переживал тяжелую пору сомнения и, как Фауст, наконец нашел свой идеал. Идеал его — высшее, духовное рыцарство, Святой Грааль, религия. Выше всякого земного великолепия, выше всякого героизма стоит героизм веры, стоит религия. Вот основная идея «Парцифала». Св. Грааль — символ религии. Сомнение неизбежно, но сильный дух побеждает его. Душа человека мощного проходит сквозь сомнение, как золото сквозь огонь; она становится еще чище, еще светлее, еще ближе к своему божественному первоисточнику. Верное служение отысканному наконец идеалу, постоянное, упорное

стремление дойти до него спасают человека. Это два сильных крыла, поднимающие человека над землей и возносящие его в обитель вечного блаженства.

Но есть одна невольно бросающаяся в глаза разница между Парцифалем и Фаустом. Фауст доходит до окончательного убеждения только своими собственными силами, своей личной волей, своим разумом, несмотря на мешающее ему на каждом шагу злое начало, олицетворенное в Мефистофеле. Рай не шел к нему навстречу. Парцифала же, сомневающегося и отрицающего Верховное Существо, направляет на светлый путь истины посторонняя воля; по крайней мере, этой посторонней воле принадлежит первый почин в деле спасения Парцифала. Увлеченный ею, он кается в своих заблуждениях, и это покаяние ведет его к спасению. Рай сам идет навстречу к нему. В отмеченной разнице отразилось различие эпох, светочами которых были Гете и Вольфрам фон Эшенбах.

Теперь нам вполне понятны слова, сказанные о Вольфраме одним из современных ему поэтов: «Никогда уста мирянина не говорили лучше».

Вольфрам был врагом куртуазии или, вернее сказать, ее крайностей. Мы уже знаем, как требование куртуазии воздерживаться от неуместных вопросов повредило Парцифалу во время первого пребывания его в замке Грааля. Вольфрам возмущала искусственность куртуазии, он предпочитал ей естественное человеческое чувство.

Точно указать время смерти Вольфрама фон Эшенбаха невозможно. Мы знаем только, что он пережил своего покровителя, тюрингского ландграфа Германа, умершего в 1216 году: он говорит о его смерти в «Виллегальме».

Герману наследовал его сын, ландграф Людвиг. Это была целомудренная и глубоко совестливая натура, человек набожный и всегда готовый обнажить меч, когда этого требовал долг государя и христианина, нежный муж и неутомимый рыцарь, часто покидавший семью по делам своего княжества и по призыву своего императора, милосердный и миролюбивый, но в то же время твердый по отношению к несправедливым притязаниям церковных властей и вообще необыкновенно чуткий к принципу справедливости. Людвиг как будто

олицетворял собой то высшее, духовное рыцарство, которое воспел в своем «Парцифале» Вольфрам. Подобно Людовiku Святому он был причислен католической церковью к лику святых. Его женой была св. Елизавета, усердная заступница всех бедных, оскорбленных и униженных.

Ясно, что при таких правителях двор должен был изменить свою внешность. Наступил конец тому веселью, той жизнерадостности и даже распушенности, которые господствовали при дворе ландграфа Германа. Под сводами Вартбурга уже не раздавались более песни миннезингеров. Поэты стали разлетаться, как перелетные птицы при наступлении меланхолической осени. Покинул Вартбург и Вольфрам, чтобы поселиться на родине. Здесь он и умер между 1219 и 1225 годом.

В XIII веке эта местность перешла во владение немецкого ордена, и могила поэта заботливо охранялась им. В XV веке один из баварских рыцарей, по имени Пюттерих, бывший поклонником Вольфрама, посетил могилу поэта. Он говорит, что на ней был изображен герб Вольфрама и имелась надпись; последней он не приводит, но замечает, что не сумел прочесть года смерти поэта.

Нюрнбергский патриций Кресс⁸⁴ сообщает в своем «Путешествии», что 5 августа 1608 года он посетил могилу Вольфрама, и приводит следующую надпись, высеченную на могильном камне: «Hier liegt der streng Ritter herr Wolffram von Eschenbach ein Meister Singer» («Здесь лежит строгий рыцарь господин Вольфрам фон Эшенбах, мейстерзингер»).

Таким образом, могила поэта поддерживалась в порядке около четырехсот лет, а может быть, и долее. Теперь не осталось от нее никакого следа, и сама церковь подверглась капитальному переустройству. Так всемогущие и всеокрушающие время!

Лоэнгрин, сын Парцифалья

Особенно сильно было влияние Вольфрама фон Эшенбаха на его родине, в Баварии. Его можно проследить здесь до середины XIV века. Мы остановим свое внимание на поэтическом сказании о Лоэрангрине, или Лоэнгрине, подробно изложенном в одной баварской поэме, написанной несколько десятков лет спустя после смерти Вольфрама. В этой поэме история Лоэнгринга вливается в уста самого Вольфрама, хотя тот только наметил эту тему в конце «Парцифалья». Тем не менее из семени, им брошенного, вырос поэтический цветок. Поэма, в которой рассказывается легенда о Лоэнгрине, принадлежит уже тому времени, когда средневековая поэзия начала отцветать. В ней все сильнее проявлялся мистицизм. Поэты этого периода, как бы не находя в самих себе сюжетов для своих произведений, часто обращались к представителям предыдущей блестящей эпохи поэзии в поисках у них сюжетов и вдохновения.

Автор «Лоэнгринга» неизвестен. Начало этой поэмы представляет собой не что иное, как пересказ с некоторыми изменениями и дополнениями второй части уже известной нам поэмы о состязании певцов Вартбурге. Главными действующими

щими лицами являются Вольфрам фон Эшенбах и Клингсор. У Вольфрама в «Парцифале» Клингсор выведен в той части поэмы, которая воспевает похождения друга Парцифала — Гавана. Одно из них заключалось в следующем. До Гавана дошло известие, что некий чудесный замок испытал на себе чары волшебника Клингсора. Своей силой волшебник держит за его стенами похищенных им женщин, и эти чары необходимо снять. Парцифаль быстро проезжает мимо замка: ни сам замок, ни чары волшебника нисколько не интересуют его. Но Гаван бросается в это тяжелое предприятие. Он преодолевает необычайные трудности, овладевает замком и освобождает дам, запертых в нем Клингсором. И вот этот Клингсор, мифический персонаж, волею автора поэмы превращается в историческую личность и становится современником Вольфрама.

Клингсор и Вольфрам состязаются друг с другом. В увлечении спором Клингсор клонит речь в сторону от главного предмета состязания и начинает говорить о короле Артуре. Он хвастается такими сведениями о нем и его придворных, которых никто не имеет. Вольфрам возражает, что ему известно все и даже в еще больших подробностях, чем Клингсору: знает ли Клингсор, например, о том, как король Артур, уже разлучившийся с этим светом, выслал сюда бойца? Он же, Вольфрам, знает отлично, кто такой этот боец. Все присутствующие, конечно, заинтересованы и просят Вольфрама, чтобы он поделился своими сведениями с ними. Рассказ Вольфрама и заключает в себе сказание о Лоэнгрине.

Тот же самый сюжет затронул и поэт конца XIII века Конрад Вюрцбургский⁸⁵ в своей поэме «Рыцарь с лебедем». Но он приурочивает своего рыцаря к эпохе Карла Великого, то есть к последним десятилетиям VIII и к началу IX века. Это не мешает ему, однако, выставить рыцарю соперника в лице саксонского герцога Фридриха, брата знаменитого участника Первого Крестового похода Готфрида Бульонского. Так и лица, и события двух различных эпох, из которых последняя начинается в конце XI века, соединяются в одно общество современников. Эти анахронизмы — обычное явление в произведениях средневекового эпоса. Во всяком случае, произведение Конрада Вюрцбургского послужило ядром

для позднейшего сказания о Лоэнгрине, приписанного неизвестным поэтом Вольфраму фон Эшенбаху.

Вольфрам — герой поэмы — не заставляет просить себя долго и рассказывает сагу, содержание которой мы и передаем ниже.

Дело происходит в X веке, когда царствовал в Германии Генрих Птицелов⁸⁶. Прекрасная Эльза, осиротевшая дочь герцога Брабантского и Лимбургского, подверглась преследованиям со стороны Фридриха фон Тельрамунда, одного из вассалов ее покойного отца. Он преследует ее под тем предлогом, что она якобы обещала ему выйти за него замуж: он во что бы то ни стало хочет принудить ее к ненавистному браку.

Каждый день преклоняет она колена, прося у Бога в горячей молитве покровительства и защиты. Напрасно отвергает она притязания Фридриха фон Тельрамунда — тот упорно стоит на своем. В Средние века в таких случаях спор решался судебным поединком. Эльза должна была найти бойца, который бы вышел за нее на бой. Но ни один боец не отваживается биться за Эльзу — так страшна рука Тельрамунда. Распростершись перед алтарем, проливая слезы, звонит Эльза в знак своего горя в золотой колокольчик. Звон колокольчика несется далеко и проникает в замок Грааля. На этот призыв помощи отзывается Лоэнгрин, сын Парцифалья. Такова воля Грааля.

Домашние провожают Лоэнгрин со слезами: рыдает сестра, в отчаянии мать; ее горе, по словам поэта, могло бы разжалобить скалу. Но не ослабляет мужество Лоэнгрин; он приказывает оруженосцам принести панцирь, шлем и щит, а сам обращается к королю Артуру, говоря, что охотно исполнит поручение, и призывает Божье благословение на отца, мать, сестру и на все дамское общество, обитающее на Монсальвате⁸⁷. Мать Лоэнгрин так поражена неизбежной разлукой, что падает без чувств в присутствии всего двора. Двое из князей, живущих при дворе, подводят к Лоэнгрину коня. Он уже схватился за уздечку, уже поставил в стремя одну ногу, как вдруг подплывает к берегу дикий лебедь. Лоэнгрин приказывает отвести коня в стойло и выражает желание отправиться туда, куда потянет лодку лебедь. Отец хочет снабдить его провизией — хлебом, кипрским вином, но Лоэнгрин от-

казывается и от того, и от другого, надеясь, что позаботится о нем тот, кто будет тянуть лодку.

Быстрый поток уносит лодку в море. Целых пять дней Лоэнгрин ничего не ел. Видя, что лебедь питается рыбой, он говорит ему: «Я твой спутник, а ты ешь без меня; ты должен был делить рыбу со мной». Так они прибыли в Антверпен. Герцогиня Эльза, и рыцари, и дамы поспешно отправились на берег, они изумленно кричали при виде необыкновенного зрелища. Эльза радостно встретила своего спасителя, протянув навстречу ему свои белые, как снег, руки. Когда Лоэнгрин сошел на берег, лебедь отплыл с ладьей от берега и вскоре скрылся из виду.

Рыцарь прибыл вовремя; в присутствии самого короля Генриха Птицелова, он вступил в поединок с Фридрихом фон Тельрамундом, одолел его и в награду получил руку Эльзы. Соглашаясь жениться на ней, Лоэнгрин, ставит условие: она никогда не должна спрашивать о его происхождении, в противном случае их пути разойдутся. Дело в том, что с тех пор, как Парцифаль не задал ожидаемые вопросы при своем первом посещении Монсальвата, любые вопросы неприятны Граалю. Рыцари, которых он посылает к людям, должны запрещать вопросы о своем происхождении.

Долгое время Лоэнгрин и Эльза живут счастливо. Он служит королю, участвует в войнах с гуннами (венграми) и сарацинами. Но служба не является помехой для рыцарских потех. И вот однажды на турнире Лоэнгрин вышиб из седла герцога Клевского, и тот, упав на землю, сломал руку. После этого жена озлобилась против него.

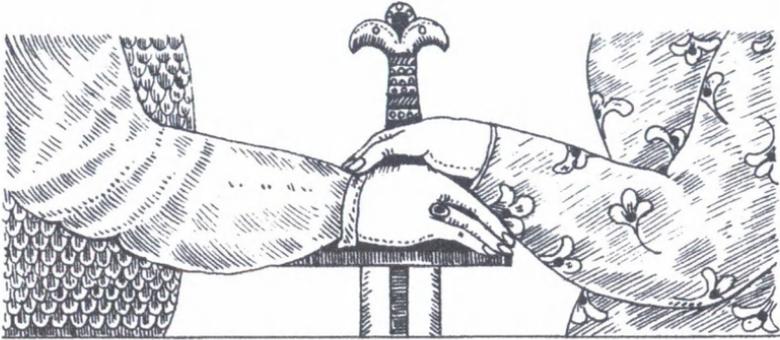
Чтобы разрушить счастье Эльзы, она говорит в присутствии других дам о темном происхождении Лоэнгринна. Эльза задета этим упреком за живое. Она знает, что спрашивать мужа нельзя, что заданный вопрос разобьет их счастье, но, с другой стороны, она горит желанием узнать роковую тайну. Две ночи, вспоминая слова герцогини Клевской, она проливает горькие слезы. Наконец в третью ночь она задает своему мужу запретный вопрос: именем детей она умоляет Лоэнгринна ответить.

Лоэнгрин исполняет желание Эльзы и называет ей свой род, потом велит позвать сыновей, целует их и завещает им

рог и меч, которые всегда носил при себе. Эльзе он оставляет на память кольцо своей матери. Снова приплывает за ним ледь с ладьей, и Лоэнгрин удаляется от берега так же, как когда-то он приплыл к нему. Он возвращается в замок Грааля.

Пораженная скорбью, Эльза падает в обморок и потом всю свою жизнь оплакивает утраченного супруга. Прекрасная легенда о Лоэнгрине послужила Рихарду Вагнеру темой для одного из его лучших произведений — оперы «Лоэнгрин».

Тристан и Изольда

Роман о Тристане и Изольде принадлежит к бретонскому циклу. Вместе с «Парцифалем» это типичный — и наиболее распространенный — рыцарский роман. Это обстоятельство и побуждает нас остановить на нем внимание читателей. Сюжет, послуживший основным материалом для этого романа и занесенный во Францию бретонскими жонглерами, подвергся в последней четверти XII века переработке известного уже нам трувера Кретьена де Труа. Очень скоро после этого он был занесен в Германию, где и послужил основанием для романа «Тристан» знаменитого немецкого певца Готфрида Страсбургского. Роман этот был написан около 1210 года, то есть почти в одно время с «Парцифалем» Вольфрама фон Эшенбаха.

В стране Пармении жил молодой князь, вполне достойный царственного происхождения. Он был прекрасен собой, верен, смел, кроток и богат. Звали его Ривалином. Ривалин отправился ко двору молодого еще в то время корнуэльского короля Марка, чтобы научиться там куртуазии и рыцарским доблестям. Здесь его радушно встретили и горячо любили и богатые, и бедные люди — он был вполне достоин

этого. Полюбила его и прекрасная Бланшефлер, сестра короля Марка, сиявшая при дворе, как сияет звезда на небе. Но родине Ривалина стали грозить враги, и Ривалин вынужден был расстаться с гостеприимным двором короля Марка. Бланшефлер последовала за ним, и в Пармении совершилась их свадьба. Но недолго цвело счастье молодой четы. Ривалин был убит в бою, а известие о его смерти, совпавшее с рождением сына у Бланшефлер, погубило молодую мать: рука смерти безжалостно скосила этот чудный белый цветок. Управление страной осталось в руках королевского наместника Руаля ли Фойтенана, который заключил с врагами мир, несмотря на его неблагоприятные условия. Он скрыл рождение принца, чтобы в тиши воспитать его для великого дела — управления государством. Руаль выдает маленького принца за своего сына. Маленький принц и есть герой романа — Тристан; его имя, говорящее о печали, должно служить постоянным напоминанием о безвременной кончине его матери, кончине, как мы уже говорили, совпавшей с рождением сына.

Первоначальное воспитание дано было Тристану, его приемной матерью Флоретой — женой Руаля.

Она его так берегла,
 Такою бдительной была!
 Благодаря такому глазу
 Он не зашиб ноги ни разу
 И никаких не ведал бед.
 Ему свершилось семь лет:
 Слова и всякие движенья
 Ему понятны, без сомненья.
 Его Флорета отдала
 Руалю: очередь пришла
 Мужскую испытать опеку.
 Руаль такому человеку
 Его вручил, который с ним
 Мог ездить по краям чужим,
 Чтоб мальчик научился там
 Их непонятным языкам
 И чтоб с особенным вниманьем
 Он свел знакомство с содержанием
 Ученых книг: Тристану тут
 Пришлось изведать тяжкий труд.

Свободы прежней нет в помине:
 Пленен заботами он ныне,
 Что были скрыты от него.
 Поручаю блаженства своего
 Он пережил, пору расцвета,
 Когда одну лишь радость света
 Своей душой он познавал,
 Когда он жить лишь начинал!

Приведенный нами отрывок достаточно характеризует манеру Готфрида — некоторую расплывчатость, риторичность, привычку высказывать в разных выражениях одну и ту же мысль. Из этого же отрывка мы также знакомимся с воспитанием, которое считалось в то время лучшим. Оно представляет противоположность воспитанию Парцифалья. Последнего воспитывала его мать в уединении, стараясь удержать сына от всякого общения с миром. Тристан, наоборот, воспитывался для светской жизни. Он не только познакомился с иностранными языками, но и занимался музыкой, учась играть на различных инструментах. Большое внимание было обращено на овладение военными знаниями и куртуазию. Во всех этих занятиях Тристан проявил блестящие таланты. Как-то раз пристали к берегу иностранные купцы и выставили привезенные товары — оружие, соколов и охотничьи принадлежности всякого рода. Мальчик задумал сделать кое-какие покупки и взобрался на борт корабля вместе с товарищем. Тут он заметил шахматную доску и предложил одному из чужеземцев сыграть партию в шахматы. Разбойников — а чужеземцы были именно разбойниками — прельстили способности и красота Тристана, и они решились похитить его, чтобы продать потом в неволю. Мальчик, увлекшись игрой, не заметил, как корабль снялся с места и вышел в море. Тут только он понял весь ужас своего положения:

И плакать стал Тристан-бедняга,
 За ним приятель Курвенал,
 На друга глядя, зарыдал;
 Не мог смотреть он безучастно,
 Как плакал друг его злосчастный.
 И подняли они вдвоем
 Ужасный вой над кораблем.

Смутили всех без исключения
Друзей рыдавших сокрушенья;
Готовы плакать были все,
Кто только был на корабле.

Друзей решили разлучить. Друга Тристана посадили в челнок и пустили на произвол судьбы, дав только одно весло и небольшой хлебец. После этого Тристан стал тосковать еще больше, чем прежде. Его тоска так досадила разбойникам, что они решили отделаться от него и высадили на ближайшем берегу. Тристан очутился в суровом, негостеприимном месте: здесь были только скалы, как будто нагроможденные одна на другую, да суровое море, которое со страшным грохотом разбивало о них свои волны. Но скоро к Тристану возвратилось его самообладание, и он отправился на разведку.

Тристан оказался в Корнуэльсе, на языке которого он говорит так же хорошо, как на своем родном. Ему повстречались два пилигрима; с удивлением смотрели они на одинокого мальчика, на его богатое одеяние. Вступив в беседу с ними, Тристан скрыл от них свои похождения и выдал себя за охотника. Этот обман казался тем более правдоподобным, что из ближнего леса доносились звуки охотничьих рогов и громкий лай собак. Скоро он встретился и с обществом охотников. Завидев егермейстера, который распоряжался около убитого оленя, он вступил с ним в разговор и дал несколько советов. Охотники, разделявавшие оленя, нашли их весьма полезными и почувствовали симпатию к юному, но сведущему охотнику. Они приняли его в свое общество, и все с торжеством направились к замку, где жил король Корнуэльса Марк. Здесь и поселился Тристан, сумевший очаровать короля своими способностями, пением и игрой на арфе. Несмотря на то что Тристану было только четырнадцать лет, король Марк сделал его егермейстером. Так неожиданно началась придворная жизнь Тристана.

Между тем Курвеналу удалось спастись; вернувшись на родину, он оповестил Руаля о происшедшем, и тот отправился на поиски Тристана. Посетив ряд стран, он наконец прибыл в Корнуэльс и нашел здесь юношу. Руаль сообщил королю тайну происхождения Тристана и в доказательство своих слов показал королю драгоценный перстень. С глубо-

ким волнением признал в нем король вещь своей дорогой сестры Бланшефлер. Так открылось, что юноша приходится королю Марку родным племянником.

Так как сам Марк был бездетным, он объявил своего племянника наследником престола. Радость Тристана, также узнавшего тайну, была омрачена грустью: до сих пор он считал Руаля родным отцом и теперь должен был отказаться от этого и сознать свое сиротство. Скоро его посвятили в рыцари. Это посвящение сопровождалось торжествами, а по окончании их Тристан отправился вместе с Руалем в Пармению, чтобы наследовать отцовский престол. Нечего и говорить о восторге народа. В довершение всего молодой король совершил удачный поход против давнишних врагов своей родины. Но вскоре он вручил правление в руки верного Руаля, а сам отправился в Корнуэльс.

Невесело жилось населению Корнуэльса. Оно обязано было платить своему исконному врагу, ирландцам, ужасную дань: жители Корнуэльса ежегодно посылали в Ирландию тридцать красивейших юношей и девушек, которых ожидала рабская доля. Это возмутило отважного Тристана, и он вызвал на поединок Морольда, брата ирландского короля, прибывшего в Корнуэльс в качестве посла. Победителем остался Тристан. Но Морольд предсказал ему перед смертью, что в очень скором времени ему придется искать приюта у ирландской королевы Изоты. И в самом деле, Тристан был ранен отравленным мечом, и ему пришлось отправляться в Ирландию, королева которой славилась своим врачевным искусством.

Тристан прибывает в Ирландию под видом арфиста Тантриса в сопровождении немногих товарищей. Здесь он является при дворе королевы, играет на арфе и поет. И королева, и ее дочь, прекрасная Изольда, внимают с волнением чудному певцу. Королева узнает о его болезни и поселяет его в своем дворце, чтобы исцелить от недуга, который в противном случае может его погубить. Тристан постоянно проводит свое время в обществе королевы и прекрасной Изольды. Изольда учится у него читать и играть на арфе. У молодых людей зарождается взаимная склонность друг к другу, но Тристан не может оставаться долее в Ирландии и возвращается в Корнуэльс.

Красота Изольды не дает ему покоя и здесь. Он беспрестанно говорит о ней и, кажется, не находит слов для ее восхваления. Все окружающие начинают понимать, что он влюблен. Этим хотят воспользоваться его враги — а у него нет недостатка и в таковых, — чтобы нанести ему глубокую сердечную рану. Их конечная цель — лишить Тристана права на престол Корнуэльса. И вот они советуют королю Марку жениться на Изольде: тогда у него может появиться наследник престола, и Тристан будет естественно устранен от последнего. Долго колеблется Марк, долго не решается последовать этому совету, но наконец недоброжелатели Тристана одерживают желанную победу. Он открывает свое намерение племяннику и просит его быть сватом в задуманном браке. При этом он говорит ему, что, если брак с Изольдой не принесет ему наследника, таковым по-прежнему останется он, его дорогой племянник. Тяжело Тристану исполнять поручение своего дяди. Тем не менее он не отказывается от него и отправляется в Ирландию в сопровождении блестящей свиты.

Теперь Тристан, прежде живший в Ирландии под вымышленным именем Тантриса, едет в качестве облеченного высоким доверием королевского посла; он должен открыть свое настоящее имя. Уже одно это обстоятельство бросит тень на его прежний визит. Кроме того, ирландцы увидят в нем убийцу Морольда. Однако Тристан удачно преодолевает все трудности. Население Ирландии проникается к нему благодарностью за то, что он умертвил дракона, опустошавшего всю страну. Само поручение короля Марка он также исполняет прекрасно. Снаряжается корабль, на котором должна покинуть свою страну прелестная невеста. Она одна ненавидит Тристана, и мы знаем — за что, но Изольда делает вид, будто питает ненависть к Тристану за убийство ее дяди Морольда.

Наконец настал день отъезда. Среди женщин, сопровождающих Изольду, находится и ее няня Брангена. Королева отводит ее перед отъездом в сторону и вручает склянку, в которой заключается любовный напиток: его должны выпить Изольда и король Марк для того, чтобы любовь соединила их. После этого Тристан ведет Изольду на корабль. Изольда относится к Тристану по-прежнему враждебно, и только

скучная жизнь на корабле во время продолжительного плавания заставляет ее терпеть его присутствие.

Как-то раз Тристан сидел в кругу женщин, и ему захотелось пить. Одна из девушек, не зная, что делает, взяла заветную склянку и налила из нее Тристану и жаждавшей Изольде. Брангена пришла слишком поздно, после того как роковое дело совершилось. В ужасе схватила она склянку и выбросила с остатком волшебной влаги за борт корабля. Но волшебное зелье уже оказало свое действие на Тристана и прекрасную Изольду.

Как говорить о том я стану,
 Что испытать пришлось Тристану
 И милой деве, лишь они
 Напитка выпили одни?
 Любовь, искуснейший ловец
 Всех человеческих сердец,
 Несокрушимая любовь
 Вошла в сердца, проникла в кровь.
 Им не ясна была та сила,
 Что их себе поработила;
 Они бороться не могли
 С могучей силою любви.
 На месте том, где победила,
 Она победный стяг вонзила,
 И два созданья волшебством
 Единым стали существом.
 Одни и те же — чувства их;
 Изольды гнев совсем утих,
 Исчезли мигом и следы
 В груди таившейся вражды —
 Лишь греховодница любовь
 Волнует молодую кровь.
 Близки по чувству своему —
 Изольде он, она ему;
 Вперив один в другого взгляд,
 Как будто в зеркало глядят
 Тристан с Изольдой в то мгновенье:
 На лицах то же выраженье,
 И бьется сердце в них одно.

Но вот показались на горизонте береговые очертания Корнуэльса. Будущее грозно предстало перед ними. И вот трое —

Тристан, Изольда и Брангена — заключили в виду этих берегов тесный союз, решившись призвать на помощь хитрость. Марк, ничего не подозревая, женится на Изольде, но та по-прежнему страстно любит своего Тристана, а Тристан — ее. Они дорожат своим счастьем и принимают всевозможные меры, чтобы скрыть его от посторонних взоров. Но положение их очень тяжело, так как за ними зорко наблюдают. Молва, переходя из уст в уста, растет все более и более, и дело доходит наконец до того, что становится необходимым прибегнуть к Божьему суду для доказательства невинности Изольды. Чтобы доказать свою невинность, Изольда должна пройти босыми ногами по раскаленному железу.

Испытание в высшей степени тяжелое, но любовь одержала победу и здесь. Тристан нарядился бедным пилигримом и явился в таком виде ко двору. Изольда требует, чтобы этот пилигрим доставил ее на место, где должно произойти состязание. Никто не подозревает истины. Переодетый Тристан берет Изольду на руки и переносит ее на указанное место. Тогда Изольда объявляет во всеуслышание, что ее никогда не обнимал никто, кроме мужа и перенесшего ее на место Божьего суда пилигрима. Задолго до иезуитов здесь проявилась та изворотливость, которая в XVI веке была санкционирована уставом ордена Лойолы. Формальная правда соблюдена, и прекрасная Изольда проходит без всякого для себя вреда по раскаленным полосам железа. Божий суд оправдал ее, честь Изольды спасена в глазах людей. Король Марк возвращает свою милость Тристану и Изольде и грозит строгим наказанием всякому, кто вздумает распространять неблагоприятные для них слухи. Любовь торжествует.

В упоении любовью виновные начинают терять всякую осторожность, которая до этого сопровождала все их действия. Наступает момент, когда и король Марк воочию видит то, что давно уже видели другие. Глубоко огорченный король отпускает жену и племянника: они могут уйти, куда им угодно, лишь бы только не оставались при его дворе.

Тристан и Изольда уходят в глубину леса и поселяются в пещере. Счастье их на лоне природы не знает пределов. К ним привыкают олени и птицы — они пьют воду из прозрачного ручья, который бежит перед самой пещерой. Это

поэтическое место случайно посещает во время охоты король Марк. Не подозревая о Тристане и Изольде, он заглянул в их пещеру и увидел их спящими. Сердце Марка дрогнуло: он все еще любит Изольду, несмотря на то что она любит другого. Король решает вернуть Тристана и Изольду ко двору.

Тогда Тристан расстается с Изольдой и пытается охладить жар любви в странствиях. Он посещает страну Пармению, бросается в поединки и битвы, но не достигает желанной цели. Такова сила рокового напитка. Случайность приводит его к другой Изольде — Изольде с белыми руками, как ее называют. Она — дочь одного из князей, которому он помог своим войском. Она и молода, и прекрасна, и любит его. Ее брат становится другом Тристана. И отец новой Изольды, и ее брат желают соединить их брачным союзом. Само имя красавицы привлекает Тристана, но в то самое мгновение, когда новая Изольда смотрит на него, ему видится неотступно преследующий его образ другой Изольды, и он отверщается от Изольды с белыми руками: он не в силах изменить своей любви. На этом эпизоде и обрывается роман Готфрида Страсбургского.

Остановила ли руку поэта смерть, или сам поэт нашел наилучшим закончить этим эпизодом свое произведение, мы не знаем.

Необычайно интересный сюжет и некоторое колебание Тристана, изображенное Готфридом в конце его романа, вызвали продолжателей. Первыми среди них следует назвать Генриха фон Фрейберга⁸⁸ и Ульриха фон Тюргейма⁸⁹. Вот как продолжает фабулу Ульрих фон Тюргейм.

Колебания Тристана кончились тем, что он женился на Изольде с белыми руками. Но, сделав роковой шаг, Тристан чувствует, что не может быть мужем новой Изольды. Он хочет найти успокоение в охоте, в бесцельном блуждании по лесам. Всюду сопровождает его брат новой Изольды, Каедин, которому он поверяет свои чувства и мысли.

Раз, когда они отдыхали в лесу после охоты, к Тристану явился оригинальный посол. То была серна, бывшая когда-то свидетелем его счастья в лесу. Изольда, вернувшись во дворец, захватила с собой и ее и держала при себе на память о былом. Серна бросила на колени Тристана записку от ко-

ролевы Изольды и скрылась из виду. Королева звала Тристана, умирая от тоски и томления.

Получив весточку от Изольды, Тристан забыл свою жену и направился в Корнуэльс. Его неразлучный друг Каедин поехал вместе с ним. Эта поездка была небезопасной, так как, по версии Ульриха фон Тюргейма, Тристана изгнали из Корнуэльса. Он прибегает к различным уловкам, чтобы свидеться с королевой, для чего наряжается нищим, оруженосцем и, наконец, шутом. Но враги его бдительны.

На несчастье Тристана, гибнет на поединке Каедин. Сам тяжело раненный, Тристан покидает Корнуэльс, увозя с собой труп друга на его родину, в Арундель. Он чувствует, что и его конец близок: ему уже не вылечиться от раны. Он посылает верного слугу к королеве, желая увидеть ее перед смертью. Он просит посланного, чтобы тот в случае возвращения с Изольдой поднял на корабле белый парус, в случае же ее отказа приехать в Арундель — черный парус.

Королева Изольда, как и следовало ожидать, исполнила просьбу возлюбленного: тайно покинула она дворец своего мужа и взошла вместе с посланцем Тристана на корабль. Тристан, испытывая большие мучения, с необычайным волнением ждет возвращения своего посланца. У его постели сидит жена, Изольда с белыми руками. Она мучается ревностью. В открытое окно видно море — и вот на горизонте показывается корабль.

Тристан спрашивает у жены, какого цвета парус корабля. Ревность руководит Изольдой с белыми руками, и она прибегает к роковой лжи. «Черный, — восклицает она, — черный, как уголь!» Услышав эти слова, Тристан умирает. Его тело выставлено в соборе.

Узнав о смерти Тристана, Изольда Корнуэльская испытывает страшные сердечные муки. Войдя в собор, она кидается на гроб Тристана. Но скоро появляется Изольда с белыми руками: она не хочет уступить место другой Изольде, не хочет уступить ей и мертвого Тристана, и между двумя ними завязывается горячий спор, во время которого Изольда Корнуэльская умирает прямо над гробом.

Скоро является сюда и король Марк, который погнался за женой, узнав о ее побеге. Теперь ему известно о причине ро-

ковой страсти Тристана и Изольды, о волшебном напитке, который они выпили по недоразумению. Они не могли поступать иначе, в их поступках не проявлялось личной воли, не было того, что делает поступок преступлением. Все понял своим благородным сердцем король Марк и несся за своей женой, чтобы простить и ее, и Тристана, но злой рок решил дело иначе. Марку оставалось только проливать искренние, горячие слезы над несчастными существами. Он увез их трупы с собой, основал у себя монастырь, чтобы доставить спасение их душам, и похоронил тела Тристана и Изольды в монастырском саду.

Над могилами их была посажена виноградная лоза и роза. Они густо разрастаются, сплетают свои ветви и бросают отрадную тень на могилы Тристана и Изольды, не разлученных и самой смертью.

Примечания

- ¹ Людвиг Уланд (1787—1862) — немецкий поэт, представитель так называемой «швабской школы», драматург, общественный деятель.
- ² Страсбургская клятва — союзнический договор, заключенный между братьями, западнофранкским королем Карлом II Лысым и восточнофранкским королем Людовиком II Немецким, 14 февраля 842 года. Текст сохранился в составе сочинения «О раздорах сыновей Людовика Благочестивого» франкского хрониста Нитгарда — двоюродного брата королей.
- ³ Абд ар-Рахман III (891—961) — первый арабский халиф в Испании, прозванный «ан-Насир» («Победоносный»).
- ⁴ Кордовская соборная мечеть, Месquita (*исп.* мечеть) — в Средние века вторая по величине мечеть в мире. После испанской Реконквисты была преобразована в римско-католический собор.
- ⁵ Николай Петрович Боткин (1813—1869) — писатель; почти всю жизнь провел в путешествиях.
- ⁶ «Книга песен» (*Buch der Lieder*) — сборник стихов Г. Гейне, вышедший в 1827 году и принесший ему мировую известность.
- ⁷ Вилланы — категория феодально-зависимого крестьянства в некоторых странах Западной Европы.
- ⁸ Шпильман — средневековый бродячий артист в немецкоязычных странах. С XIV века шпильманы объединялись в цехи и гильдии, которые сохранялись до XVIII века.
- ⁹ Бэв из Антона — легендарный герой, чьи приключения известны во многих вариантах, которые отталкиваются от исходных версий — англо-нормандской и французской («континентальной»), чье авторство неизвестно. Сюжет получил распространение и на Руси («Повесть о Бове королевиче»).

- ¹⁰ Псалтерион — античный многострунный музыкальный инструмент треугольной формы, отдаленно напоминающий гусли.
- ¹¹ Сордель (Сорделло) (до 1220 — ок. 1270) — трубадур, происходил из знатного мантуанского рода. Прожил жизнь, полную приключений, среди которых похищение жены Куниццы, жены правителя Вероны графа Сан-Бонифачио. Данте вывел Сорделя в качестве персонажа «Божественной комедии».
- ¹² Раймбаут де Вакейрас (кон. XII—XIII) — провансальский трубадур, пел на пяти языках (окситанском, итальянском, французском, гасконском и галико-португальском).
- ¹³ Фолькет Марсельский (ок. 1150 — не позднее 1195) — провансальский трубадур, родом из купеческой семьи. Сочетал сочинение песен с торговлей. Позже посвятил себя церкви, в 1205 году был назначен епископом Тулузы. Участвовал в создании инквизиции в Лангедоке, был яростным гонителем альбигойцев.
- ¹⁴ Пейре Видаль — трубадур родом из Тулузы, был сыном скорняка.
- ¹⁵ Джауфре (Жоффруа) Рюдель (ок. 1100 — после 1148) — провансальский трубадур, сеньор Блаи.
- ¹⁶ Маркабрюн (? — ок. 1149) — трубадур гасконского происхождения; в «Жизнеописаниях трубадуrow» (XIII—XIV века) Жана де Нострада сообщается, что он был убит владельцами одного из замков, которых задели его сатирические стихи. Считается основоположником так называемого темного стиля. Произведения, созданные в темном стиле, были понятны лишь небольшому кругу «посвященных» слушателей.
- ¹⁷ Эдмон Ростан (1868—1918) — французский поэт и драматург неоромантического направления.
- ¹⁸ Ги д'Юссель (ум. ок. 1225) — владетель замка Юссель. Самый талантливый представитель семейства трубадуrow д'Юссель.
- ¹⁹ Гильом Фигейра (ок. 1195—1250) — провансальский трубадур. Упомянутая сирвента зачитывалась как улика на одном из инквизиторских процессов.
- ²⁰ Филипп Муске (Philippe Mouskes; перв. пол. XIII века) — автор рифмованной хроники, которая прослеживает историю франков и Франции от ее истоков до 1242 года.
- ²¹ Прозвище это означало, что Ричард часто менял свое мнение и его легко было склонить в ту или иную сторону.
- ²² Гервасий Тильберийский (Gervasius Tilburiensis, Gervase of Tilbury; ок. 1150—1228 или 1235) — англо-латинский писатель XIII века.
- ²³ Феликс Людвиг Юлиус Дан (Felix Ludwig Julius Dahn; 1834—1912) — немецкий писатель и поэт, автор исторических романов.
- ²⁴ Ги (Гвидо) де Лузиньян (Guy de Lusignan; ум. 1194) — король Иерусалима с 1186 года.

- ²⁵ Конрад (ок. 1145—1192) — маркграф Монферратский, сеньор Тирский, в 1192 году стал королем Иерусалима, но уже через несколько недель, в апреле того же года, был зарезан подосланными убийцами.
- ²⁶ Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) — историк, профессор кафедры всеобщей истории (1848—1850) историко-филологического отделения философского факультета Московского университета.
- ²⁷ Жакерия — самое крупное в истории Франции крестьянское восстание, вспыхнувшее в 1358 году; название получило по распространенному во Франции имени Жак.
- ²⁸ Ахитофел — советник Давида. Полагая, что мятежный сын Давида Авессалом утвердится на престоле, Ахитофел вызвался стать его советником, а когда увидел неизбежность падения Авессалома, то, боясь мести Давида, «пошел в дом свой, в город свой, и сделал завешание дому своему, и удавился, и умер, и был погребен в гробе отца своего» (2 Цар. XVII, 23).
- ²⁹ Тот же отрывок (с добавлением трех предшествующих строк) в переводе М. Л. Лозинского:

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,

И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.

Он сам себе светил, и было два
В одном, единый в образе двойного,
Как — знает Тот, чья власть во всем права.

Остановясь у свода мостового,
Он кверху руку с головой простер,
Чтобы ко мне свое приблизить слово,

Такое вот: «Склони к мученьям взор,
Ты, что меж мертвых дышишь невозбранно!
Ты горших мук не видел до сих пор.

И если весть и обо мне желанна,
Знай: я Бертрам де Борн, тот, что в былом
Учил дурному короля Иоанна.

Я брань воздвиг меж сыном и отцом:
 Не так Ахитофеловым советом
 Давид был ранен и Авессалом.

Я связь родства расторг пред целым светом;
 За это мозг мой отсечен навек
 От корня своего в обрубке этом:

И я, как все, возмездья не избег».

³⁰ Григорий Турский (*лат.* Gregorius Turonensis, *фр.* Grégoire de Tours; 538 или 539–593 или 594) — франкский историк, епископ Турский с 573 года.

³¹ Фортунат — народная книга XV века, одна из наиболее популярных в Германии; автор не известен.

³² Сидоний Аполлинарий Гай Соллий Модест (Gaius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius;? — 483), галло-римский писатель, поэт, дипломат.

³³ Хлодвиг I (ок. 466–511) — король франков, правил в 481/482–511 годах. Сын короля Хильдерика I и королевы Базины Тюрингской.

³⁴ Chanson de geste (буквально «песнь о деяниях»), или жеста — жанр французской средневековой литературы эпического содержания.

³⁵ Бенуа де Сент-Мор (ум. 1173) — французский поэт, придворный историограф Генриха II Плантагенета.

³⁶ Киклики, циклики — древнегреческие поэты эпического цикла, в Древние и Средние века отождествлялись с Гомером, который считался творцом большинства их произведений.

³⁷ Публий Папиний Стаций (40-е гг. — ок. 96) — латинский поэт, современник римского императора Домициана, последнего из династии Флавиев.

³⁸ Луций Флавий Арриан (Lucius Flavius Arrianus; ок. 89 — ок. 175) — древнегреческий историк и географ, занимал ряд высших должностей в Римской империи. Автор исторического трактата «Анабасис Александра».

³⁹ Квинт Курций Руф (Quintus Curtius Rufus; I в.) — римский историк, написавший «Историю Александра Великого Македонского» — одно из наиболее полных жизнеописаний полководца, дошедших до наших дней.

⁴⁰ Круг учебных наук в эллинистическую эпоху в Греции, Древнем Риме и средневековой Западной Европе. Включал семь «свободных искусств»: три гуманитарных дисциплины (*лат.* trivium) — грамматику, логику и риторику — и четыре дисциплины точных

- наук (*лат.* *quadrivium*) — арифметику, геометрию, астрономию и музыку (гармонику).
- ⁴¹ Эйнхард или Эгингард (*лат.* *Einhardus*, *Eginhardus*, *нем.* *Einhard*, *Eginhard*; ок. 770–840) — франкский историк. Автор единственной биографии императора Карла Великого, написанной при его жизни («*Vita Karoli Magni*» — «Жизнь Карла Великого»).
- ⁴² Имя Турольд присутствует в последней строке самой ранней из дошедших до нашего времени редакций «Песни о Роланде» — Оксфордской рукописи (1170 или 1180 год), но из этой записи нельзя сделать вывод, о ком идет речь — об авторе или переписчике. Кто такой был этот Турольд, не установлено.
- ⁴³ Жан Жуанвиль, Жоанвиль (*Jean de Joinville*, 1223–1317) — французский историк. Его «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» (*Livre des saintes paroles et des bons faiz nostre roy saint Loos*) — одно из наиболее значительных произведений литературы Средних веков.
- ⁴⁴ Гвельфы (*ит.* *guelfi*) и гибеллины (*ит.* *ghibellini*) — враждовавшие между собой политические течения в Италии XII–XIII веков. Гвельфы выступали за ограничение власти императора Священной Римской империи в Италии и усиление влияния Папы Римского. Гибеллины, наоборот, выступали за укрепление власти императора.
- ⁴⁵ Нищенствующий орден миноритов (францисканцев) был основан Франциском Ассизским в 1208 году с целью проповеди в народе аскетизма и любви к ближнему. Устав ордена предписывал его членам абсолютную бедность.
- ⁴⁶ Гильом де Сент-Амур (*Guillaume de Saint-Amour*; 1202–1272) — французский философ и теолог, был ректором Парижского университета. Подвергался ожесточенной травле со стороны нищенствующих монашеских орденов. Был изгнан из Парижа по требованию папы Александра IV, а его сочинения были запрещены, и это запрещение сохранялось вплоть до XVII века.
- ⁴⁷ Папа Александр IV умер в 1261 году, его преемник папа Урбан IV — в 1264 году.
- ⁴⁸ Имеется в виду Дева Мария.
- ⁴⁹ Гильда Премудрый, Гильдас (*Gildas Sapiens*; ум. ок. 570) — британский писатель. Его сочинение «О погибели Британии» представляет собой обширное письмо-проповедь на латинском языке в 110 главах.
- ⁵⁰ Ненний (*Nennius*) — валлийский историк VIII–IX веков, автор «Истории бриттов», где описывается история Британии от заселения острова до эпохи короля Артура (VI век) и приводятся отдельные сведения по более поздним периодам.

- ⁵¹ Гальфрид Монмутский (Galfridus Monemutensis; ок. 1100 — ок. 1155) — британский историк. Создал ряд произведений, повлиявших на развитие истории в Британии.
- ⁵² Точное название «История королей Британии» (Historia Regum Britanniae).
- ⁵³ Среди источников труда Гальфрида, кроме «Истории бриттов» Ненния, называют также «О погибели Британии» Гильды Премудрого, «Церковную историю народа англов» Беда Достопочтенного (ок. 673—735), латинские хроники, валлийские генеалогии и др.
- ⁵⁴ Вас (Wace) — норманнский поэт XII века. Романы Васа считаются важным источником по истории Франции, Англии и Дании XII века.
- ⁵⁵ Робер де Борон (Robert de Boron) — французский поэт конца XII — начала XIII века. Автор трилогии рыцарских романов о поисках Грааля.
- ⁵⁶ Кретьен де Труа (Chrétien de Troyes; ок. 1135 — ок. 1183) — выдающийся средневековый французский мастер куртуазного романа. Писал также лирические произведения.
- ⁵⁷ Шевалье (*фр.*) — младший дворянский титул во Франции. Здесь: придворный.
- ⁵⁸ Точное название «Ивейн, или Рыцарь со львом» (Yvain, le Chevalier au Lion).
- ⁵⁹ Гогенштауфены, или Штауфены (Hohenstaufen или Staufen) — династия южногерманских королей и императоров Священной Римской империи (1138—1254), угасшая в мужском поколении в 1268 году.
- ⁶⁰ Генрих фон Фельдеке (Heinrich von Veldeke; до 1150 — между 1190 и 1200) — поэт периода раннего миннезанга, ярчайший представитель куртуазной поэзии; писал на нижнефранконском наречии.
- ⁶¹ Кюренберг (Der von Kürenberg, Kürenberger) — немецкий поэт периода раннего миннезанга. Произведения ориентировочно датируются 50—70-ми годами XII века.
- ⁶² Дитмар фон Аист (Dietmar von Aist) — немецкий поэт периода раннего миннезанга. Упоминается в документах разных городов в 1140—1171 годах.
- ⁶³ Нейдхарт фон Ройенталь (Nithart von Riuwental; ок. 1180 — между 1236 и 1247) — немецкий поэт-композитор периода позднего миннезанга.
- ⁶⁴ Тангейзер (Tannhäuser, Tanhäuser; XIII век) — немецкий поэт периода позднего миннезанга; его жизнь послужила темой для немецких народных легенд; широкую известность получил благодаря одноименной опере Вагнера.

- ⁶⁵ Среди прочего он сообщает, что проехал от Венеции до Вены, вызывая каждого встречного рыцаря на бой во имя Венеры, победил всех противников и сломал при этом 307 копий.
- ⁶⁶ Михаил Назарьевич Петров (1826—1887) — историк, профессор Харьковского университета.
- ⁶⁷ М. Н. Петров, «Очерки из всеобщей истории». — Харьков, 1868.
- ⁶⁸ Гуго фон Тримберг (Hugo von Trimberg; 1240—1313) — немецкий поэт периода позднего миннезанга, славился ученостью и благочестием.
- ⁶⁹ Птолемаида, Птолемаис (греч. Ptolemais) — название ряда городов в Киренаике, Египте, Финикии, Памфилии и др. областях, основанных или переименованных в VI—III веках до н. э. Птолемеями. В данном случае речь, скорее всего, идет о городе Акко в Западной Галилее, который также был основан Птолемеями и первые века своего существования носил название Птолемаида.
- ⁷⁰ Вильгельм Карл Гримм (Wilhelm Karl Grimm; 1786—1859) — немецкий филолог, представитель, так называемых «гейдельбергских романтиков», ставивших целью возрождение общественного и научного интереса к народной культуре.
- ⁷¹ Жюль Мишле (Jules Michelet; 1798—1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии, изобретатель термина «Ренессанс».
- ⁷² Елизавета Венгерская, Елизавета Тюрингская (нем. St. Elisabeth von Thüringen, венг. Árpád-házi Szent Erzsébet) — принцесса из венгерской династии Арпадов, дочь венгерского короля Андраша II, ландграфиня Тюрингии, католическая святая.
- ⁷³ Владимир Иванович Герье (1837—1919) — русский историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868—1904).
- ⁷⁴ Рейнмар фон Хагенау, Рейнмар Старший, (Reinmar von Hagenau; 1185—1205/1210) — немецкий поэт периода раннего миннезанга. Около 1190 года он появился при дворе герцога Леопольда V в Вене и, возможно, сопровождал герцога в Крестовом походе 1190 года. Фридрих I Католик, о котором упоминает автор, был сыном Леопольда V.
- ⁷⁵ 21 июня 1208 года во время свадьбы племянницы Филиппа его вероломно заколол пфальцграф Баварии Оттон VIII фон Виттельсбах, впоследствии за это обезглавленный. Причиной стало то, что Филипп не сдержал обещания выдать за Оттона свою дочь.
- ⁷⁶ В 1216 году Иннокентия III на папском престоле сменил Гонарий III.

- ⁷⁷ Константинов дар — подложный дарственный акт римского императора Константина I (272—337) Римскому Папе Сильвестру I о передаче верховной власти над Западной Римской империей главе римской церкви. Со второй половины XI века служил одним из главных оснований для папских притязаний на верховную власть как в Церкви, так и на высший сюзеренитет в средневековой Европе. Происхождение документа доподлинно неизвестно. Предполагается, что он был изготовлен во второй половине VIII или в IX веке во Франции.
- ⁷⁸ Сильвестр II (Silvester PP. II), Герберт Орильякский (Аврилакский) (ок. 946—1003) — средневековый ученый и церковный деятель, Папа Римский (999—1003 годы). Его имя было окутано многочисленными легендами.
- ⁷⁹ Стихотворение так и называется «Вальтер фон дер Фогельвейде»:

Фогельвейде, миннезингер,
 Пожелал в свой смертный час
 В Вюрцбурге, у стен собора,
 В землю лечь под старый вяз.

Завещал он все монахам
 И просил лишь об одном:
 Каждый полдень на могиле
 Певчих птиц кормить зерном.

«У крылатых менестрелей
 Перенял я песнь свою —
 И теперь за их науку
 Долг им давний отдаю».

И певца любви не стало...
 Но, храня его завет,
 Рассыпали в полдень дети
 Зерна птицам на обед.

День за днем на вышки башен,
 И в ненастный час и в зной,
 День за днем слетались птицы
 Хлопотливою гурьбой.

На ветвях тяжелых вяза,
 Стлавших тени по земле,
 На плите надгробной барда
 И на бронзовом челе,

На окно садились стайки
У готических зубцов,
Воскрешая состязанья
Древних вартбургских певцов.

Сколько щебета и писка,
Резвых песенок, похвал!
Звонко имя Фогельвейде
Хор пернатый повторял.

Но аббат, не в меру тучный,
Молвил как-то: «Сколько трат!
Нам самим зерна не хватит.
Монастырь не так богат».

...И напрасно к шпилям башен
С гнезд лесных, с лугов, с полей,
Слыша колокол, несется
Рой непрошенных гостей.

И напрасно с грустным писком
Вьется он у черепиц, —
Нет детей, зерна не видно,
Пусто все среди гробниц.

...Безымянны плиты кладбищ,
Все стирает поступь лет.
Лишь преданье нам напомнит,
Где покоится поэт.

Но живет он в птичьих песнях,
Окружающих собор.
«Фогельвейде! Фогельвейде!» —
Повторяет звонкий хор.

Перевод Михаила Касаткина

⁸⁰ Манесская рукопись, Манесский кодекс — средневековая рукопись на средневерхненемецком языке, украшенная красочными миниатюрами и орнаментами. Состоит из 426 пергаменных листов размером 35,5 на 25 сантиметров. Находится в библиотечном собрании Гейдельбергского университета (отсюда еще одно название на русском языке — Большая Гейдельбергская рукопись).

- ⁸¹ Вильгельм Шерер (Wilhelm Scherer; 1841—1886) — немецкий филолог, историк литературы. Профессор Венского (1868), Страсбургского (1872), Берлинского (1877) университетов.
- ⁸² Здесь перемешаны личности исторические и вымышленные; среди последних почти легендарный Генрих фон Офтердинген и уже совсем легендарный венгерский астролог Клингсор.
- ⁸³ Король-рыбак — персонаж легенд о рыцарях Круглого стола, хранитель Святого Грааля. В «Персевале» Кретъена де Труа, послужившем основой для «Парцифалья», остается безымянным. Имя Амфортас ему дано Вольфрамом фон Эшенбахом.
- ⁸⁴ Кристоф Кресс — влиятельный член городского совета в Нюрнберге. Покровительствовал художнику Альбрехту Дюреру.
- ⁸⁵ Конрад фон Вюрцбург, Конрад Вюрцбургский (Konrad von Würzburg; 1220/1230—1287) — немецкий эпический и лирический поэт; писал небольшие лирические произведения, а также крупные исторические саги в так называемом «цветочном стиле».
- ⁸⁶ Генрих I Птицелов (Heinrich der Vogeler; ок. 876—936) — герцог Саксонии с 912 года, с 919 года — первый король Восточно-Франкского королевства из саксонской династии Людольфингов.
- ⁸⁷ Замок Монсальват (иначе Монсальваж, Мунсальвеш) — название замка Грааля в ряде произведений, связанных с легендами о рыцарях Круглого стола.
- ⁸⁸ Генрих Фрейбергский (Henrich Freiberg; кон. XII — нач. XIV века) — немецкий поэт; его продолжение «Тристана» Готфрида Страсбургского датируется ок. 1300 года.
- ⁸⁹ Ульрих фон Тюргейм (Ulrich von Thürheim; XIII век) — немецкий поэт, жил при дворе короля Германии Генриха VII; продолжение «Тристана» написал ок. 1240 года.

Содержание

Предисловие	5
Трубадуры	
Трубадуры и жонглеры	11
Бертран де Борн	44
Труверы	
Труверы и их поэзия	81
«Песнь о Роланде»	102
Рютбёф	119
Романы Круглого стола	140
Миннезингеры	
Миннезингеры и судьба миннезанга	161
Вальтер фон дер Фогельвейде	175
Вольфрам фон Эшенбах	192
Лоэнгрин, сын Парцифаля	209
Тристан и Изольда	214
<i>Примечания</i>	225

- Иванов К.**
И20 Трубадуры, труверы, миннезингеры / Константин Иванов. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 240 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-226-4

Странно представить сейчас, что было время, когда по европейским дорогам толпами разъезжали рыцари и традиция обязывала их быть певцами и поэтами. И некоторые из них, надо признать, стали поэтами выдающимися. Зародившись во Франции, искусство трубадуров и труверов, распространилось по Европе и по-своему преломилось в образе жизни и творчестве немецких «певцов любви» — миннезингеров. Обычно это были небогатые дворяне, но случались среди них и владетельные особы, которые не только пели свои стихи, но и оказывали покровительство другим странствующим сочинителям, совершающим подвиги во имя личной чести и дамы сердца. Рыцарству и возвышенной поэзии, которые невозможно разделить и без которых невозможно представить европейское Средневековье, посвящена книга историка и поэта Константина Алексеевича Иванова (1858—1919) — директора Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, домашнего учителя истории и географии детей последнего русского царя.

УДК 94.4
ББК 83.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3. Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Константин Иванов

Трубадуры, труверы,
миннезингеры

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 17.03.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1518.

ООО «Издательство «Ломоносовь»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. Половцы
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям ДАМПИР
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета
Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. Речи немых
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины в Древней Руси
и Московии: невеста, жена, любовница
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ и ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ и зоология мифических животных
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО в СРЕДНИЕ ВЕКА
Владислав Петров. Древняя история СМЕРТИ

Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
Наталья Пушкарёва. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА
Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
Алексей Смирнов. СКИФЫ
Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ПЕЧЕНЕГИ
Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ КАРЛ ФИЛИПП,
или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ

**все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте**

www.lomonosov-books.ru

**Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства**

info@lomonosov-books.ru

**Константин
Иванов**

Трубадуры,
труверы,
миннезингеры

Странно представить сейчас, что было время, когда по европейским дорогам толпами разъезжали рыцари и традиция обязывала их быть певцами и поэтами. И некоторые из них, надо признать, стали поэтами выдающимися. Зародившись во Франции, искусство трубадуров и труверов, распространилось по Европе и по-своему преломилось в образе жизни и творчестве немецких «певцов любви» — миннезингеров. Обычно это были небогатые дворяне, но случались среди них и владетельные особы, которые не только пели свои стихи, но и оказывали покровительство другим странствующим сочинителям, совершающим подвиги во имя личной чести и дамы сердца. Рыцарству и возвышенной поэзии, которые невозможно разделить и без которых невозможно представить европейское Средневековье, посвящена книга историка и поэта Константина Алексеевича Иванова (1858–1919) — директора Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, домашнего учителя истории и географии детей последнего русского царя.

ISBN 978-5-91678-226-4

9 785916 782264